



ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 43 ОКТЯБРЬ 1983



ТРУДЯЩИЕСЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА! ШИРЕ РАЗВЕРТЫВАЙТЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ ЗА ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА И КАЧЕСТВА ПРОДУКЦИИ!

ВЫПОЛНИМ ПО ВСЕМ ПОКАЗАТЕЛЯМ ПЛАН 1983 ГОДА, ЗАДАНИЯ XI ПЯТИЛЕТКИ!

Из ПРИЗЫВОВ ЦК КПСС к 66-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.



Субботником, проведенным 15 октября по инициативе передовых коллективов Москвы, в стране завершилась ударная вахта в честь 25-летия движения за коммунистическое отношение к труду. Активное участие в «красной субботе» принял коллектив столичного завода «Калибр». Средства, заработанные в этот день, — тридцать шесть с половиной тысяч рублей — перечислены коллективом на сооружение мемориального комплекса Победы.

На снимке: шлифовщик Игорь Бобков (слева) со своим наставником В. Т. Пискуновым в день коммунистического субботника.

Фото Э. Эттингера



**ФОТО
НЕДЕЛИ**





София. 13—14 октября здесь проходило заседание Комитета министров иностранных дел государств — участников Варшавского Договора. В работе заседания принял участие первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел Союза Советских Социалистических Республик А. А. Громыко.

Социалистические государства — участники Варшавского Договора вновь подтвердили свою непреклонную волю к миру, твердую решимость устранить нависшую над планетой угрозу ядерной катастрофы.

Телефото БТА — ТАСС

Вот уже третью неделю с волнением следит страна за судьбами экипажей десятков судов, зажатых во льдах Чукотского моря. Невиданная подвижка прессованных многометровых льдов и торосов создала тяжелую обстановку для проводки части караванов с грузами для районов Севера. Могучие ледоколы, вертолеты и самолеты направлены на помощь экипажам транспортов, которые дни и ночи несут трудную вахту.

На снимке: в порту Певек в эти дни.

Фото Ю. Ильенко (ТАСС)



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 43 (2936)

22 ОКТЯБРЯ 1983

© Издательство «Правда», «Огонёк», 1983

В НОМЕРЕ:

«Слова и дела американского президента». Памфлет генерал-лейтенанта, доктора философских наук, профессора Д. А. Волкогонова — стр. 2, 4.

Шестьдесят семь колодцев в память о павших в Великую Отечественную войну однополчанах и земляках выкопал старый солдат, тракторист Петр Антонович Чабан.

Этому украинскому механизатору посвящены очерк Н. Храбровой и цветная вкладка И. Гаврилова «Криницы солдата» — стр. 16—17.



Богучанская ГЭС — младшая сестра Братской и Усть-Илимской.

О людях, строящих гигант на Ангаре, рассказывает очерк С. Власова «Прожить красиво хочется...» — стр. 10—12.

Легендарные штурмовики и надежные современные воздушные лайнеры созданы в конструкторском бюро С. В. Ильюшина. «Талантливому коллективу исполняется полвека.

Об этом пишет А. Голиков в репортаже «60 000 Илов» — стр. 13.

Что такое приключенческий фильм? Какова его сущность и в чём его привлекательность? Легко ли он создается?

На эти вопросы отвечает Б. В. Павленко, заместитель председателя Госкино СССР. См. стр. 26—28.

СЛОВА И ДЕЛА АМЕРИКАНСКОГО ПРЕЗИДЕНТА

Генерал-лейтенант Д. А. ВОЛКОГОНОВ,
доктор философских наук, профессор

Нынешний американский президент любит выступать перед публикой: журналистами, конгрессменами, всевозможными «борцами за свободу», промышленниками, членами различных ассоциаций и фондов. При этом он явно отдает предпочтение телевизионному «тиражированию» своих речей. То ли здесь сказывается его актерское прошлое, то ли перед бесстрашной камерой он чувствует себя увереннее, чем непосредственно перед людьми, — сказать трудно, да это и неважно. Важнее другое: что он говорит.

Если проанализировать два-три десятка его речей, заявлений, обращений, то складывается впечатление, что его словарь политических терминов и понятий значительно уже и беднее, чем у многих других буржуазных политиков. Если говорить о внешнеполитических аспектах подавляющего числа выступлений американского президента, то его словарь можно назвать сугубо антисоветским. Практически все его выступления международного характера построены по одной, незамысловатой схеме, которая выглядит примерно так: «Исходя из приверженности свободе — высшей ценности американцев, я молю бога о мире, — обычно начинает президент. — Но я должен прямо сказать, что ужасающая ракетная угроза со стороны русских нарастает. Чтобы сохранить будущее нашим детям и внукам, мы вынуждены ответить на этот вызов Советов. Я сегодня принял важное решение (следует разъяснение, какой новый тип или вид вооружений будет ускоренно создаваться: химические бинарные снаряды или нейтронная бомба, бомбардировщик «Стелт» или субмарина «Огайо», ракета «МХ» или «Миджитмен», лазерное оружие или новые крылатые ракеты и др.). У нас нет никакой альтернативы, — заключает президент, — кроме как продолжать именно в этом году и именно в этом бюджете выделять те ресурсы, которые дадут гарантии нашей свободы. Но будет это стоить недешево».

Не берусь утверждать, что все внешнеполитические выступления Рейгана составлены именно по этой схеме, но что большинство их, то это точно. По существу, если вдуматься, американский президент всегда говорит об одном: чтобы сохранить мир, надо вооружаться. Но это равносильно попытке предотвратить уничтожение человечества путем подготовки к его уничтожению...

Кто же «угрожает» так называемой американской свободе? Здесь президент однозначен: о Советском Союзе, вообще реальном социализме у него припасено не больше десятка-полтора слов или выражений. Но зато

каких! Уже набили оскомину примитивные формулы: «СССР — средоточие зла», «марксизм — случайная ошибка истории», «социализм — ужасная страница», «агрессивность Советов», «традиционный экспансионизм русских», «глубокий кризис коммунизма» и т. д. Понося, «разоблачая» марксизм, он не имеет о нем никакого представления. К. Маркс, встречаясь в свое время с подобной хулой, восклицал: «О, если бы эти люди хотя бы читать умели!» Безнадежная историческая слепота не дает возможность подобным критикам не только «прочитать» прошлое, но и увидеть реальное настоящее.

Рассуждая о «пороках» коммунизма, не зная при этом и не понимая его истинных устремлений к миру и социальной справедливости, американский руководитель предстает как невежественный человек, находящийся в прочных цепях антиистин. Поэтому словесная война, сопровождающая его «крестовый поход» против коммунизма, не просто безответственная демагогия, а образ извращенного политического мышления. В нем, этом мышлении, все поставлено с ног на голову, что касается чуждого ему мира. Выступая 10 сентября по американскому радио, он заявил, что коммунисты для достижения своих целей сознательно используют... преступление, ложь, обман и т. д. Подходя с коварными мерками к враждебной для него системе, он предстает перед миром, о чем недавно писал западногерманский «Шпигель», как человек с весьма ограниченными интеллектуальными возможностями. Но даже если этот человек провозгласил своей целью уничтожение социализма как системы, неужели в его окружении нет трезвых людей, которые бы разъяснили ему, чем это кончится? Ведь в конце концов, если говорить несколько упрощенно, президент должен знать, что тот, кто запустит ракеты первым, погибнет вторым. Выбор невелик. Поэтому пора понять, что с нами необходимо, неизбежно нужно сосуществовать. У президента нет иного разумного выбора, нежели вести с нами честный диалог. Ведь человечество сидит как бы в одной лодке в открытом океане, где нет поблизости ни островов, ни кораблей.

Естественно, в речах президента капиталистическая Америка всегда предстает как «оплот великой мечты» и, конечно, «лидер свободного мира». Выступая на пресс-конференции в Белом доме 21 июля с. г., американский президент, заявляя о «двухпартийной победе» в деле принятия программы производства ракеты «МХ Пискипер», заявил, что она, «победа», будет способствовать «возра-

станию в интересах мира руководящей роли Америки». Обитателя Овального кабинета в Белом доме не интересует, нужна ли «руководящая роль» Америки Сальвадору, Никарагуа, Ливану или Чаду, десяткам других государств и народов. Времена другие, а мышление прежнее: иллюзорное представление о том, что «сильная Америка может все». Но эта «сильная Америка» не может в собственной стране справиться с безработицей, преступностью, наркоманией, расизмом, но тем не менее ее лидеры считают, что они вправе не только поучать других, как им нужно поступать, но и требовать от них следовать тем курсом, который угоден Вашингтону.

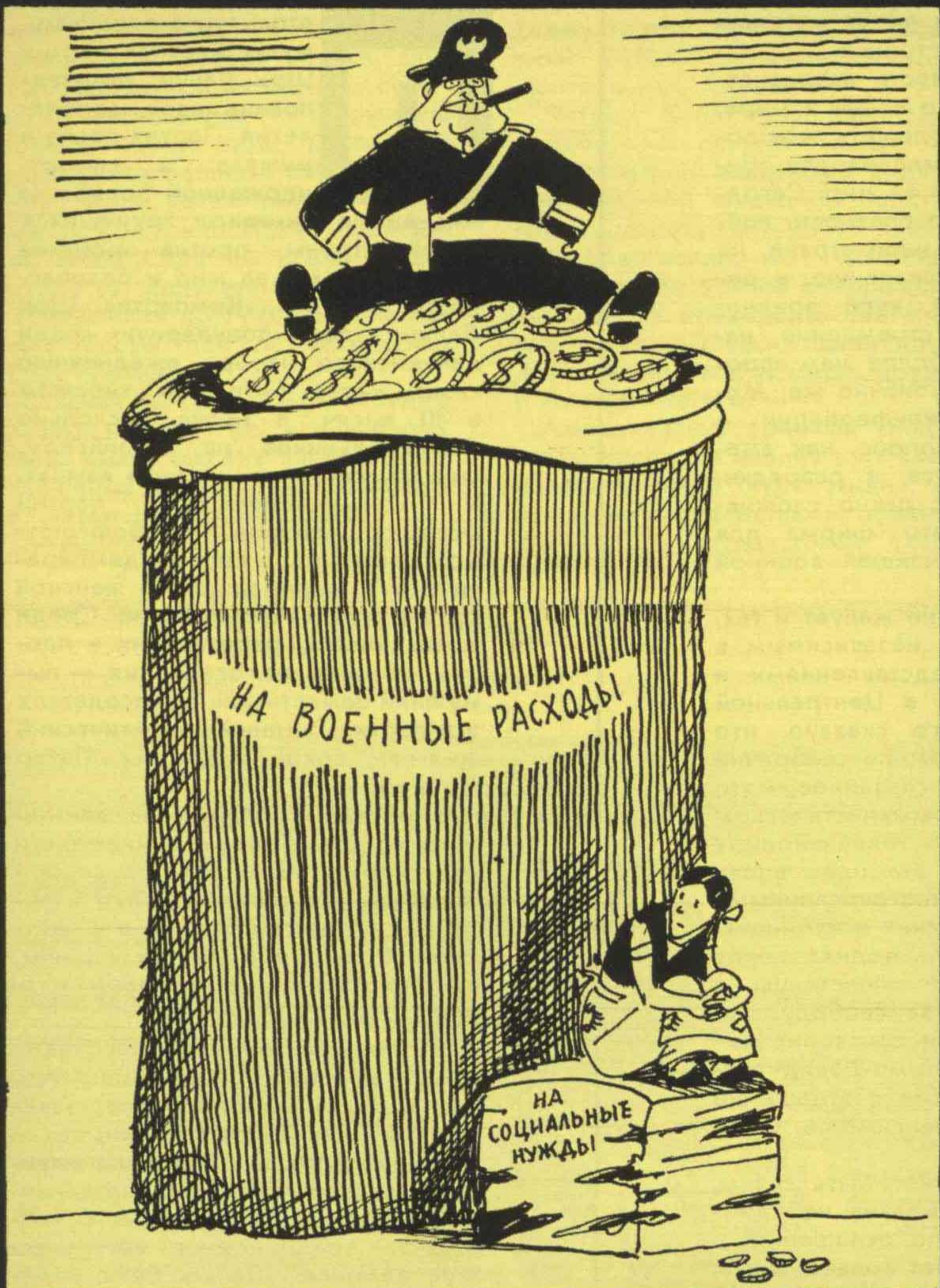
Президент любит патетику. Обращаясь в марте к нации и предлагая ей поддержать гонку вооружений в космосе, Рейган воскликнул: «Этот шаг сулит изменить все развитие человечества!» Перенесение противоборства, кроме суши, океанских просторов, также и в космос американский руководитель расценил как «новую надежду нашим детям в XXI веке!». Ведь уже и сегодня США в состоянии устроить 600 тысяч Хиросим, но для лучезарных «надежд» этого президенту мало. Для простых людей подобная патетика чудовищна; ведь в отличие от ее автора они понимают, что жизнь на планете можно уничтожить лишь один раз, а не дважды или трижды.

Стремление затронуть струны чувств, вызвать доверие, эйфорию у слушателей очень часто сопровождает речи президента. Выступая 22 сентября этого года на обеде в честь сенатора Тэрмонда, Рейган провозгласил: «Мы приветствуем господ бога за то, что мы стали сильнее в военном отношении. Ведь это позволило нам защитить жизнь неродившегося ребенка!» Те, кто аплодировал ему на обеде, как бы начисто забыли о тех миллионах родившихся и неродившихся детей во Вьетнаме, Сальвадоре, Никарагуа, Ливане, множестве других мест, которые были брошены в небытие с помощью американского напалма, фосфорных и вакуумных бомб, тривиальных снарядов и пуль, посылаемых в беззащитных американскими «джи ай».

Американский президент, особенно в последнее время, в связи со шпионской акцией ЦРУ, заслывшего в советское воздушное пространство южнокорейский самолет, вновь усиленно обращается к темам морали, демократии, прав человека, духовных ценностей и гуманизма. Особенно злобными были его выступления 5, 10 и 26 сентября. Противореча самому себе, будучи не способным ответить ни на один вопрос, поставленный советской стороной, об истинных причинах дерзкого нарушения нашего суверенитета, президент, встав в позу плакальщика, не нашел ничего лучшего, как предавать анафеме тех, кто мыслит и действует иначе.

В своем заявлении, посвященном восьмой годовщине подписания Заключительного акта хельсинкского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, американский президент изобразил себя как борца «против тирании в Восточной Европе», для которого одна из высших целей — «обеспечение подлинных прав всем гражданам Европы, находящимся под властью коммунистических режимов». Президент не утруждает себя размышлениями по поводу глубокого фарисейства этих сентенций. Европа, о которой он печется, в его планах — лишь арена вероятной ядерной схватки. Готовясь втащить на старый континент почти 600 своих ракет, президент давно отвел своим союзникам «право» быть ядерными зложниками.

Выступая 19 апреля 1983 года по поводу доклада комиссии под председательством Б. Скаукрофта, президент заявил, что в Женеве США стремятся «продемонстрировать свою решимость, национальную волю и честность» для блага европейской безопасности. На деле же П. Нитце и его помощники в соответствии с указаниями Рейгана на переговорах пытаются добиться лишь добровольного согласия СССР на одностороннее разоружение. И это по логике президента называется «честностью». А поскольку американские руководите-



Капиталистическая Золушка

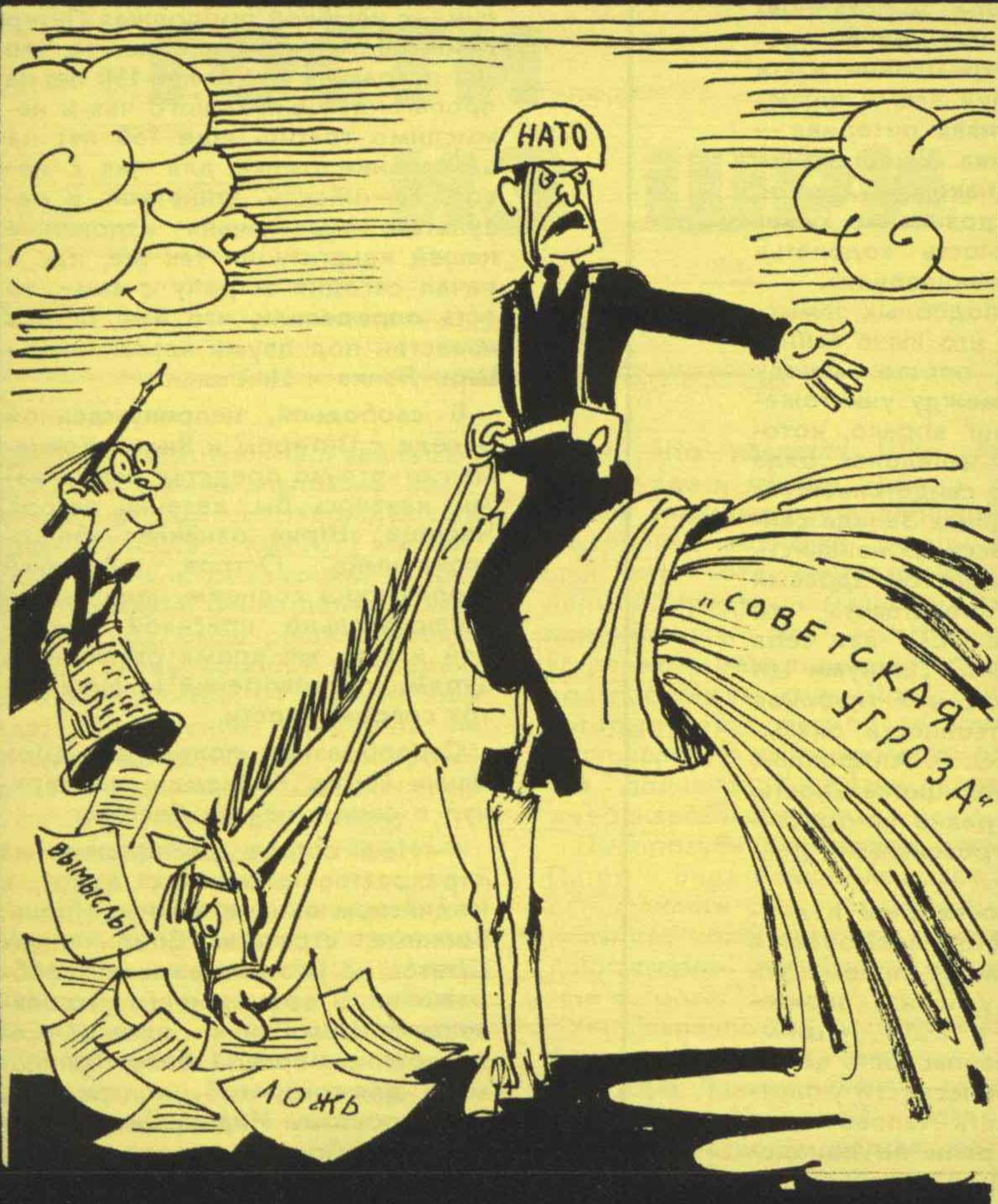


Безработный Гулливер и лилипуты

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки Ю. Черепанова

Натовский барон Мюнхгаузен



Красная Шапочка и заокеанский Волк



ли понимают, что СССР на односторонние уступки не пойдет, то на переговоры в соответствии с кодексом «чести» милитаристов они смотрят лишь как на элемент выигрыша времени. Ведь президент и его ближайшее окружение давно решили: американские ракеты должны быть в Западной Европе. По их представлению, чем больше американских ракет в Европе, тем большее количество своего оружия будут вынуждены перенацелить на них русские и тем самым у Вашингтона появляется химерическая надежда: возможную ядерную схватку ограничить лишь Западной Европой и Советским Союзом. Эфемерность таких расчетов очевидна. Они несостоятельны ни в политическом, ни в военном смысле и аморальны по своей сути. В соответствии с такими представлениями о морали, правах человека американский президент считает нейтронное оружие «гуманным средством», а естественные оборонные меры СССР — «коварством и агрессивностью русских», борьбу с подрывной деятельностью внутри социалистических стран — «подавлением свободы».

Извращение реального соотношения стратегических и обычных вооруженных сил стало неизменным стилем публичных заявлений президента. Так было при одобрении пресловутой фальшивки «Советская военная мощь», во время программных выступлений по стратегическим вопросам в ноябре 1982-го, в марте 1983 года и во многих других случаях. «Перекосы» бывают столь велики, что даже вашингтонские политики, издавшие всякое, порой не могут сдержать возгласов удивления и протеста. Сенатор-демократ К. Леви, член сенатской комиссии по делам вооруженных сил, в своем анализе «Обратная сторона медали» с цифрами в руках доказывает, что «утверждения президента о превосходстве русских — ложь». Но эти отдельные голоса, раскрывающие механизм дезинформации и фарисейства, которым пользуется американский руководитель, тонут в гвалте воинственных призывов. Окружение президента пользуется теми же политическими словарями.

В своих многочисленных выступлениях по поводу исторического социального спора двух систем (особенно в стенах британского парламента в 1982 году, в обращении к нации 23 марта, 26 сентября 1983 года, заявлении по поводу «недели поработанных стран» и др.) американский президент рельефно демонстрирует перевёрнутое представление о сути духовных ценностей человека. Подобно тому, как герой антикоммунистических боевиков Джеймс Бонд — «агент 007» для него эталон «борца за справедливость» (ведь он имеет право убивать коммунистов по своему усмотрению), так и все то, что не вписывается в прокрустово ложе его, прямо скажем, небогатых понятий о действительном богатстве человеческих ценностей, объявляется «коммунистической пропагандой», «рукой Москвы», «изобретением тоталитаризма» и т. д. Президент, позволяя себе рассуждать о политическом и идеологическом плюрализме, в то же время в пестром спектре социальных, политических и нравственных ценностей признает лишь те, которых придерживается он сам. Видимо, потому, что о многих других он просто не знает. Американский журналист Билл Боярский в своей книге «Рональд Рейган» свидетельствует, что «хотя Рейган и говорит, что он много читает, в этом появляются сомнения. На вопрос корреспондента, что он читал в последний раз, Рейган вспомнить не мог. Он лишь сказал, что «читал книгу, которую мне дала жена». В общем, конечно, это все личное дело президента. Однако характер его мышления не предстает частным делом для миллионов людей. Он находится в кресле огромной милитаристской колесницы. Человечество вправе опасаться, что будет, если однажды эта колесница сорвется с места и ринется в страшную авантюру. Американский профессор Р. Лекачмен в книге «Рейганомика» доказывает, что Рейган не просто консерватор, как большинство американских президентов, — он реакционер в прямом значении этого слова. Реакционер во внутренней и внешней политике. Все это свидетельства американских авторов, которые, по-видимому, политический

портрет хозяина Белого дома могут рассматривать с более близкого расстояния.

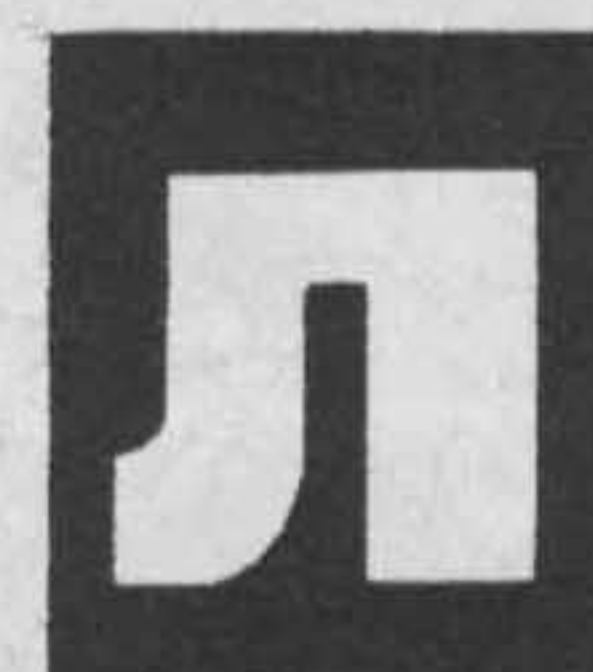
Если бы было можно провести всепланетный референдум по вопросу о войне и мире, то, безусловно, можно предположить, что подавляющее число из четырех миллиардов обитателей Земли высказалось бы за мир. Сегодня для очень многих ясно, что опасность войны не просто угроза той или иной стране, но и всей цивилизации. Но, к сожалению, в речах президента, отражающих курс военно-промышленного комплекса, стремление народов к миру выглядит не более чем «просьбами», инспирированными, конечно же, Москвой. Выступая на пресс-конференции в Вильямсберге и отвечая на вопрос, как американский президент относится к разрядке, Рейган без запинки произнес давно сложившуюся фразу: «Разрядка — это ширма для СССР для наращивания величайшей военной мощи в мире».

Естественно, что президент не жалуется и тех, кто хочет стать свободным и независимым в соответствии со своими представлениями и убеждениями. О положении в Центральной Америке Рейганом так много сказано, что можно скомпоновать многотомное собрание политических речей. Но все сказанное — это старая-престарая ложь о «коммунистическом проникновении». В серии телевизионных фильмов «Угроза Америке» эта идея вновь проводится, обреченная многочисленными подробностями коварства русских и кубинцев. Оценка президентом тех, кто поднял голос против тирании, однозначна: «Повстанцы в Сальвадоре — это не борцы за свободу, это убийцы и террористы». Так он соизволил выразиться перед отъездом в Кемп-Дэвид второго июля. Надо полагать, что его отношение к людям, борющимся за независимость, с тех пор едва ли изменилось.

Лексикон руководителя может быть таким, каким он ему нравится. Но нельзя не заметить, что жесткость в тоне по отношению к своим антиподам он не считает только своим кредо. Президент любит политических консерваторов. В своем послании о «Положении страны», сделанном 26 января 1983 года на совместном заседании обеих палат конгресса, он особо подчеркнул, что еще Черчилль прозорливо «призывал свободный мир тесно спланироваться и давать отпор агрессии». Для американского президента призрак этой «агрессии» не только удобный повод оправдывать все свои действия, но и сложившаяся форма мышления. Фарисейское миротворчество и откровенная воинственность речей президента отражают главное: стремление взять в свои руки рычаги управления всеми планетарными делами. А миролюбивая риторика — лишь идеологическая косметика. Ужесточение выражений не является признаком мудрости, однако они точно отражают появление химерических надежд на возможность «одолеть» социализм в «решающем столкновении».

Исключительная опасность подобных замыслов очевидна. Разве не ясно, что ныне выбор предельно однозначен: не просто между победой или поражением, а между уничтожением и существованием. Сдвиг вправо, который произошел в правящих эшелонах ряда капиталистических государств, свидетельствует о том, что на политических сценах Запада сейчас солируют те, для кого классовая ненависть к социализму сильнее, чем простой здравый смысл. Читателю нетрудно представить, что было бы с планетой, если бы СССР вел себя так же, как США. На июньском Пленуме ЦК нашей партии подчеркивалось, что глубокое влияние на мировую общественность оказывают выступления товарища Ю. В. Андропова. «Их аргументированность и принципиальность, спокойный и уверенный тон резко контрастируют с безответственными, агрессивными декларациями Белого дома».

Одна из причин агрессивности слов и действий американского президента заключается в том, что США никак не могут привыкнуть к новой обстановке: жить в условиях паритета, стратегического баланса с СССР. Стремление же обеспечить свою безопасность ценой полного отсутствия такой безопасности у партнера может лишь подталкивать человечество и дальше к той черте, где речи не понадобятся. Обладание большой силой требует наличия и большой мудрости.



етом этого года коммунистическая партия Шри Ланки отпраздновала свое сорокалетие. Партия росла и мужала в самоотверженной борьбе за жизненные интересы трудящихся своей страны, против происков империализма, за мир и безопасность народов. Компартия Шри Ланки издает популярную среди ланкийского народа ежедневную газету «Атта» («Правда») тиражом в 40 тысяч, а также несколько еженедельников на английском, сингальском и тамильском языках. У коммунистической партии большое влияние в профсоюзном движении, а также в демократических молодежной и женской организациях Шри Ланки. Среди коммунистов, работающих в партии со дня ее основания, — нынешний заместитель председателя компартии, видный политический деятель, яркий публицист Питер Кейнеман.

В редакции «Огонька» состоялась встреча Питера Кейнемана и его супруги, талантливой художницы Види Кейнеман, широко известной по ее выставкам в Советском Союзе и в других странах, с сотрудниками и авторами журнала.

— Хочу сразу же напомнить вам, — заметил Кейнеман, — что мы с Видой являемся представителями как Шри Ланки, так и Цейлона, ибо наша родина известна под этими двумя названиями. В период колониального господства традиционное историческое название «Ланка» было изменено на «Цейлон». Когда в 1972 году комиссия, в которую я был включен, вырабатывала новую конституцию страны, возник вопрос, как же все-таки назвать нашу родину. Никто не оспаривал исторического названия «Шри Ланка», но высказывались практические соображения, касавшиеся... цейлонского чая. Некоторые члены комиссии, — с улыбкой продолжал Питер Кейнеман, — указывали на то, что мы потратили уже более 150 лет на пропаганду цейлонского чая и немислимо тратить еще 150 лет на завоевание рынка для чая с новой, ланкийской этикеткой. В результате мы начали изложение нашей конституции так же, как я начал сегодня встречу с вами, то есть определили, что наш остров известен под двумя названиями — Шри Ланка и Цейлон.

В свободной, непринужденной беседе с Питером и Видой Кейнеман отчетливо предстал перед нами, казалось бы, далекий остров. Частица «Шри» означает «благословенный». Остров, осыянный тропическим солнцем, наделенный исключительно красивой природой и в то же время охваченный бурями противоречий и конфликтов современности.

Своеобразное положение Шри Ланки Питер Кейнеман подчеркнул в самом начале беседы:

— Наш остров расположен на перекрестке океанских дорог, в Индийском океане, южнее Индии. Военные стратеги Соединенных Штатов не раз высказывали соображения о возможности использования Шри Ланки и прежде всего военно-морской базы Тринкомали, для того, чтобы контролировать просторы Индийского океана и его прибрежных стран. Американские военные стратеги, что называется, зарятся на вполне удоб-

ные для размещения своих баз гавани Шри Ланки. В нашем порту Тринкомали, в свое время считавшемся одним из главных опорных пунктов Англии — «владычицы морей», сейчас стоят почти без применения большие бензохранилища. Но с точки зрения современности, Тринкомали — маленькая база. Судя по всему, США хотели бы получить по соседству с Тринкомали другую военно-морскую опору для осуществления своих планов.

Отвечая на вопрос огоньковцев, каковы именно, по его мнению, планы американских «ястребов» в отношении зоны Индийского океана, Питер Кейнеман сказал:

— Их планы можно определить

ной угрозы вплотную к европейскому театру примыкают Индийский океан, Ближний Восток и Центральная Америка.

Питеру Кейнеману был задан вопрос: не считает ли он, что американские «ястребы» видят в миролюбивой внешней политике Индии помеху для своих планов?

— Безусловно, — согласился он. — Причем особое раздражение вызывает у президента Рейгана и его администрации советско-индийский Договор о мире, дружбе и сотрудничестве.

Американские военные специалисты надеются повлиять на внешнеполитический курс Индии, окружив ее государствами, подчиняющимися милитаристской указке

цией. Более 400 лет Шри Ланка была колонией Португалии, Голландии и затем Великобритании. Колонизаторы передавали нас из рук в руки без нашего ведома и согласия. Мы перестали быть подданными Голландии и стали подданными Англии на основании соглашения, о котором население острова не знало.

Во время британского господства феодальная система в стране была ликвидирована. Англия установила капиталистические методы управления плантациями, появились плантационные рабочие. Капитализм привел к появлению рабочего класса в стране, основную массу которого поначалу составляли тамилы, выходцы из Индии. Постепенно начал складываться рабочий класс также из коренного населения острова — сингалов. Одновременно стало развиваться профсоюзное движение, а несколько позже — широкое прогрессивное демократическое женское и молодежное движения. На Цейлоне в 1931 году, то есть гораздо раньше, чем в других странах Азии, и даже раньше, чем в некоторых европейских странах, завоевали право голоса молодые люди, достигшие двадцати одного года.

— Именно «завоевали», — подчеркнул Питер Кейнеман, — так как капиталисты, колонизаторы, неоконизаторы никогда ничего не дарят народу; политические права, так же как и экономические, приходится завоевывать... Вида — известная художница, но и она участвовала и участвует в движении борьбы за мир и за экономическую независимость нашей страны — становится в ряды демонстрантов, собирает подписи под прогрессивными воззваниями, участвует в организации митингов и различных форумов.

— Нет, не только этим, — сказал Питер Кейнеман. — Прежде всего мы очень бедная страна. Но, с другой стороны, уровень образования, медицинского обслуживания и других служб высок. У нас, например, бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное образование. Около 90 процентов населения страны грамотны, а среди молодежи вообще нет неграмотных. И получается так, что Шри Ланка — это бедная страна с высоким уровнем образования и социального обслуживания. Это парадокс. Но достигнут этот уровень как раз в результате наличия в стране широкого прогрессивного демократического движения, а также борьбы коммунистической партии за интересы народа.

Однако наша экономика в целом осталась на прежнем уровне. На отсталую экономику ложится «груз» потребностей населения страны, которое за последние годы значительно возросло и в настоящее время насчитывает около 15 миллионов человек. (Кстати, население выросло не за счет повышения рождаемости, а за счет уменьшения смертности.) Соответственно раньше было два желающих занять каждое рабочее место, а сейчас пять человек борются за право получения работы. Образованность населения также создает проблему. 70 процентов молодежи — выпускники средних школ. Они не хотят работать так, как работали их отцы... Здесь также возникают серьезные трудности.

Правительство Шри Ланки говорит о необходимости создания в стране «открытой экономики». Что это означает практически? Западные страны уже наводнили Цейлон продуктами и товарами низкого качества, не нашедшими сбыта в Европе и в США. Не было и нет заслонов для подобного «наводнения». Цены то поднимались, то падали. Шла рыночная игра.

Для осуществления своей экономической политики правительство начало занимать деньги. Сейчас 60 процентов развития экономики страны идет за счет иностранных займов. Шри Ланка не только не может погасить займы, но даже не имеет возможности платить проценты по ним. Реакционные силы пытаются свалить вину за развал экономики Шри Ланки на некую «политическую нестабильность» в стране, требуют установления «политической стабильности». Иначе говоря, они требуют, чтобы было приостановлено развитие профсоюзного, демократического движения, запрещена коммунистическая партия. Реакционные силы в стране, как мне кажется, стремятся к тому, чтобы были ликвидированы завоевания, которых добился наш народ после достижения страной политической независимости. Они хотели бы, чтобы в Шри Ланке был расчищен путь для установления в той или иной форме диктаторского режима.

— Я надеюсь, — сказал в заключение Питер Кейнеман, — что в ходе нашей встречи вы получили хотя бы некоторое представление о той огромной ответственности, которая лежит сейчас на компартии Шри Ланки за будущее нашей родины.

Беседу записала
Е. ШЕВЕЛЕВА.



Питер и Вида Кейнеман в редакции «Огонька».

ГОСТИ ИЗ ШРИ ЛАНКИ

одной фразой: милитаризация Индийского океана. Напомню некоторые факты, подтверждающие правомерность такого вывода. ООН приняла резолюцию о том, что Индийский океан должен быть зоной мира. Было решено провести по этому вопросу конференцию в Коломбо. И до сих пор идет обсуждение, проводить ли конференцию. Против ее проведения возражают Соединенные Штаты. Почему? Да потому, что они сейчас совершенно откровенно ведут курс на милитаризацию Индийского океана, насыщая его также и термоядерным оружием.

Анализ современного международного положения показывает, что один из основных очагов напряженности в мире и угрозы развязывания новой войны находится в Европе в связи с намерением президента Рейгана разместить там американские ракеты. По степени чреватости воен-

США. Что касается Шри Ланки, то здесь им не удалось добиться подчиненности внешней и внутренней политики страны Вашингтону, хотя соответствующие попытки предпринимались и предпринимаются. Все эти попытки встречают решительный протест прогрессивных сил Шри Ланки, которые ведут борьбу за мир и национальную независимость, против подчинения жизни страны американскому диктату.

По просьбе участников беседы Питер и Вида Кейнеман подробно остановились на неоднократных попытках колонизаторов и неоконизаторов поработить население острова.

— Сохранились свидетельства более чем двухтысячелетней истории Шри Ланки, — сказала художница Вида Кейнеман. — Археологические раскопки подтверждают, что много веков назад наш остров уже обладал передовой цивилиза-

— Активная общественная жизнь, как известно, стимулирует творческую работу, — добавила художница.

— Процесс борьбы в стране, — продолжал Питер Кейнеман, — все время идет вокруг главного вопроса: в каком направлении должна развиваться наша страна? Проще говоря, должны мы идти по капиталистическому или по социалистическому пути развития?

Сейчас Шри Ланка идет по пути установления своего рода государственного капитализма. И это приводит к обострению всех противоречий, оставленных Шри Ланке в наследство от колониального господства.

Вопрос:

— Чем, по вашему мнению, объясняются недавние серьезные волнения в Шри Ланке? Только ли обострением противоречий, сохранившихся с колониальных вре-

ЗЕМЛЯ ЧУЖАЯ, ЗАТО БАЗЫ— СВОИ

В Рамштайне (Рейнланд-Пфальц) и во многих других местах дислоцирования американских войск в ФРГ продолжается пикетирование военных баз. В Неделе действий примет участие не менее трех миллионов человек — это социал-демократы и христиане-пацифисты, коммунисты и «зеленые», члены профсоюзов и других общественных организаций и просто присоединившиеся стихийно граждане, которым, как писал журнал «Шпигель», «просто мучно от дальнейшего наращивания вооружений». Газета «Правда» в номере от 16 октября в обзоре антивоенных выступлений трудящихся разных стран упомянула, что в Рамштайне «произошла зверская расправа властей над демонстрантами». «А ведь именно через эту базу Пентагон намерен доставлять в ФРГ ядерные ракеты», — писала «Правда».

Вот некоторые подробности происшедшего.

Американская военная полиция тоже готовилась встретить мирных демонстрантов. Задолго до так называемого Летного дня — авиационного шоу, устраиваемого командованием военно-воздушной базы США, — военные патрули дефилировали перед жителями Рамштайна (фото 1).

Когда же этот Летный день наступил, в солнечную погоду десятки тысяч жителей потянулись целыми семьями к летному полю Рамштайна. «Резкий запах керосина, — пишет корреспондент, — перемешивался со сладковатыми волнами аромата сосисок. Клоун, расположившийся возле боевого самолета, раздавал воздушные шарики. На лугах вдоль взлетной полосы разместились с детьми и домочадцами, с кока-колой и наслаждались этим днем — мороженым, которое можно есть, и истребителями, которые можно потрогать. За пять марок можно сфотографироваться на память на фоне ярко раскрашенного «фантома»...»

Начались воздушные представления. Взрывом аплодисментов встретили зрители трюк двух летчиков, сближавшихся на большой скорости и в последнюю секунду отвернувших в стороны. Но вдруг около 70 человек — члены групп антивоенного движения земель Саар и Рейнланд-Пфальц — распластались на земле, имитируя «массовую смерть» (фото 2). Они выкрикивали: «Не допустим новой Хиросимы!» и «Хоп, хоп, хоп — атом-ракеты стоп!». С яростными минами на лицах, вооруженные дубинками, на демонстрантов набросились американские военные полицейские. Они связывали нейлоновыми лентами руки и ноги людей и бросали их, как дрова, в армейские грузовики (фото 3).

Лишь примерно 300 противникам ракетного довооружения удалось прорваться сквозь жесткий контроль на аэродром — они раздавали листовки, блокировали подходы к самолетам, выкрикивали лозунги (фото 4).

...235 из участников антивоенной демонстрации были арестованы, среди них лидеры «зеленых» в земельных парламентах. Поспешившая на помощь американцам западногерманская полиция приняла участие в побоище: арестованных сгоняли в спортивный зал американской школы и в полицейские автобусы, с ними обращались, как с преступниками — брали отпечатки пальцев, фотографировали для досье. Социал-демократы Рейнланд-Пфальца потребовали от христианско-демократического правительства этой земли объяснений, каким образом в Рамштайне дело дошло «до недопустимых нападениях американской военной полиции».

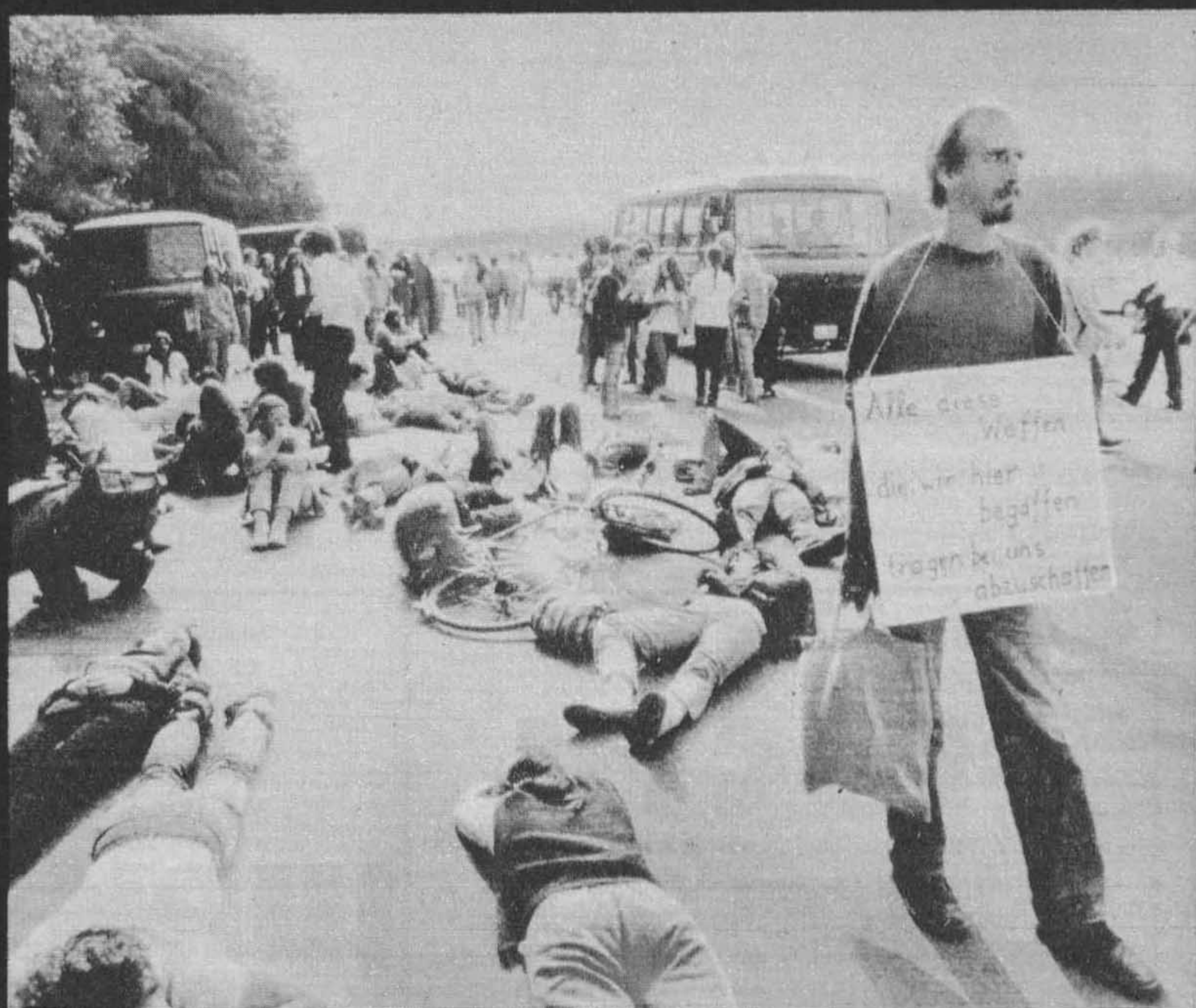
Бригадный генерал Ральф Хэвенс, командующий 86-й эскадрией тактической авиации, был немного «разочарован». Демонстранты, по его словам, «немного омрачили Летный день».

Надо полагать, присутствие в Рамштайне военно-воздушных сил США и особенно перспектива превратить его в перевалочную базу новых ракет первого удара омрачают само существование жителей этого города да и всем миролюбивым гражданам Западной Германии. «Правда» писала, что 15 октября началась 48-часовая блокада американской авиабазы в Рамштайне. «Горячая осень», стоявшая у порога европейского дома, вступила в свои права.

[По материалам зарубежной прессы.]



1



2





НАГЛОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

Вашингтон усиливает свое военное вмешательство в дела стран Центральной Америки. Оружие и военное снаряжение, деньги и военные советники посылаются американской администрацией в Сальвадор, чтобы задушить всенародную борьбу против продажного марионеточного правительства этой страны. Однако наглое вмешательство Вашингтона в дела стран Центральной Америки встречает протест во всем мире. И в самих Соединенных Штатах все большее число людей высказывают неодобрение экспансионистским замашкам Вашингтона «к югу от Рио-Гранде». Об этом свидетельствуют результаты общественного мнения, проведенного газетой «Вашингтон пост» совместно с телекомпанией Эй-би-си. Вот некоторые данные, полученные в ходе опроса:

— 4 из каждых 10 опрошенных считают, что Соединенные Штаты ввязываются в «новый Вьетнам» в этом районе;

— 54 процента выразили мнение, что Рейган скорее вовлечет Соединенные Штаты в войну в Центральной Америке, чем избежит этого;

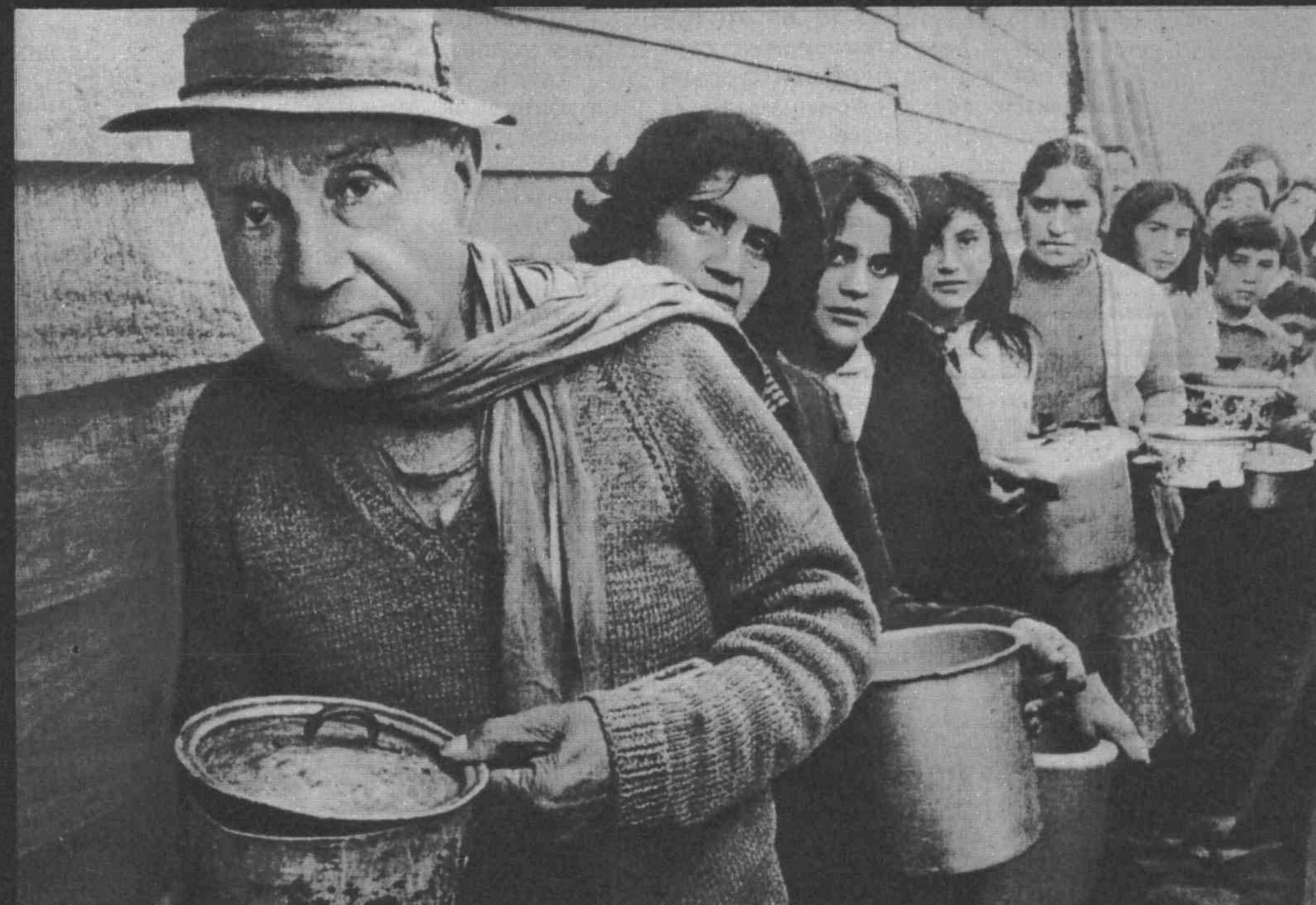
— 6 из каждых 10 сказали, что главными причинами беспорядков в Центральной Америке являются нищета и угнетение, а не «подрывные действия» Кубы, Никарагуа и Советского Союза.

На с н и м к е: американский военный инструктор натаскивает сальвадорских карателей.



ПРОТИВ НЕНАВИСТНОГО РЕЖИМА

Бесконечная очередь среди рабочих барачных заповодников за половником жидкой похлебки. Измученные лица людей, взгляды, полные отчаяния. Такова участь тысяч безработных чилийских горняков. Голод и бесправие — вот что принесло с собой десятилетнее правление фашистского главаря Пиночета. Народ Чили не смирился с кабалой и кровавыми репрессиями. Новые массовые выступления против военной хунты прошли по всей стране. Только в Сантьяго в манифестациях участвовало около 100 тысяч человек. Верные псы фашистского режима — полицейские и карабинеры зверствуют, ведут настоящую войну против жителей рабочих кварталов. «Их надо всех убивать, как крыс!» — с такими воплями набрасываются карабинеры на мирные демонстрации рабочих. Фашистская хунта четко определила своего «противника»: это около двух миллионов человек (половина населения столицы), живущих в Сантьяго в районе бедняков.



«ЭТО ЖИЗНЬ С ЕЕ УДАЧАМИ И СРЫВАМИ»

ЧИТАТЕЛИ О РОМАНЕ ЮРИЯ БОНДАРЕВА «ВЫБОР»

Писем много, и письма разные. Одни читатели хотят просто выразить переполняющие их чувства, восторженно принимая произведение.

«Большое вам спасибо за публикацию романа «Выбор» Юрия Бондарева... Роман гармонично сочетает высокую идейность и огромное художественное мастерство. Последнее заметно буквально с первых страниц, а далее отдельные сцены потрясают своей психологической правдой и эмоциональным током. Образы и характеры людей яркие и незабываемы. Атмосфера поиска смысла жизни, счастья и выбора путей к нему, несмотря на драматические и даже трагические коллизии, пронизана оптимизмом, верой в лучшее в человеке», — пишет из Горького полковник запаса Л. ЧЕТВЕРТАКОВ.

«С большим чувством благодарности относимся мы к писателю Ю. Бондареву за все те вопросы, которые он хотя бы отчасти освещает: Время, Вечность, Смысл Жизни», — вторит ему читатель из Барнаула И. ЛАПКИН.

«Каждый последующий номер журнала ждали с нетерпением... Роман заставляет задумываться над многими явлениями жизни, поступками людей», — пишет в коллективном письме семья ФЕДОРЕНКО из города Курахово.

Другие читатели не ограничиваются простым выражением благодарности автору. В своих письмах они размышляют над произведением, пытаются разобраться в тех мыслях и чувствах, которые вызваны романом.

Вот что пишет Г. ГАДЖИМУРАДОВ, учитель из села Шимихюр Дагестанской АССР:

«Я считаю, что путевкой в жизнь для каждого художественного произведения является оценка его читателями. Поэтому и пишу вам.

Роман Ю. Бондарева привлекателен и интересен для современного читателя тем, что автор показывает в нем становление своих героев в динамической форме, охватывает все стороны развития личности. Тем самым он заставляет нас задумываться над вопросами о сущности жизни и смерти, о роли каждой личности в обществе.

В романе настоящее переплетается с прошлым. За редким исключением, все действия, события даны в форме внутреннего диалога главного героя Васильева, что, конечно, является не лучшим способом заинтересовать читателя. Тем не менее автор мастерски справляется с поставленной задачей...

Васильев и Рамзин. Один из них сделал свой выбор — служение человечеству во имя искусства и

красоты. Другой герой более противоречив. Автор оставляет за читателями право судить о нем. Можно ли считать его предателем? Право, трудно сказать что-нибудь определенное, так как мы не знаем ничего о том, как прошел бой за мостом. Однако мы видим, что Рамзин — это честный, бивый, жестокий и злопамятный человек, который способен не прощать и мертвым. В то же время он высоко ценит дружбу, а в своей неполной исповеди говорит даже, что он «оказал некоторые услуги своей Родине после войны...». Родина никогда не нуждается в услугах предателя. Значит, он не предатель? Была с его стороны ошибка, притом большая ошибка — сделал свой неверный выбор. Что ж, под конец он делает единственно правильный выбор со словами: «Простите! Простите!» Мы прощаем, да простит ли родная земля, если он в чем-нибудь провинился перед ней?..

Мне кажется, что роману Ю. Бондарева «Выбор» суждена долгая жизнь.

Иногда читатели, сами того не ведая, вступают в спор друг с другом:

«Юрий Бондарев принадлежит к писателям, которые многопланово и правдиво изображают жизнь людей. Образы его героев отражают нашу действительность на разных исторических этапах. Это относится и к его роману «Выбор», который печатался на страницах «Огонька». С каким нетерпением мы ждали следующий номер журнала, чтобы узнать судьбу персонажей романа!

Читаешь, и перед тобой зримо, без лакировки проходят современники-патриоты, верные своей социалистической Родине, и те, кто искал легкой жизни за ее рубежами и остался перекати-полем, без Отечества, любви и родных. Они нашли богатство, роскошь, но потеряли самое главное в своей жизни — Родину.

Писатель Юрий Бондарев сделал хороший творческий подарок нам, читателям. Желаем ему новых успехов».

Такое письмо прислал после публикации романа ветеран Великой Отечественной войны Ф. ПЕРЕШИВКО из села Капустинцы Киевской области.

Соглашаясь в основном с этим письмом, читательница Л. БРАГА из Мелитополя в своем отклике оспаривает одно из его положений:

«Прочтя роман Ю. Бондарева «Выбор», я несколько раз пыталась написать отзыв, но боялась, что не смогу ясно и кратко выразить свои мысли. Очень много впечатлений от прочитанного. Это жизнь со всеми ее удачами и срывами... Меня подтолкнуло на этот отзыв письмо ветерана тов. Перешивко, напечатанное в № 18 ва-

шего журнала, «На радость читателей». Во всем я с ним согласна: написано кратко, емко, талантливо. Но вот что касается персонажа этого романа Ильи Рамзина, то я не могу согласиться с тов. Перешивко, что он искал легкой жизни за рубежами Родины. Не знаю почему, но именно судьба этого персонажа меня страшно взволновала. Я не чувствую, что он подлец или предатель своей Родины. Он, в моем понимании, жертва подлости. Вот где главное зло: люди типа Лазарева. Илья же по характеру ершистый, но очень уязвимый. Все это и привело его в создавшейся ситуации на неправильный, ничем не оправданный выбор жизненного пути.

По возрасту я примерно ровесница героев романа. Биография у меня сложилась обыкновенная. А у моего мужа — замечательного отца, мужа и работника — юность была фронтовая. В ту пору у него был очень ершистый характер с некоторым даже элементом неуживчивости. С ним произошел на фронте случай, очень отдаленно напоминающий описанное в романе. Он был командиром зенитного орудия. И вот кто-то из его расчета похитил кур у местного населения. Явное мародерство, в военное время — вплоть до трибунала. На защиту мужа встал командир батареи капитан Пестов и защитил весь расчет. Потом они дошли с ним до Кенигсберга и оба были участниками Парада Победы.

А не будь возле мужа людей настоящих, каких, конечно, большинство (муж всегда отзывался о капитане Пестове восторженно), неизвестно, как бы сложилась его судьба. Счастье мужа, что его окружали люди, которые не использовали сложности его характера против него, а ценили главное в нем...

Не знаю почему, но я не презираю Илью, а жалею его за жизнь-пустоцвет. Из таких, как Илья, могли бы получиться достойные люди, если б, если б...

Спасибо Юрию Бондареву за глубокий психологический роман. Он заставляет так много думать о человеческой чистоте, о жизни...

А вот какое письмо прислал нам из Днепропетровска ветеран войны Н. БРЕНКЕВИЧ. Он подкрепляет свои выводы убедительными ссылками на роман:

«Поспорили с женой из-за Ильи Рамзина, героя романа «Выбор», и решил написать, как я понимаю этот образ. Жена моя по своему женскому мягкосердечию жалеет Рамзина и всю вину за его жизнь валит на окружающих. А мне кажется, что делает она это напрасно. К чему говорить, что в его жизни виноват рок, судьба, мол, сложилась такая? Пустые, по сути дела, слова! Только поступки самого человека определяют его

жизнь, а в поступках своих он волен.

Посмотрите на Илью Рамзина: в нем при многих хороших качествах всегда была червоточина. Это проявляется в стычке с Лазаревым, где особенно заметно его безудержное, эгоистическое стремление быть первым любой ценой. Это проявляется и в том, как жестоко убивает он вражеского солдата. Формально Рамзин прав: убил врага. Но ведь в это время на передовой было негласное перемирие, о чем Илья знал. Это проявляется и в том, что он устроил вечеринку на передовой; и в его отношении к женщине, внешне галантном, с поцелуями ручек, а на деле омерзительном.

Острые ситуации, в которые попадает человек, не порождают недостатков в этом человеке, а только обнаруживают их. Следует помнить об этом.

На фронте Рамзин выбрал жизнь, но отказался от того, что составляло ее ценность. Такая сделка с совестью кончается для Ильи гибелью, которой он пытался избежать на передовой. Вначале он растерял все человеческие ценности: Родину, мать, идеалы — потерпел крушение в моральном смысле. А затем уничтожает и себя, лишенный воли к жизни открывшейся перед ним пустотой своей жизни...

Надо только внимательно читать роман. В нем автор сказал если не все о своем герое, то достаточно много, чтобы можно было судить о нем правильно. А что Рамзин мучается морально, то поделом вору мука, потому что он ее заслужил».

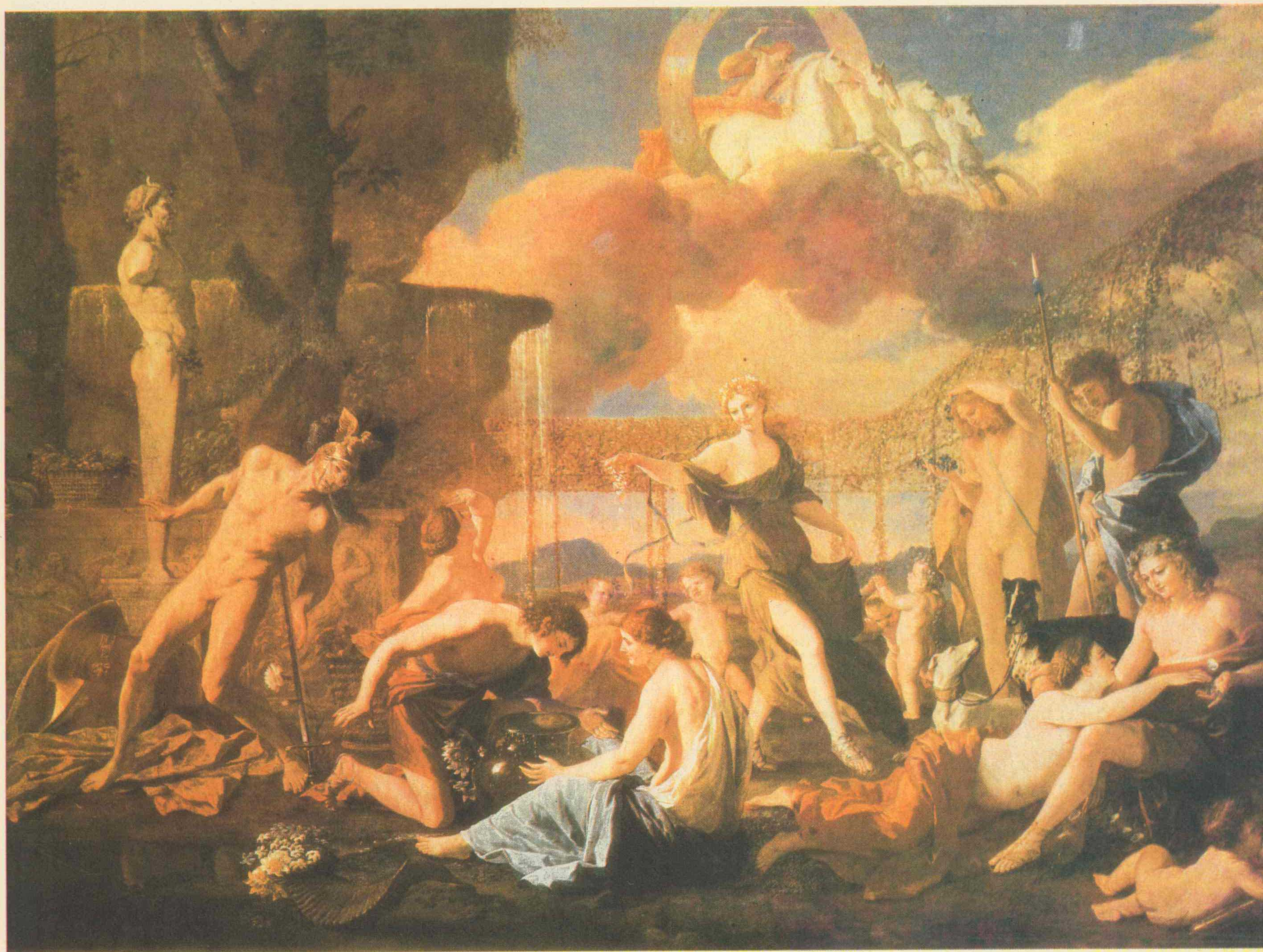
Положительно оценивая роман, читатель Ю. НОСКОВ из Донецка критически относится к некоторым мыслям его героя Васильева:

«Мне кажется, что в романе «Выбор» произошло то, что, к сожалению, бывает и во многих других хороших книгах: отрицательный герой получился более выразительным, чем положительный. Там, где говорится о Рамзине, действие развивается энергично и роман читается с интересом. А там, где говорится о Васильеве, действия почти нет, а есть много рассуждений. И рассуждения такие, что их можно толковать как угодно. Вот что он думает в последней главе романа:

«Ведь мы должны знать друг друга, ведь мы одинаково бесильны перед смертью... Нет, не красота спасет мир, а правда равной неизбежности и понимания человеческой хрупкости каждого. Всех. Не сила, а трагическая слабость всех перед смертью. И здесь ничто не поможет. Ни талант, ни слава, ни положение. Ничто».

Христианство уже на протяжении двух тысячелетий говорит о равенстве и ничтожестве всех перед смертью. Однако понимание этого так и не привело к установлению мира на земле. Значит, одного понимания равенства всех перед смертью еще недостаточно для предотвращения убийства, войны. Нет, мир на земле не наступит от такого понимания. За него надо бороться. И это не простое повторение строчек из газет, а мое твердое убеждение.

Но возвратимся снова к тем же мыслям Васильева: «мы одинаково бессильны перед смертью», «трагическая слабость перед смертью» и так далее. И вдруг после этих мыслей, словно бы взятых из христианской проповеди, идут та-



Никола Пуссен. 1594—1665. ЦАРСТВО ФЛОРЫ.



Алессандро Маньяско. 1667—1749. ПЕЙЗАЖ С ПРАЧКАМИ.

ПРИЗ У ДОБЫТЧИКОВ ГАЗА

Пять лет назад первым лауреатом премии «Огонька» среди газодобывателей всесоюзного ордена Ленина промышленного объединения «Оренбурггазпром» был коллектив ОПС-12, возглавляемый Н. Н. Галляном (см. «Огонек» № 50 за 1979 год, № 4 за 1980-й). Ныне по итогам работы за истекший 1982/83 год пятым обладателем приза стала оперативно-производственная служба ОПС-2, одна из старейших и самых больших.

Возглавляет ОПС-2 тридцатипятилетний инженер В. И. Гераськин, воспитанник Уфимского нефтяного института. Его путь, пожалуй, не типичен для молодых специалистов, приезжающих сюда со всех концов страны: по окончании вуза он сразу попал на инженерную должность в «Востонгипрогаз», а здесь, в Оренбуржье, был назначен начальником участка опытно-промышленных исследований... В ВПО, однако, сложилась за десятилетие своя стройная система подготовки, что очень важно, продвижения кадров. Новички, как правило, проходят стажировку прямо на рабочих местах, по рабочей сетке. Это помогает им лучше узнать производство, научиться разбираться в людях, через год-другой молодой инженер начинает расправлять крылья. Операторами техно-

логических установок с дипломами вузов начинали Александр Саушин и Владимир Перфильев. Оба они сейчас в Астрахани, в перспективном объединении «Астраханьгазпром», входящем в ВПО. Саушин «вырос» до главного инженера объединения, Перфильев — старший инженер проектного института. Что же касается Н. Н. Галляна, то сегодня он директор большого производственного объединения «Оренбурггаздобыча». Теперь у него не одна — двенадцать оперативно-производственных служб, служба по ремонту скважин, свое подсобное хозяйство, база отдыха; кроме того, объединению поручено освоить оторочки Оренбургского и Карачагананского газоконденсатных месторождений... В. Д. Щугорев, которого Галлян сменил на этом посту, — главный инженер ВПО; а Р. И. Вяхирев, бывший главным инженером ВПО и председателем жюри соревнования на премии «Огонька», стал... заместителем министра газовой промышленности СССР.

В. С. Черномырдин был первым директором газоперерабатывающего завода. Ныне он начальник крупнейшего в стране объединения «Тюменьгазпром». Словом, в бурно развивающейся газовой индустрии страны есть простор

для полета способному, трудолюбивому, инициативному специалисту...

Вот о чем думалось, когда недавно Рем Иванович Вяхирев, заместитель министра газовой промышленности СССР, в переполненном зале Оренбургского театра драмы, под бурные аплодисменты собравшихся вручал коллективу ВПО переходящее Красное знамя Министерства и ЦК профсоюза отрасли. Знамя было завоевано этим славным коллективом в 36-й раз!

Затем были вручены премии победителям соревнования. Приз — ОПС-2. Вымпел журнала «Огонек» — коллективу буровой бригады мастера В. А. Бондаря; третью премию — коллективу технологической установки, возглавляемому

Н. М. Немцевым. Поощрительную премию — коллективу компрессорной станции № 1 газопровода «Союз», где начальником В. Н. Комаров.

На другой день в здании ВПО состоялась читательская конференция. Участники ее высказали много ценных предложений и пожеланий в адрес редакции журнала.

Во встречах с газодобывателями Оренбуржья приняли участие С. А. Высоцкий, заместитель главного редактора «Огонька», и специальный корреспондент журнала Г. В. Куликовская. Тепло был встречен присутствующими участник творческой бригады «Огонька» поэт Михаил Беляев, прочитавший свои стихи и отрывки из поэм.

Приз «Огонька» у представителей ОПС-2.

Фото А. Филиппова



СЛОВО О МУЖЕСТВЕ

Книга Д. В. Павлова — это не мемуары, не роман и не повесть. Это взволнованные публицистические рассказы о непоколебимой стойкости советских людей в годы войны и послевоенных лишений. Много страниц посвящено ге-

Д. В. Павлов. Стойкость. М., Политиздат, 1983, 366 с.

роической обороне Ленинграда, мужеству ленинградцев. Автор был назначен ГКО ответственным за организацию обеспечения населения Ленинграда и войск фронта продовольствием. Вместе с партийной организацией города он работал по созданию дополнительных ресурсов продовольствия.

Не случайно «Стойкость» имеет два раздела — «Хлеб и война», «Хлеб и мир». Вопросы организации продовольственного снабжения населения — главные здесь.

В книге бывшего министра пищевой промышленности СССР немало внимания уделено расширению производства товаров массового спроса. Показано, как, проявив инициативу и настойчивость, можно наладить выпуск из местного сырья множества полезных вещей. Эти страницы важны и сейчас, ведь вопросы сбалансирова-

ния товарной массы и денежного обращения все еще являются очень актуальными.

Доходчиво и убедительно Д. В. Павлов показывает, что многое зависит от инициативы и творчества людей, их дисциплинированности, приверженности делу. «Стойкость» — это емкое слово, оно включает в себя активную позицию противодействия лени, косности, равнодушию и зазнайству.

Автор использует и зарубежный опыт, в частности опыт хозяйствования в ВНР, ГДР, Чехославании. Побывав в Канаде, Италии, Японии, он разглядел сквозь призму внешнего благополучия язвы, которые разъедают капиталистический мир. Однако рационализм в ведении хозяйства, общий уровень механизации и автоматизации, умение считать деньги и содержать на высоком уровне сферу

обслуживания, естественно, заслуживают изучения.

В книге много добрых слов о людях промышленности, об ученых, о тех, кто в годы войны обеспечивал снабжение армии, заботился о том, чтобы солдаты были накормлены и одеты.

С большой теплотой автор вспоминает талантливого инженера-строителя И. И. Наймушина, отличившегося при строительстве оборонительных рубежей под Москвой, а затем на Братской ГЭС; создателя уникальных виноградных вин Н. К. Соболева; академика В. С. Лустовойта, который путем селекции вывел сорта подсолнечника с высокой масличностью. Названы и десятки других людей, с которыми автор встречался, беседовал, решая проблемы жизнеобеспечения.

А. БОЛДЫРЕВ

кие слова: «Илья сделал свой выбор в сорок третьем году, чтобы выжить...»

Как это понимать? Как попытку снять вину с Ильи перед лицом смерти? Ведь перед ней, мол, все людские дела так ничтожны? Простим же ему?..

Но почему же мы должны прощать ему предательство Родины и матери? Ведь сам-то он даже перед лицом смерти так и не прощает ничего Лазареву...»

Мысли, высказанные в предыдущем письме, как бы дополняет инженер Э. КАРИПЕНКО из Ростова-на-Дону:

«Мы понимаем, что Васильев переживает кризис. Но правомерно ли заставлять этого героя рассуждать вот так: «Неужели я хочу понять что-то за пределами, мистическое, непознаваемое? Нет, не волю придуманного бога, а высшую силу Вселенной, ее разумную энергию, что, может быть, приводит над нами опыты, как убежден был Илья...»

«Высшая сила Вселенной», «разумная энергия»... Но ведь правильно говорил кто-то из классиков марксизма, что, подставляя вместо понятия «бог» какую-нибудь «высшую силу», «природу» и прочее, ты все равно делаешь тем самым уступку религии.

Зачем Васильеву смыкаться с

Рамзиным в размышлениях о «высшей силе», которая якобы нами управляет? Васильев ведь состоялся как человек и должен понимать, что «сила» здесь ни при чем. Рамзин же не состоялся как личность, потому он и вынужден искать «высшие силы», пытаться свалить на них вину за свои поступки. Недаром же говорят, что дорогу на небеса ищет тот, кто сбился с дороги.

Эти мысли Васильева очень легковесны. В жизни так может быть, но в произведении все нуждается в прояснении. Нет, не моралью в конце, а авторским выбором. К сожалению, эти рассуждения поставлены в самом конце хорошего романа и могут быть истолкованы по-разному. А жаль...»

«Пишу вам под впечатлением от прочитанного романа. В нем столько взятого ну прямо из жизни!..

Мне хочется сказать больше не о главных героях, а о матери Рамзина. Образ этот как бы второстепенный. Так и в жизни матери в большинстве случаев вроде бы в стороне.

Одна растила она сына, свою надежду. А он ушел на фронт и пропал. Она, наверное, считала его героем: погиб за Родину. Может, ей служила хотя бы малым утешением мысль, что она не од-

на такая, что матерей, потерявших детей на фронте, миллионы. И вдруг через столько лет, когда прожита уже горькая, лишенная надежд жизнь, является сын. «Почему же ты, Ильяша... так долго?.. Как ты мог... так долго?.. И ты мог без меня где-то жить...» Это не упреки, это стоны, в которых прорывается боль бессонных ночей и лишенных тепла дней. И как жестоко поступает сын, убивая себя! Лишая мать теперь уже последней надежды.

Нет, он обязан был жить ради матери, чтобы искупить хоть немного свой тяжкий грех перед ней...

И еще хочу сказать об отношении Васильева к дочери. Автор сумел передать глубину отцовских чувств. Когда Васильев ждет Вику ночью около дома, как понятны его волнения и мысли тем, кто имеет взрослых детей. Здесь и тревога перед теми опасностями, которые могут встретиться на их пути. Желание помочь.

Много, очень много здесь живого, пережитого нами, читателями.

А. ВАСИЛЬЕВ, Москва.

И еще одно письмо. Нам прислал его подполковник медицинской службы в отставке В. ХОРОШЕВ из Ставрополя:

«Прочитал роман «Выбор» и был

очень и очень взволнован. Местами так брало за сердце, как свое, близкое воспринималась судьба героев, их переживания.

Обстоятельства, долг, честь заставляют человека жить не только так, как бы ему хотелось. Ошибка, допущенная однажды, потом уже может, как рок, диктовать свои условия. Человеком восхищаешься, ему по-хорошему завидуешь, но и сочувствуешь, сожалеешь, что так непоправимо сломано все и жизнь прожита не так, как хотелось бы, как нужно было бы. Но, увы, заново не проживешь...

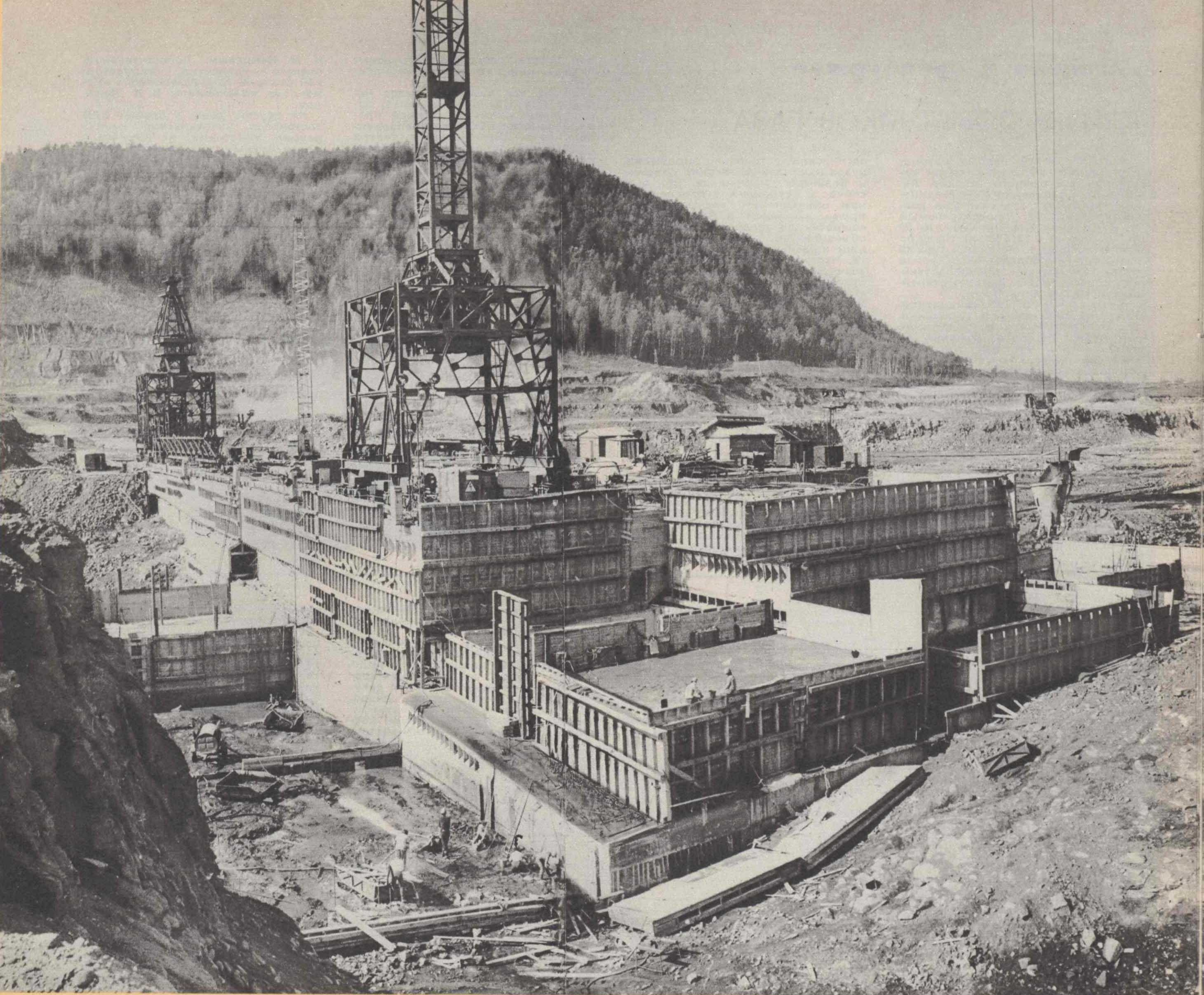
Велико мужество людей, самозабвенность, чувства чести и долга, душевной чистоты и благородства, которые показаны в романе. Прелестны и женские образы, их невозможно не любить.

Спасибо большое Ю. Бондареву за глубину проникновения в судьбы людские, в их чувства.

Вот такие письма. Хорошие, заинтересованные, умные. Читатели благодарят автора за такую необходимую, не оставляющую никого равнодушным книгу.

Редакция же благодарит всех читателей, приславших отклики на роман Ю. Бондарева «Выбор».

Обзор подготовил
Е. ОЛЕЙНИК.



Растет плотина Богучанской гидроэлектростанции.

ТРЕТИЙ ГИГАНТ ГИДРО-ЭНЕРГЕТИКИ НА АНГАРЕ ● И СНОВА «НОЖНИЦЫ»: СТРОЙКА — БЫТ. ● ВСЕСОЮЗНАЯ УДАРНАЯ ЖДЕТ МОЛОДЕЖЬ ● ВНИМАНИЕ — ЗОНА ЗАТОПЛЕНИЯ!

ПРОЖИТЬ КРАСИ

Сергей ВЛАСОВ,
специальный
корреспондент
«Огонька»
фото автора

На реке Ангаре жила-была деревня. Звали ее Кординская заимка. Впрочем, какая там деревня, три дома — разве это деревня? Тем не менее... Жили здесь люди давно, очень давно. Как и в со-

седнем Проспихине, и в Рожкове, и в Дворцах, и в Косом Быке... В аэропорту районного центра Кежма значится: основана в 1665 году.

По триста с лишком лет и многим другим поселкам района. Однако скоро след от них останется лишь в сердцах их жителей да на картах, которые будут напечатаны до 1987 года — срока, отмеренного строителями еще одной ГЭС на Ангаре: разольется тут рукотворное море. На семьдесят метров поднимется уровень реки там, где уже строится двух-

километровая плотина Богучанской гидроэлектростанции.

...Богучанская ГЭС. Третий и, наверное, последний гигант гидроэнергетики на Ангаре. Младшая сестра Братска и Усть-Илима. Младшая — лишь по возрасту, но отнюдь не по силе своей и не по размаху строительства. Чтобы заработали двенадцать агрегатов общей мощностью 4 миллиона киловатт, предстоит перелопатить 20 миллионов кубометров земли, 30 миллионов кубометров скальных пород, уложить около

3 миллионов кубов гидротехнического бетона...

Когда начинаешь писать о стройке такого масштаба, невольно охватывает робость. Как сразу ухватить главное? Как за деревьями не упустить из вида леса? С какого конца начать?

Начал я... с бани.

Сюда, как известно, люди ходят без мундира. И говорят о своих бедах и радостях, не стесняясь, и уходить от разговора не спешат. Неторопливая, томная атмосфера парной с запахом сосновой смолы и березового листа настраивает на дружескую беседу даже совсем незнакомых людей.



«Красиво работает», — говорят монтажники о своем бригадире Николае Токунове.

ВО ХОЧЕТСЯ...

— Издалена вы сюда? — спрашиваю своего соседа по полку, рослого блондина.
— Из Днепропетровска.
— А по какой части?
— Барменом буду в ресторане. Правда, пока он еще не готов, но дело на мази. Месяца через два откроем. Видели наш ресторан?
— Нет еще.
— Картинка! Залюбуешься... Я уже и стереоаппаратуру туда завез с Усть-Илима, — не без гордости добавил блондин, плеснув на каменку новшник воды. Пар с ревом взлетел над грудой камней.
— «Стереоаппаратуру»... Я вон гвозди да краску неделю здесь выбиваю. Замучился, — проворчал нахмуренный брюнет. — Скоро людей выселять из зоны затопления, а на

месте нового поселка еще конь не валялся.
— Где ж это?
— Да в Кежме, Сто девяносто верст вверх по реке... И лес тут не успевают вырубить. Будет стоять под водой, как в Братском море.
— Да-а, — крикнул блондин и поддал еще пару. — Хороша банька!
В предбаннике, блаженно растянувшись на лавках, переговариваются двое молодых парней:
— Я ехал, думал, здесь глушь, а тут дома девятиэтажные. Даже разочаровался. Никакой тебе романтики.
— Два шага вон сделай в сторону и хлебай свою романтику хоть половником.

— Да и вечерами делать совершенно нечего. Клуба в городе нет, танцплощадки нет, кино нет. Подамся-ка я отсюда, пожалуй.
— Куда?
— Не знаю...

«СНЯТСЯ ЛЮДЯМ ИНОГДА

голубые города, у которых названия нет». Эта мелодия почему-то преследовала меня всю дорогу от Москвы до Красноярска, и потом до Богучан — поселка на Ангаре, где раньше планировалось построить ГЭС, и дальше, до Кодинска, где ее строят теперь.

У будущего города, который возводится на высоком берегу в двенадцати километрах от поселка, и в самом деле названия пока нет. Кодинск — это лишь на первое время, пристало от прежнего. А потом уж ему непременно дадут какое-нибудь звучное имя. И будут там жить тысяч тридцать, а потом наверняка и больше — тех, кому предстоит осваивать богатства этого глухого пока сибирского края. Здесь намечено строительство предприятий: лесной, целлюлозной, деревообрабатывающей промышленности, горно-обогатительного комбината, гидролизного завода. У геологов недавно появились основания говорить о запасах нефти...

Центром, сердцем нового территориального промышленного комплекса станет Богучанская ГЭС.

Город строят набело. Никаких тебе временок, бараков, сараюшек. Пяти-, девятиэтажные дома. Впрочем, коли хочешь жить в деревянном двухэтажном — пожалуйста. Для этого есть «самстрой»: собрались семь или одиннадцать будущих хозяев квартир такого дома и сами его строят. После работы, конечно. Тебе дают инструмент, материалы, технику, а через год въезжай в двух- или трехкомнатную квартиру.

Среди хозяев такой квартиры молодые супруги Хмелевы — Рита и Алексей. Она работает в бригаде отделочников СМУ-3, он мастер участка «Гидромеханизации».

Пять лет назад Алексей приехал сюда из Усть-Илима и привез с собой оттуда старенький двухстворчатый шкаф и кровать. Теперь они занимают почетное место в его новой квартире. Другой мебели (если не считать стола и нескольких разнокалиберных стульев) у новоселов пока нет.

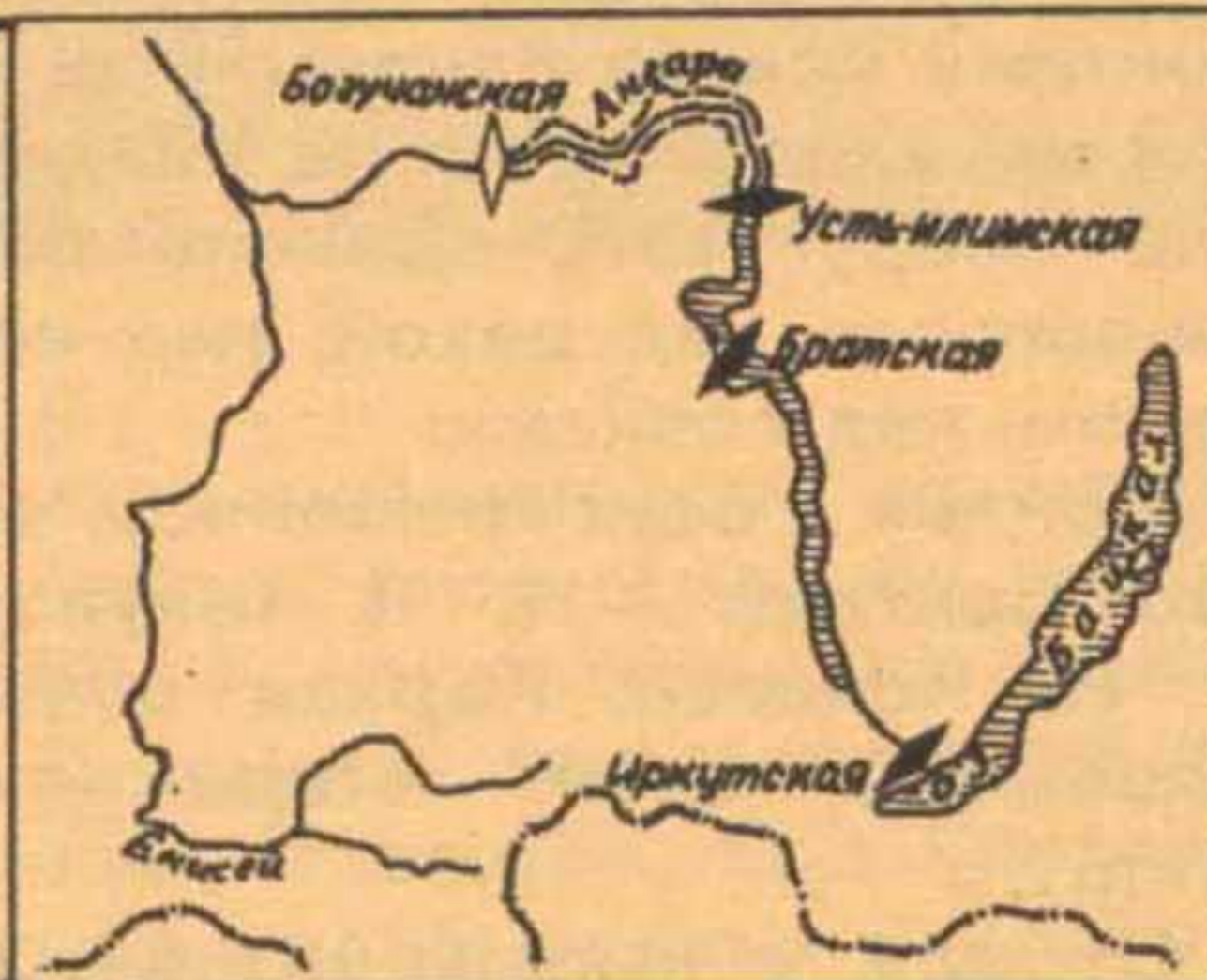
— Будет, все будет, — улыбаясь, говорит Алексей. — Пять лет назад в Кодинске не было ни одного жилого дома, сейчас целый микрорайон отгрохали. С универсамом, школой, больницей, детсадом... И мебель купить не проблема. Только мне все некогда — дела да случаи...

Алексей в самом деле занятый человек. Член комитета комсомола стройки, кандидат в члены крайкома ВЛКСМ. В свои неполные тридцать успел отслужить в армии, окончить два института — водного транспорта и экономического.

Серьезный Леша человек, знает, чего хочет. И добивается этого. И на работе, и в общественной жизни. О строительстве стадиона в поселке много слов было сказано, и все вроде бы понимали, что нужен, а дальше слов дело не шло. Сколько сил потратил и Алексей и его товарищи по комитету комсомола — секретарь комитета Андрей Астафьев, начальник комсомольского штаба стройки Юрий Прокопенко, — чтобы стадион все-таки появился. Теперь ребята играют на нем каждый день в футбол, турнир даже организовали, участвуют одиннадцать команд. А у комсомольцев новая забота — танцплощадка. Разговоры о ней идут не первый год.

— Не пойму я, — сердится Леша, — почему нам надо упрашивать, обивать пороги начальства, выколачивать у него с трудом каждый самосвал, каждый бульдозер. Нерентабельно это — не думать о досуге рабочих. Знаю, многие отсюда уезжают именно потому, что нечем заняться вечером и в выходные. Строительство спортзала и кинотеатра проектом первой очереди города не предусмотрено. Дом культуры появится неизвестно когда...

Острый, больной вопрос затронул коммунист Алексей Хмелев. За две недели, что я был в Кодинске, успел познакомиться со многими из тех, кто на больших стройках провел полжизни, а то и больше. Эти люди переезжают с одного строительства на другое, и здесь они не просто работают — живут. Запросы современного че-



ловека растут, можно ли с этим не считаться?

С такого вопроса и начался наш разговор с Игорем Борисовичем Михайловым, начальником управления строительства Богучанской ГЭС.

— Понятно, понятно,— устало улынулся на мою тираду Михайлов.— Не впервой слышу... Есть такой фильм «Коней на переправе не меняют», помните? Там начальник строительства большого завода в течение первых двух лет занят не заводом, а... городом. С благоустроенными домами, дворцами культуры, стадионами и прочим. Все это для строителей будущего завода-гиганта. И только потом, когда для их жизни созданы нормальные условия, начинается строительство самого завода. Как все просто в кино! Я бы с удовольствием начал сейчас возводить у нас в Кодинске Дом культуры, спортзал, бассейн, библиотеку и так далее. Но— увы! — не могу. Из пятнадцати с половиной миллионов рублей, отпущенных на строительно-монтажные работы в целом на этот год, мы можем потратить на сооружение непроизводственных объектов только 2,8 миллиона, то есть лишь пятую часть. Эти цифры утверждены Госпланом и Министерством энергетики, и перераспределять их мы не имеем права. К сожалению. К сожалению, потому что мы прекрасно понимаем: для создания стабильного рабочего коллектива этой одной пятой явно недостаточно. На строительство жилья и объектов соцкультбыта нужно выделять как минимум одну треть общей суммы.

Известен Михайлову способ удерживать многих рабочих на стройке — дать им возможность построить свой дом. Несколько лет назад пришли к Михайлову молодые строители ГЭС и попросили выделить им участки под дома и огороды. Ребята, по сути, предлагали стройке свою помощь: не надо нам жилья, дайте только место, мы сами дома возведем. А потом, когда огород подрастет, когда разведем кур, скотину, обеспечим себя и продовольствием. Разумно, логично, по-государственному рассуждали ребята. Но... Михайлов был вынужден им отказать: землей не он распоряжается, а крайисполком, но там разрешения на индивидуальную застройку не давали.

Только ребята не стали ждать разрешения — начали строить сами. История эта кончилась печально. Было возбуждено уголовное дело, представители власти настаивали, чтобы недостроенные дома сносили бульдозером. Все это уже не ново. Так было и в Усть-Илиме. Люди хотят иметь свой дом, быть ближе к земле.

Такие идеи Михайлов не раз высказывал в самых разных инстанциях и, кажется, добился своего. Буквально на днях крайисполком наконец-то разрешил строительство 270 индивидуальных усадеб и выделил под них землю. Игорь Борисович уверен, что эти 270 семей бросят здесь якорь надолго.

«А ЛЕС СТОИТ ЗАГАДОЧНЫЙ...»

На 380 километров протянется Богучанское водохранилище, подействует его вода к самой плотине Усть-Илимской ГЭС. Запасы то-

варной древесины в зоне затопления (а лес здесь очень ценный, продаем его иностранцам за золото) оценены в 12 миллионов кубометров, по плану их должны вывезти отсюда к 1987 году. Будет ли это сделано?

С этим вопросом я обратился к заведующему отделом подготовки водохранилища Кежемского райисполкома В. А. Карнаухову.

— Нет, не будет,— однозначно ответил Владимир Алексеевич.— До недавнего времени наши леспрохозы худо-бедно вырубали в год по 700—800 тысяч кубов, а теперь, когда заготовку леса передали другому ведомству, эта цифра сократилась вдвое. То есть при таких темпах для рубки всей ценной древесины в зоне затопления понадобится лет 30! Совершенно очевидно, что значительная часть уникального леса погибнет.

— Так что же делать?

— Не знаю. К сожалению, здесь, на месте, мы ничего не можем решить. Требуется особое распоряжение сверху, а его нет.

Не однажды приходилось слышать: учитывать уроки Братска, уроки Усть-Илима, других строек... Жаль, что эти благие порывы так и остаются лишь порывами.

Тот, кто увидит здешние сосны, макушками подпирающие небо, вряд ли сможет равнодушно услышать: этот лес будет затоплен. Человеческая суть восстает против такой несправедливости и бесхозяйственности.

Деревья не умеют говорить. И то, о чем сейчас думают, потряхивая седыми кронами, исполины кедров и сосны, остается для нас загадкой. Но мы-то, люди, должны думать не только о киловаттах, но и о том, что останется после нас, нашим детям и внукам.

«Лес является единственным, открытым для всех источником благодеяний, куда по доброте или коварству природа не повесила своего пудового замка. Она как бы уверяет это сокровище благоразумию человека, чтобы он осуществил здесь тот справедливо-плановый порядок, которого сама она осуществить не может». Это Леонов. «Русский лес».

А если попроще, то ведь и в самом деле сибирская древесина — это чистое золото. И товарная стоимость ее с каждым годом все возрастает. И будет возрастать еще очень долго. Об этом тоже забывать не стоит, ведь мы называем себя хозяевами страны.

«НЕ КОЧЕГАРЫ МЫ, НЕ ПЛОТНИКИ...»

Вместе с молодым прорабом по монтажу кранов Владимиром Сливой мы карабкаемся на 150-метровую опору ЛЭП, одиноко возвышающуюся над рекой, над котлованом, над сопками.

Монтаж одновременно ведут две бригады — Н. К. Токунова и А. Н. Кочнева. Первая возводит башенный кран, вторая — саму опору.

Отсюда, с высоты птичьего полета, людей на земле едва различаешь.

— Вон Михалыч ходит, кумекает! — выкрикивает Володя. С трудом разбираю его слова, слезанные порывом ветра. — Впервые такую штукину сооружаем. Даже Михалыч со своим тридцатилетним опытом по ночам плохо спит. Беспокойный человек...

Михалыч — это Геннадий Михайлович Хитрин, главный инженер управления строймеханизации номер 7 «Братскгэсстрой». Вообще-то ему и не обязательно быть здесь, на монтажной площадке, но он на ней пропадает чуть ли не круглые сутки.

Два дня спустя, сидя за чашкой чая, Светлана Моисеевна Смирнова, старший инженер дирекции строящейся ГЭС, скажет о Хитрине:

— Для меня он образец человеческого достоинства. Он из тех людей, на которых держится наша жизнь и земля. Они тихо, без показухи делают свое дело, первыми приходят туда, где труднее всего, а когда начинают раздавать ордена, их уже нет, их надо искать там, где снова труднее всего. Жаль только, что добротой и бескорыстием таких людей, как Хитрин, нередко пользуются пронырливые и ловкие...

Светлана Моисеевна знает Геннадия Михайловича и его жену Валентину Дмитриевну, преподавателя литературы в средней школе, давно, еще по Братску, а потом и по Усть-Илиму. Тогда, в конце пятидесятых, строители жили иначе. В мерзлых бараках, стены которых внизу были покрыты льдом. Кровати в три яруса — зато на верхнем можно было поспать в тепле. Бывало, за ночь сапоги примерзали к стене, утром отдирали всем скопом.

— Жили дружно, — вспоминает Смирнова. — И главное наше богатство, что успели нажить за полвека, — это братство, рожденное в то трудное время. Как ни грустно, но теперь между строителями я этого не замечаю.

Родом Хитрин из Кировской области, из села Макарье. В Сибирь попал, как сам уверяет, случайно — знакомый написал: приезжай, здесь большой работы много. Большой работы с тех пор в этих краях несмотря на все старания Хитрина, не убавилось. На Богучанской ГЭС он с самого начала, с мая 1976-го. Хотя на Усть-Илиме тогда еще было что делать, как впрочем, и в Братске в 1966-м, когда Геннадий Михайлович оттуда уезжал.

— Хочется быть ближе к началу, — говорит он. — В этом особый азарт есть. Остроту жизни дает...

ПОТОМКАМ НА ПАМЯТЬ

Отгороженный от реки высокой перемычкой котлован, где ведется сейчас сооружение плотины, мог бы вместить несколько таких стадионов, как «Лужники». С одного его края другого не увидишь. Здесь, в котловане, и работает лучшая комсомольско-молодежная бригада стройки — бригада плотников-бетонщиков, руководимая Сергеем Степановичем Евсюковым. Попав в этот коллектив мечтают многие, только не всем удается. А вот Диме Сарикияну повезло.

Это его первая стройка. До нее работал бурильщиком в шахте, в Горловке. Всего два года Дима на стройке, а с новой профессией так успел освоиться, что награжден за свою работу почетной грамотой «Братскгэсстрой».

...Между семью и восемью часами в котловане должен произойти взрыв. Он нужен, чтобы в скальных породах сделать выемку под фундамент здания ГЭС. Из котлована выведены все, кто там работал. Мы с Димой стоим в оцеплении. Взлетает зеленая ракета, предупредительная. Ее шипение хорошо слышно. И снова — полная тишина, столь непривычная здесь, где круглые сутки шумит, грохочет, ревет гигантская стройка.

В бригаде Евсюкова около ста человек, в основном молодые ребята. Диму Сарикияна они выбрали своим комсоргом.

— Я по-настоящему счастлив, что работаю в такой бригаде, как наша, — говорит он. — Это для меня будет школой на всю жизнь. Теперь я знаю, что такое сила,

авторитет трудового коллектива. На практике понял, как осуществляются полномочия бригады в обеспечении дисциплины, в организации и оплате труда. Например, с начала этого года мы стали применять коэффициент трудового участия. Ежемесячно собирается совет бригады и оценивает работу и поведение каждого рабочего. В соответствии с нормами, которые установили мы сами. За нарушение техники безопасности или за брак выставляется коэффициент 0,8. За выход на работу в нетрезвом виде — нулевка...

Над котлованом взлетает еще одна зеленая ракета...

— А если кто-то совершил нарушение в начале месяца, а потом вел себя безукоризненно, работал за двоих?

— Тогда наказание будет мягче или его совсем могут отменить. Исправленному верить, как говорится. Каждый случай совет рассматривает, конечно, индивидуально. Спрятаться за спину другого никому не удастся.

— Ну, а если человек не согласен с такой системой?

— Пожалуйста, иди в другую бригаду. За все время от нас ушли только четверо. Уверен, что использование коэффициента трудового участия создает невыносимые условия для лодырей, прогульщиков, пьяниц...

Над нами прошипели три красные ракеты. Черное облако взрыва взметнулось в небо и, медленно рассеиваясь, поползло между сопками. Рабочие и машины потянулись обратно в котлован.

— Ты надолго сюда приехал? — спросил я Диму.

— До конца стройки. Хочу что-нибудь большое от начала и до конца сделать. Что-то после себя значительное оставить. Ведь прожить красиво хочется...

Эту мысль, выраженную разными словами, я слышал от многих из тех, кто здесь работает. И от главного инженера строительства Ивана Александровича Кованова, для которого эта станция уже третья в его жизни. И от совсем юных девушек, вчерашних школьниц Светы Козоры и Марии Ососко, недавно приехавших на стройку из Черниговской области. И от начальника комсомольского штаба Юрия Прокопенко. И от главного инженера СМУ-1 Евгения Филипповича Назаренко. И от водителя «БелАЗа» Рафика Эйналлова, который шесть лет уже скучает по родному Баку. И от коренного сибиряка Виктора Михайловича Азарова, бригадира арматурщиков, чей портрет второй год не сходит с Доски почета...

Прожить красиво хочется!.. Эта мысль, когда глубоко осмысленная, а когда и не до конца осознанная, привела сюда, в суровый сибирский край, многих людей из разных городов и сел.

— Для чего ж еще-то жизнь дана, если не для того, чтобы соорудить что-нибудь эдакое? — рассуждал как бы сам с собой Виктор Михайлович Азаров, когда мы сидели с ним в слегка покосившемся вагончике бытовки. — Жаль мне тех, кто своей целью поставил урвать побольше. Бедные, несчастные это люди. Недозрели они еще. В другом ведь счастье — чтоб было чем в жизни гордиться. А у нас, у гидростроителей, своя, особая гордость. Такие машины возводим. На память потомкам...

60.000 Илов

Примерно такое количество мирных и военных самолетов было построено по проектам трижды орденоносного опытно-конструкторского бюро имени С. В. Ильюшина. Наверное, в мире нет другой авиаконструкторской «фирмы», продукция которой размножалась бы столь большим тиражом. Ее творческая работа началась в 1933 году, когда вновь созданное конструкторское бюро возглавил Сергей Владимирович Ильюшин.

Сын крестьянина из деревни Дилилево Вологодской губернии, он с пятнадцати лет зарабатывал себе на хлеб. Началась первая мировая война, и Ильюшина призвали в армию. Сначала служил солдатом в аэродромной команде, затем мотористом, потом стал летчиком.

После Октябрьской революции крестьянский сын поступил в Институт инженеров Красного Воздушного Флота — ныне Военно-воздушная инженерная академия имени Н. Е. Жуковского. Здесь начались его первые конструкторские опыты. Четыре планера он спроектировал и построил за время учебы. Это была для будущего конструктора дополнительная практика аэродинамических расчетов, школа столярных и слесарных работ, знакомство с многими профессиями, без овладения которыми хорошего самолета не построишь.

По окончании академии Ильюшина направляют в Научно-технический комитет Военно-Воздушных Сил, где определялись требования к боевым машинам, которые предстояло еще проектировать и строить. Знания, полученные здесь, тоже очень пригодились, когда Сергей Владимирович стал руководить конструкторским бюро.

...В августе 1941 года немецкие войска уже заняли Белоруссию, значительную часть Украины, наступали на Ленинград, угрожали Москве. Гитлеровская пропаганда победно трубила об уничтожении всей советской авиации. И вдруг на столицу фашистской Германии посыпались русские бомбы. Это нанесли внезапный удар летчики-балтийцы на самолетах конструкции Ильюшина — ДБ-3, которые потом переименовали в Ил-4.

Создавая свой боевой самолет, конструктор старался довести до минимума его размеры и до максимума — полезную нагрузку, обеспечить эффективность и живучесть. На протяжении всей войны Ил-4 использовались как дальние бомбардировщики, торпедоносцы, средство для заброски в тыл врага разведывательных групп. Ил-4 оказался не только значительно лучше немецкого однотипного бомбардировщика «хейнкель-III» и английского «велингтона», но более десяти лет оставался на уровне требований, предъявляемых к самолетам этого типа.



Сергей Владимирович Ильюшин в конструкторском бюро.

Первый взлет серийного Ил-86.



Эффективность, живучесть! Очень трудно придать эти качества военному самолету, предназначенному для уничтожения с бреющего полета танков, механизированной техники и живой силы противника. Штурмовик должен быть практически неуязвим. И эту сверхтрудную задачу ОКБ Ильюшина блистательно решило. Штурмовик Ил-2 стал грозой для фашистов, кошмаром для их танкистов. Его называли «черная смерть», «летающий танк». Живучесть самолета была просто фантастической. Получив, казалось бы, смертельные повреждения крыльев, оперения, хвостового отсека, Ил-2 все же возвращался с боевого задания. «Такая исключительная надежность и живучесть», — объяснял поведение своего самолета Ильюшин, — явились результатом оптимального сочетания

аэродинамической компоновки, летных характеристик, устойчивости и управляемости с запасом мощности двигателя и рациональной схемой бронирования всех жизненно важных частей самолета».

Кроме того, Ил-2 по своей конструкции был прост, хорошо приспособлен для массового серийного производства, удобен для эксплуатации в боевых условиях. Из 108 028 самолетов, выпущенных советской авиапромышленностью за годы войны, 41 тысячу составляют штурмовики Ильюшина.

Еще гремели бои, а коллектив ОКБ уже стал создавать пассажирский самолет Ил-12, начав новое направление в своей работе. А вскоре на линиях Аэрофлота появился его младший брат, Ил-14, более совершенный и комфорта-

бельный. Он уже в полной мере обладал качествами, присущими всем пассажирским Илам: безопасность, экономичность, простота конструктивных решений, технологии производства, эксплуатации, техники пилотирования. Самолеты, созданные под руководством Сергея Владимировича Ильюшина, как военные, так и мирные, поднимал в воздух заслуженный летчик-испытатель, дважды Герой Советского Союза Владимир Константинович Коккинали.

Ил-14 оказался очень долговечным. Он до сих пор летает как в Советском Союзе, так и за рубежом. Широко используют его научные экспедиции на Северном и Южном полюсах. Долговечность — тоже характерное качество Илов. Уже не одно поколение воздушных пассажиров знает комфортабельный и надежный авиалайнер Ил-18. Впервые он вышел на линию в 1959 году и трудится до сих пор. На самолете Ил-18 проложили регулярную трассу из Москвы в Антарктиду.

В середине шестидесятых годов на воздушных линиях страны появились турбореактивные самолеты второго поколения, с большей скоростью и более комфортабельные. Одним из них был Ил-62, способный без посадки пересекать океаны и континенты. Надежный, экономичный, комфортабельный, он не уступает лучшим зарубежным машинам этого поколения. Межконтинентальный лайнер Ильюшина успешно эксплуатируют на своих линиях авиакомпании ГДР, Польши, Румынии, Кубы и других стран. Крупные иностранные авиакомпании «Эр Франс», «КЛМ», японская «ДЖАЛ» и другие также арендовали Ил-62 для перевозки пассажиров.

Опытному конструкторскому бюро исполнилось 50 лет. За полвека сформировалась ильюшинская конструкторская школа. В ОКБ работают талантливые конструкторы, летчики-испытатели, инженеры, техники, рабочие. На смену первому поколению пришло новое. С 1970 года ОКБ возглавил ученик и соратник Сергея Владимировича Ильюшина, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, член-корреспондент Академии наук СССР Генрих Васильевич Новожилов.

В воздух поднимаются все новые Илы. Более совершенные, надежные, экономичные. И не только пассажирские! Транспортный самолет Ил-76 — основной грузовой Аэрофлота. Он летает в Сибирь, Арктику и другие развивающиеся районы нашей Родины, доставляя на своих могучих крыльях крупногабаритные грузы, различную технику весом более 40 тонн. На этом самолете установлено 27 мировых рекордов грузоподъемности и скорости полета.

Вышел на авиалинии и реактивный лайнер третьего поколения — широкофюзеляжный Ил-86. В его просторных салонах могут с комфортом разместиться 350 пассажиров. Поднял его в воздух заслуженный летчик-испытатель СССР Герой Советского Союза Эдуард Иванович Кузнецов.

Творческий коллектив опытного конструкторского бюро имени С. В. Ильюшина вносит достойный вклад в развитие отечественной авиации.

А. ГОЛИКОВ

ХРАНЯТ! НЕТ, СКРЫВАЮТ. СБЕРЕГАЮТ! НЕТ, УТАИВАЮТ

Ненастный осенний вечер. На одной из целендорфских улиц останавливается такси. Из машины выходит господин в дождевике. На его небольшом чемоданчике болтается картонная бирка с надписью «Кабина» — такую при посадке в самолет обычно прикрепляют к ручной клади пассажира. На бирке — название голландской авиакомпании. Господин в дождевике заворачивает за угол и продолжает путь пешком. Он, оказываясь, вышел из такси за несколько кварталов до того места, куда направляется. Дождь переходит в ливень, и незнакомец натягивает на голову капюшон...

Да не подумает читатель, что я собираюсь оснастить эту главу таинственными приметами детектива...

С той минуты, как приезжий переступает порог виллы на Вассеркёферштайг, 1, все становится обыденным и совсем нетаинственным.

По радушию, с каким встретили в холле гостя, нетрудно было догадаться, что он не был незваным. Его немедленно препроводили в уютный кабинет Саймона, а немногим найдшимся тогда в ЦД сотрудникам объяснили: приехал представитель международной информационно-компаний.

Доля правды в этом, пожалуй, имеется. Гость ЦД прилетел в Западный Берлин дейст-

твитель, нисколько не помешает ЦРУ, а, наоборот, подстегнет его.

Роберт Макнамара, экс-министр обороны США и экс-президент Международного банка развития, охотно согласился направлять и консультировать деятельность ИРИС (разумеется, за подобающее вознаграждение) в компании не менее именитых «эксов». Таких, как экс-премьер-министр Великобритании, он же экс-лидер консервативной партии Эдвард Хит и экс-министр торговли Франции Дени. Протезировала новорожденной разведывательной организации и вашингтонская администрация. С ее ведома наинovelейшие компьютерные устройства и хранилища документов роттердамского шпионского заведения намечено было разместить в американском городе Кристал-Сити, откуда рукой подать до Лэнгли.

Организаторы ИРИС сразу же обратились за финансовой помощью ко многим крупнейшим монополиям Западной Европы и США. Просьбы о денежных подачках были встречены более чем благосклонно: ведь будущим клиентам гарантировалось предоставление любых важных для них политических, военных, экономических и других данных.

Угодно высокопоставленному клиенту за свои деньги узнать, например, каковы шансы на осуществление государственного переворота в латиноамериканской стране? Агентура ИРИС немедленно подготовит подробный доклад. Других клиентов интересует, допустим, насколько квалифицированно готовится убийство не устраивающего их государственного

Откуда же черпать надежные кадры опытных шпионов, готовых в нужный для влиятельного клиента момент стать по совместительству диверсантами и террористами? Тут никак не обойтись без «эксов» нацистской формации. Без экс-гестаповцев, экс-эсэсовцев, экс-штурмовиков. Но как проверить их палаческо-провокационную квалификацию и точно установить, кто и на что годится, кто есть кто? Ведь может статься, что какой-нибудь захудалый с точки зрения эсэсовской иерархии унтер-шарфюрер, чтобы урвать от учредителей ИРИС гонорар побольше, выдает себя чуть ли не за оберштурмфюрера. И наоборот, осторожный экс-гауляйтер, непосредственно виновный в гибели многих людей, дабы не запродаться ИРИС со всеми потрохами, предусмотрительно притворяется «чернорабочим» штурмовиком.

Неизвестно, кто из высоких консультантов ИРИС первым сказал «а», кто первым вспомнил о ЦД — сэр Хит или месье Дени. Но вскоре же личный представитель Антони Стаута помчался в Западный Берлин для непосредственного ознакомления с погребенными в бункерах нацистскими архивами. Штудировал ли он документы по имевшемуся уже у него списку или сам выуживал из личных дел нацистов имена кандидатов в «корреспонденты» ИРИС, покамест сказать нельзя. Но девятидневный просмотр наиболее засекреченных документов господином, заявившимся в холл ЦД в мокром дождевике, — факт неоспоримый.

Не то сейчас важно, что ИРИС, как остроум-

Цезарь СОЛОДАРЬ

Скрываются

вительно в качестве представителя недавно учрежденной в Роттердаме международной организации под сладкозвучным названием ИРИС. Эта аббревиатура расшифровывается так: международная система докладов и информации.

Кто должен получать доклады и информации? От кого? О чем?

Ответить на этот вопрос не столь уж сложно, если учесть, что перед учреждением со столь благоухающим наименованием были поставлены весьма дурно пахнущие цели. Система ИРИС была задумана как крупномасштабная международная разведывательная служба, призванная дополнять, а порой и проверять «доклады и информации» ЦРУ.

Неужели перепроверять разведывательные данные самого ЦРУ? Представьте, да, именно перепроверять. Запланировано это было по двум причинам. «Дядюшки из Лэнгли» (так за рубежом частенько называют сотрудников главного шпионского заведения США) поставляют своим западноевропейским, латиноамериканским и афро-азиатским партнерам тенденциозную информацию, подобранную и скомпонованную таким образом, чтобы из нее можно было делать лишь выгодные Соединенным Штатам выводы. И во-вторых, после свержения шаха в Иране и кровавого диктатора Сомосы в Никарагуа западноевропейским разведслужбам нетрудно было убедить своих клиентов в том, что ЦРУ отнюдь не безукоризненно знает истинное положение дел в регионах Латинской Америки, Азии и Африки, да к тому же политические и социальные прогнозы ЦРУ нередко бывают ошибочны.

Не стоит, впрочем, думать, что к новоявленному конкуренту ЦРУ недоброжелательно отнеслись американские монополисты и политики. Нет, решили они, разведывательный дублер, да еще международного плана, созданный к тому же в порядке «частной инициа-

деятеля какой-либо страны. Что ж, и в этом случае, заверяли учредители ИРИС, их агенты не ударят лицом в грязь. Неспроста сэр Эдвард Хит на переговорах с отваливающими для ИРИС деньги толстосумами и в беседах с журналистами острит, что консультируемая им служба сможет предсказать не только очередные кульбиты политики Рейгана, но даже и то, будет ли вновь совершено покушение на его жизнь. И монополисты не скупились на денежные субсидии новой «системе».

Они, конечно, при этом напоминали фактическому руководителю нового шпионского центра Антони Стауту, какими именно «докладами и информацией» ИРИС сможет им потрафить. Связанные с международным сионизмом «алмазные короли» Бельгии и Голландии, к примеру, раскошались на благо ИРИС лишь после того, как точно договорились, что новорожденная разведывательная служба не обойдет своим вниманием и закулисную политическую жизнь Израиля. Не подумайте, что миллионеры-сионисты Бельгии и Голландии перестали доверять израильскому руководству, чья политика совпадает с их классовыми интересами. Но, как говорится, доверяй, но проверяй. Бельгийским и голландским алмазопромышленникам требуется неусыпно проверять, в частности, все сговоры и совместные комбинации владельцев израильских гранильных предприятий и хозяев алмазных копей в ЮАР. Договорились богатейшие деятели международного сионизма и о насаждении агентуры ИРИС в арабских странах Ближнего Востока.

Одним словом, дело затевалось с несказанным размахом. Помимо мощнейшего компьютера, способного обработать за день 11—12 тысяч донесений, было решено сформировать огромный штат центрального аппарата и, главное, сотни «корреспондентов» во многих точках планеты. «Корреспондент» в данном случае — облагороженный синоним слова «шпион».

но заметил в сообщении из Голландии советский журналист О. Пивоваров, увял, не распутившись, что около двухсот сотрудников его центрального аппарата уволены, как говорится, без выходного пособия, что затея с установкой в Кристал-Сити мощнейшего компьютера не осуществилась, что размашистые шпионские планы Макнамары, Хита, Дени и иже с ними лопнули как мыльный пузырь, что раскошелившиеся поначалу толстосумы отказались в дальнейшем субсидировать международную шайку скрывшегося от полиции Антони Стаута.

Важно другое: организаторы новой разведывательной службы империализма в поисках нужных им наемников, не задумываясь, обратились именно в ЦД. Они сразу же смекнули, что спрятанные там документы — это кладовая ценной информации о затаявшихся в разных уголках планеты гитлеровцах, о военных преступниках, всегда готовых усердно послужить милитаризму и реакции. А дирекция ЦД еще раз наглядно продемонстрировала, кому и с какими целями она с готовностью открывает свои бункера, в которых хранит, или, как любит выражаться Даниэль Саймон, берегает, гитлеровские архивы.

Хранит? Нет, скрывает.

Сберегает? Нет, утаивает.

Скрывает и утаивает нацистские документы от прогрессивной общественности, от всех, кто действительно полон честных стремлений разоблачить и привлечь к справедливому суду нацистов, повинных перед человечеством в тяжчайших преступлениях.

Хранит и сберегает нацистские документы для того, чтобы предоставлять их в распоряжение всех, кто на потребу империалистов замышляет новые антипрогрессивные, антикоммунистические акции, всех, кому утаенные в ЦД документы нужны для укрепления неонацизма, для развертывания «крестового похода» против коммунизма.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 40—42.

ЦИНИЧНЫЕ ПЛАНЫ «НЕЙТРАЛЬНЫХ» ЧИНОВНИКОВ

Перспективы Центра документации — каковы они?

В беседах Саймона с журналистами речь об этом не заходит. Не может зайти. Ведь директор ЦД заранее предупреждает журналистов: «Готов побеседовать, если речь не будет идти о будущем».

Впрочем, как читатель мог убедиться, Саймон предельно сдержан и в тех случаях, когда речь идет о сегодняшних делах возглавляемого им учреждения. «Я являюсь здесь только менеджером, а не историком или «охотником на нацистов», — предупредил он Ульфа Вюрфелера. — Когда мне предложили эту работу, я только хотел узнать, где этот Центр документации находится и сколько мне будут платить». К этому американский майор в отставке добавил, что его как иностранца прошлое не отягощает и он не может ощущать ответственность «за политику ограниченного доступа к архиву немцев».

Циничная, но не откровенность, а ложь. И потому нельзя согласиться с выводом западноберлинского журналиста: «Саймон подходит к работе как нейтральный управляющий делами».

Как же можно назвать нейтральным чиновника, рьяно укрывающего «архив немцев» исключительно в реакционных целях и открыто направляющего все силы подведомственного ему учреждения, всю свою «менеджерскую» энергию на то, чтобы помочь закоренелым преступникам уйти от правосудия! И больше всего опасющегося, чтобы его не привели господи не сочли «охотником за нацистами».

Господину менеджеру, кстати, совсем не требовалось узнавать, где этот Центр документации находится, — он с 1970 года работает в американских учреждениях Западного Берлина и не раз в течение четырех лет захаживал в Центр документации до того, как стал его руководителем. Вряд ли проявляет «нейтральность» и американский представитель по связи с прессой в Западном Берлине К. Шпрингер (однофамилец «короля» западногерманской желтой прессы) — его журналисты не имеют права миновать, договариваясь о встрече с Даниэлем Саймоном.

Каковы же истинные перспективы ЦД?

Кому и когда намерено американское начальство нейтрального отставного майора передать захваченные американцами нацистские архивы?

Будет ли, наконец, открыт к утаенным архивам доступ следственным и судебным органам стран, где орудовали нацистские палачи?

Уже почти сорок лет ЦД не предоставляет абсолютно никакой информации юристам, историкам и журналистам социалистических стран. А ведь сам директор ЦД сообщил израильскому корреспонденту, что «Советский Союз и другие, — как он выразился, — страны Восточной Европы неоднократно оказывали помощь работникам министерства юстиции США, разыскивавшим следы нацистских преступников». Не очень-то часто, правда, американские юристы обращались за такой помощью, но никогда не получали отказа.

Еще в пятидесятых годах начались переговоры о передаче архивов ЦД властям ФРГ. Но

канцлер Аденауэр отрекся от этого как от нечистой силы. Он страшился перехода в руки его правительства «политической бомбы замедленного действия». Неудивительно! В «чрезвычайно актуальном, — по выражению западноберлинской газеты «Цитти», — архиве с единственным в своем роде фондом документов о временах нацизма» могли обнаружиться новые доказательства того, как начинающий политик Аденауэр задолго до того, как стал канцлером ФРГ, рабски умолял гитлеровского министра внутренних дел Фрика признать его, Конрада Аденауэра, заслуги перед нацизмом еще до захвата Гитлером власти в Германии. Кстати, пообещав господину канцлеру «забыть» в своих пропагандистских выступлениях об этом постыдном, мягко выражаясь, факте его биографии, сионистские верховоды сумели добиться от Аденауэра увеличения размеров денежных субсидий Израилю под видом репараций за истребленных гитлеровцами евреев.

Как нетрудно догадаться, яростным противником перехода архивов ЦД в руки боннских властей был и Глобке, замаранный нацистской грязью даже более, чем его шеф Аденауэр. Именно Глобке впервые демагогически назвал нацистские архивы «опасным источником новых несчастий для многих людей только за то, что они уже имели неосторожность числиться в списках НСДАП». К таким несчастным, очевидно, Глобке причислил и себя, хотя прогрессивная общественность ФРГ вполне обоснованно называла его нацистом № 1 среди приближенных канцлера Аденауэра.

Нет смысла заниматься сейчас перечислением всех этапов дальнейших переговоров между Вашингтоном и Бонном о передаче нацистских архивов властям ФРГ. В Вашингтоне делали вид, что жаждут отделаться от содержимого бункеров ЦД, а в Бонне притворялись, что готовы заполучить «бомбу замедленного действия».

Важнее другое. С каждым годом, даже с каждым месяцем «бомба» становится все менее опасной для западногерманских властей, которым так не по нутру новые процессы над нацистскими преступниками. Это ясно не только будущим хозяевам ЦД, но и нынешним.

Вдумайтесь в сказанные Даниэлем Саймоном вроде бы походя слова: «В результате проведенного исследования материалов установлено, что в настоящее время (имеется в виду середина 1982 года. — Ц. С.) средний возраст бывших эсэсовцев составляет 66 лет».

Значит, когда пишутся эти строки, следует к шестидесяти шести годам прибавить еще 1 год. А если передача архива властям ФРГ затянется еще хотя бы на два года (как сможет убедиться читатель, я назвал минимальный срок возможных оттяжек и проволочек), средний возраст тех, о ком могут и должны рассказать запятанные в целендорфских бункерах архивы, составит уже 69 лет! А если еще два года и еще два года...

Не уповает ли ЦРУ на то, что реакционные круги ФРГ постепенно добьются отпущения грехов гитлеровцам? Упования, увы, не столь уж безосновательны — благоприятные сигналы на сей счет из Бонна уже обнадеживают американских хозяев нацистских архивов. Возьмем, к примеру, объединение бывших

солдат войск СС. Долгие годы оно официально считалось правозащитной группировкой и с такой справедливой характеристикой осуждалось в документах ведомства по охране конституции. В самом деле, можно ли не считать пронацистской организацию, прославляющую кровавые дела фюрера и его клики. Призывающую не забывать «подвиги» гвардии Гитлера в оккупированных странах. Празднующую день рождения ближайшего гитлеровского подручного Рудольфа Гесса — он, дескать, не осужденный военный преступник, а... «пленник мира»!

Но недавно правительство ФРГ отказалось причислять объединение бывших эсэсовских солдат к правозащитным группировкам. Пропитанное духом неонацизма объединение больше не будет в таком качестве упоминаться в докладах ведомства по охране конституции.

Узнав эту приятную новость, приободрились эсэсовцы младших офицерских чинов. Ежели получили всепрощение их непосредственные подчиненные, то не последует ли за этим новое решение, фактически аннулирующее десятки тысяч спрятанных в ЦД документов на основании которых многим бывшим младшим офицерам войск СС полагалось бы сесть на скамью подсудимых.

ОНИ ЖДУТ 2000 ГОДА

Последний раз, по утверждению западногерманской прессы, федеральный министр внутренних дел Баум твердо обещал осуществить приемку архивов ЦД в 1981 году. Как и неоднократно ранее, это оказалось безответственной болтовней. Израильский журналист, заслуживший особенное расположение Саймона, уже в декабре 1982 года писал: «Западногерманские власти утверждают, что настало время опубликовать содержание многих документов, и требуют, чтобы США передали ФРГ архив».

Требуют? Сам же израильский борзописец Б. Грэн опровергает это утверждение — и тут он, пожалуй, не лжет:

«Создалось впечатление, что ФРГ, хотя и требует передать ей архив, не очень хочет его получить. Дело в том, что, пользуясь выражением американцев, этот архив можно сравнить с раскаленным железом. Правительство ФРГ заинтересовано в передаче этого архива лишь для того, чтобы положить конец слухам о каких-то документах исключительной важности, якобы хранящихся (оказывается, только якобы. — Ц. С.) на его полках».

Вот оно что! Властям ФРГ нужны нацистские архивы не для разоблачения фашистских преступников, а для того лишь, чтобы «положить конец слухам» об их якобы взрывоопасном содержании.

«Мы не ждем никаких сенсационных открытий, — снисходительно разъяснил Грэну высокопоставленный, по его характеристике, чиновник ФРГ. — Все, что находится в папках и личных делах архива, нам более или менее известно (и тут заимствованная у Саймона «приблизительность»! — Ц. С.). Мы надеемся, что после передачи архива прекратятся разговоры о страшных тайнах».

Окончание следует.



МАЛЬЧИК В ПИЛОТКЕ, ГДЕ ТЫ?

На этой старой фотографии снята группа радистов 133-го гвардейского минометного полка. Снимок сделан 16 мая 1945 года на берегу озера в поселке Караси под Прагой.

Гвардейцы-минометчики участвовали в боях на Кавказе, Украине, Белоруссии, в Кенигсберге, Берлине, закончили свой боевой путь в Праге, продолжая бой с остатками фашистов уже после Победы. На Родину возвращались все вместе и вот сфотографировались на память.

Снимок этот прислал мне ветеран войны Василий Федорович Слюсарев, на снимке он третий слева. Сейчас он живет в Краснодарском крае. Интересно, как сложилась судьба остальных бойцов, чем занимается молодой парнишка — сын полка. Он меня особенно интересует, так как я уже много лет собираю материалы о детях войны.

Где ты, мальчик в военной пилотке? Отзовись!

Т. КУИДИНА

Ростовская обл., Азов.



Вневозвратность ка-
нули дни, прожитые недавно на
голубой, солнцем затканной Бу-
ковине. А осталась со мною
песня.

— Вивцы мои, вивцы,—
однажды в дороге начал сильный
и нежный голос, и сразу вступил
мужской, низкий, растревожен-
ный:

— Кто вас стане пасти,
як мене не стане...

«Овцы мои, овцы, кто пасти вас
станет, когда меня не будет».—
От песни-жалобы старого чабана
сжимается сердце.

А через несколько часов очень
похожими словами на смешанном
украинско-русском языке скажет
Петр Антонович Чабан:

— Тридцать восемь лет я все
говорю и говорю со своими одно-
полчанами, що з войны не вер-
нулись... Хлопцы мои, хлопцы...
Да нет же, конечно, не в том де-
ло, что это я один такой заботник.
Вы ж бачили, какой стоит краси-
вый памятник в центре, имена все
написаны. Только для меня-то по-
ка это еще отдельно — памятник и
они, живые, девятнадцатилетние. Я
вернулся, а их нет. А жизнь вок-
руг такая, что им и не снилась, за
нее же и отдали они свои жизни.
И потому свой долг у меня перед

мое прошло в забитости, унижени-
ях и оскорблениях. Настоящую
школу узнал только в сороковом,
когда Красная Армия пришла,
а мне уж пятнадцать лет было...

Петр Антонович рассказывает, и
я чувствую, что живу его жизнью.
Будто встаю до рассвета, и мои
вечно босые ноги зябнут в холод-
ных росах, со мной рядом плетет-
ся по пашне усталый вол, и чер-
ная земля то безмерно тяжела от
дождей, то улетает куда-то вдруг
побелевшей пылью. Это я вздра-
гиваю от крика на чужом языке,
спину сейчас похода обожжет
кнут чужого человека...

Нет, никуда не уходит прошлое
и впредь велит жить так, чтобы
дурное не повторялось.

Из всех оккупационных бед
только пожары обошли стороной
пограничное это село Росошаны;
как и много веков назад спуска-
лись, будто стадо белых лохматых
овец, саманные хатки под соло-
менными крышами с холмов в ни-
зину. Уцелели они и в 1944 году,
в весну освобождения. Девятнад-
цать лет исполнилось в тот год
Петру Чабану.

Вскоре он и его сверстники бы-
ли призваны в Советскую Армию.
В Фастове на железнодорожный
узел, на эшелоны с новобранцами
пала с неба первая смерть — два
дня фашистские бомбардировщи-
ки палили по ним, головы не под-

ми видит он восточнопрусскую
речку с незапомнившимся назва-
нием. На той стороне немцы, на
этой — наши, и надо нашим вы-
бить их с той стороны, навести
переправу и идти дальше — на за-
пад, к Победе. Сутками бой идет
за эту речку, едва успевают сол-
даты перекусить всухомятку —
нужны им силы, и пить очень хо-
чется, а воды нет. День нет, дру-
гой, третий. Хоть бы один коло-
дец вблизи! А может, и был где,
но нельзя оставить позицию, а по-
зиция — речка, воды полно, по-
дойти же нет никакой возможно-
сти, огонь с той стороны прицель-
ный. Но жажда вытесняет все ос-
тальные чувства. Вот схватил один
солдат котелки и — к речке.
Залп... Лежит солдат, и уж нико-
гда не встать ему. Второй погиб. И
третий. И тогда подумал Петро
Чабан: «Надо мне идти, потому
что слабеет взвод от таких по-
терь». Взял в правую руку автомат,
в левую — два котелка, третий —
в зубы. Не побежал, пополз осто-
рожно. Дополз до самой кромки
воды, видит: на той стороне не-
мец тоже за водой ползет. Петр
на него сквозь прицел автомата
смотрит, немец — на Петра. И так
установили автоматы друг на друга,
что и стрелять не пришлось, на-
стороженность была сверх всякой
меры. Попробуй пойми теперь,
как удалось во все три котелка

И пришла Победа. Демобилизо-
вали. Обнищавшая, разграбленная
окупантами Буковина. Исплукан-
ные глаза вдов. И одна за дру-
гой засухи на истощенной зем-
ле.

— И не знаю, как выжили бы,
если б не колхоз, — говорит Петр
Антонович. — Нам колхоз в голод-
ный год еду в поле возил, может,
с той еды и началась вера в кол-
лектив, его надежность. Год от
года лучше жить становилось... В
последнее время домов понастро-
или — сами видите каких.

Да уж вижу! Прямо дух захва-
тывает. Все искусство буковинских
рукодельниц и резчиков по дере-
ву, все их дивные узоры и — не
побоюсь сказать — все мелодий их
песен воплотились в домах.

Раздвоенной жизнью жила я в
Росошанах. С утра — любованье
предосенней красой росошанских
улиц, пока Петр Антонович на ра-
боте. А после четырех часов —
разговоры с ним, воспоминания о
войне, и будто вот тут, рядом,
грохочут и гудят наступающие
фронты... Пробовала изменить
ход дней.

— Петр Антонович, а вот если
завтра с утра...

— Ну, как с утра-то? Я же с
фермы на поля органику вожу.
Застопорю — остальных задержу.
После четырех жду вас. Хотите —

К Р И Н И Ц Ы

Нина ХРАБРОВА,
фото Игоря ГАВРИЛОВА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

СОЛДАТА

ними. Какие монументы могу я
поставить? Я бы садожки посадил
в их память, но состарятся и упа-
дут деревья. Каменные плиты по-
сечет ветер с гор. Заржавеет от
годов железо. Только вода вечна...
Он кивает через плечо.

— Взгляните, за спиной у нас
криница. Люди говорят, выкопали
при турках. При каких таких тур-
ках? Сто, двести, а может пятьсот
лет назад? Никто этого не помнит,
а колодец живет. Вечна вода, веч-
но нужна она людям, а как нуж-
на, про то сам я узнал на войне.

— А детство ваше здесь прош-
ло? — спрашиваю, оттягивая глав-
ный разговор. А главный разго-
вор — о колодцах, которые Петр
Антонович выкопал в память по-
гибших на войне земляков. Но об
этом позже. Сейчас я жду ответа,
что скажет Чабан о своем детст-
ве.

— Да, здесь оно прошло. И
мое и всех моих прадедов.

Петр Антонович опустил голо-
ву, закрыл лицо жесткой рукой с
темными потрескавшимися ногтя-
ми, стер со щеки влажную полос-
ку, извинился.

— Тяжело вспоминать. Можете
представить себе черную жизнь
на этой райской земле? Детство

взрослое — в забитости, унижени-
ях и оскорблениях. Настоящую
школу узнал только в сороковом,
когда Красная Армия пришла,
а мне уж пятнадцать лет было...
Петр Антонович рассказывает, и
я чувствую, что живу его жизнью.
Будто встаю до рассвета, и мои
вечно босые ноги зябнут в холод-
ных росах, со мной рядом плетет-
ся по пашне усталый вол, и чер-
ная земля то безмерно тяжела от
дождей, то улетает куда-то вдруг
побелевшей пылью. Это я вздра-
гиваю от крика на чужом языке,
спину сейчас похода обожжет
кнут чужого человека...

— Ранены были?

— Два раза в Каунасе в госпи-
тале лежал. Нетяжелые ранения.
Нетяжелые... А рука от запя-
стья до локтя в шрамах — смот-
реть больно. И с ногой что-то,
отчего он прихрамывает, когда
идет быстро.

Мы сидим на скамейке у зда-
ния правления росошанского кол-
хоза имени газеты «Правда». По-
зади розы цветут, над розами и
нарядным теремком старой кри-
ницы колышутся зеленые косы
плачущих ив. Праздничным был бы
этот светлый покой, если бы ни-
когда не стучалась в него война...

— Сначала пехотинцем был, —
рассказывает мой собеседник, — а
после ранений попал в танкоре-
монтный батальон, там и служил
до самого края войны, в сорок
шестом демобилизовался...

И вернулся с уцелевшим солда-
том в его уцелевший дом каждый
день войны, каждый случай на
войне. Опять будто своими глаза-

воды набрать — скорее всего по-
тому, что поверху, по-над Петром,
наши ребята из автоматов постро-
чили. А назад как? А вот так, ка-
ким-то невероятным способом —
на локтях и на спине отползал,
один котелок опять же в зубах, в
горло упирается, два зажал левой
рукой, а в правой, известное де-
ло, — автомат.

— Может быть, даже смешно, —
задумчиво говорит Петр Антоно-
вич. — Жизнь, она вселика. Серь-
езно говорю — вселика, страшное
и смешное рядом. И еще неве-
роятное, на войне много неверо-
ятного было.

...Глотнули той драгоценной во-
ды солдаты, кто поблагодарил
Петра на бегу, а кто и не успел,
и опять в бой. В боях и приш-
ла на ум Петру Чабану житейская
мирная мысль: вернись живым до-
мой, стану копать криницы, пусть
у каждого человека в любую ми-
нуту, в любом дворе и в поле
всегда под рукой вода будет.

Вот такой был маленький эпизод
на великой войне.

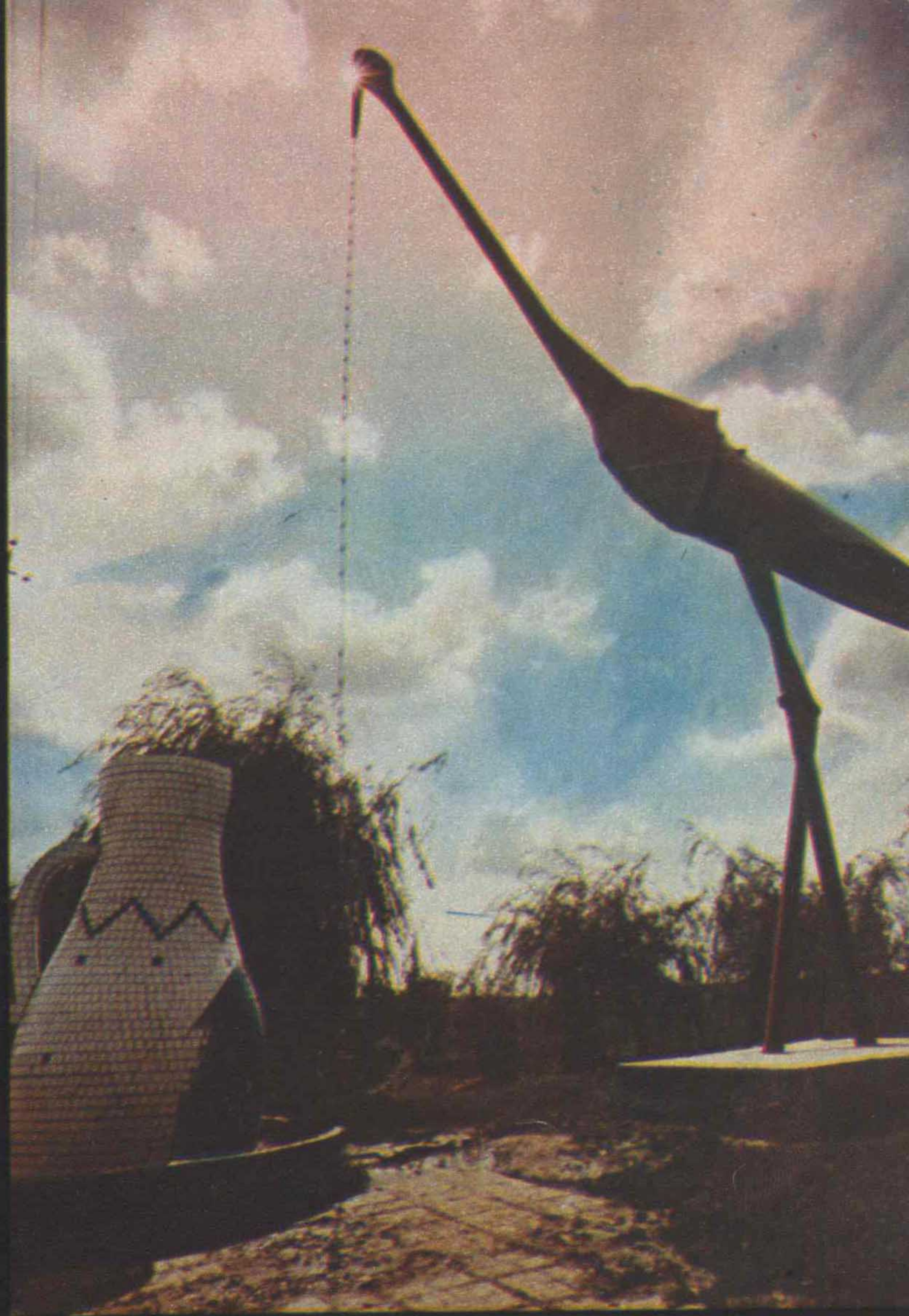
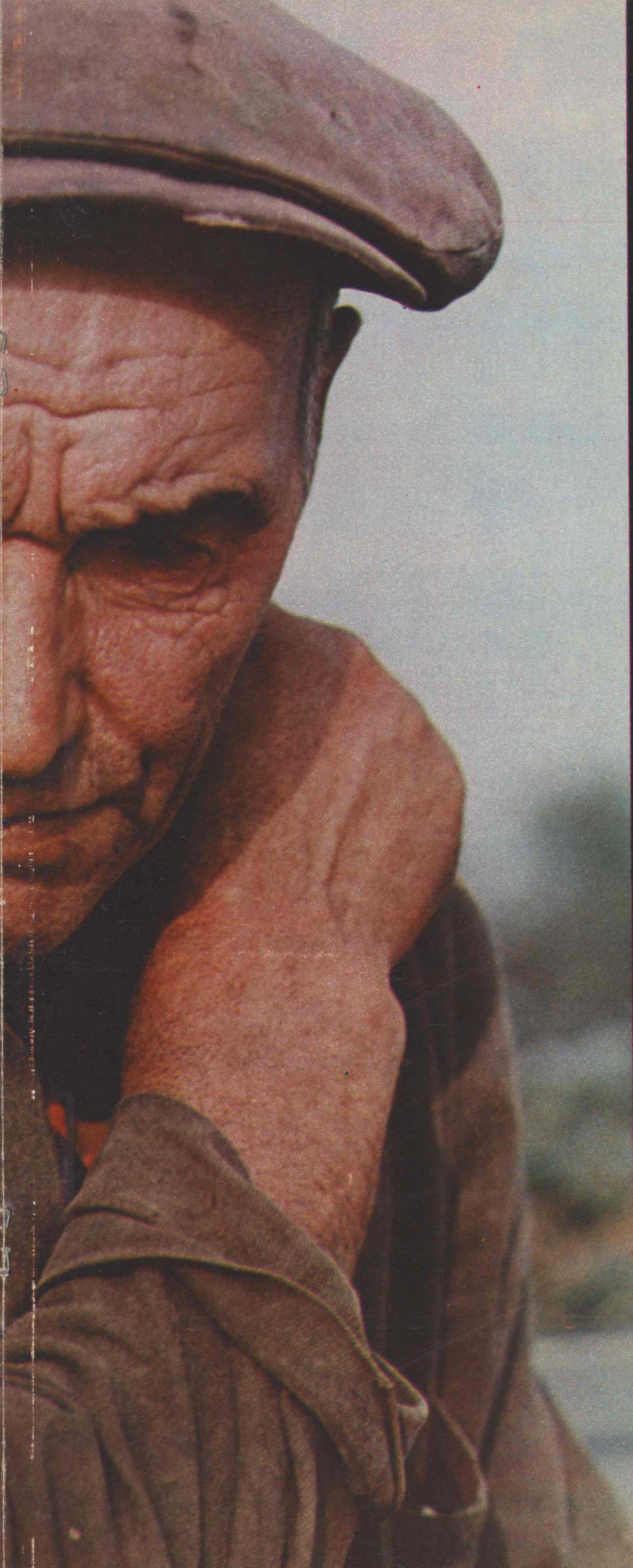
Где-то на фронтовых дорогах
догнала Петра Антоновича ме-
даль «За отвагу», наградило его
командование за утешение солдат-
ской жажды...

**Этот колодец построен в
память о Ефреме Аркадь-
евиче Козаке — муже Дарьи
Макаровны * «Вечная слава
воинам-односельчанам...» —
начертано на памятнике *
Родное гнездо * ...Так же,
как прежде, молодые назна-
чают свидания у колодца.**

**НА РАЗВОРОТЕ
ВКЛАДКИ: Твое имя, Ва-
сильий Исаевич Гуцунаш, бу-
дет помнить каждый, кто на-
пьется воды из этой кри-
ницы * Так же, как веч-
но служит людям вода,
вечно жива будет память о
павших * Петр Антонович
Чабан: — Это мой долг... *
Дари людям радость, коло-
дец Василия Григорьевича
Ветренюка!**









на ферме, хотите — у колхозного правления.

И ровно в четыре появлялся на тракторе — он все послевоенные годы трактористом работает.

А в субботу пришел с утра, его и не узнать было: в бежевом костюме, рубашка крахмальная, галстук, красивая шляпа на гуцульский манер.

— О-ой, Петр Антонович!

— Ой и есть, — смеется, куда серьезность девалась. — Мне в спецовке куда удобней, да нельзя, с Поликарповной на свадьбу идем.

Ох, эти россошанские свадьбы с уходящими в перспективу столами, гуцульско-молдавско-украинскими песнями и танцами! Эти россошанские женихи, похожие на наследных принцев, и невесты в белых кружевных шляпах и фатах, похожие на юных королей прошлого века!

— И у вас с Петром Антоновичем такая свадьба была? — спрашиваем жену Петра Антоновича, Марию Поликарповну.

Веселая, ласковая женщина всплескивает руками и хохочет:

— Да у нас хата тогда была — три шага на три, одна бутылка горилки на столе, картошку, чтобы хватило, в селе прикупили и трое сватов в гостях! Но веселье хорошее было...

Веселье и счастье той свадьбы так и остались в их жизни. И отношения родителей, дочка Люси и внуки Лены полны привычной ласковости и уважения. Мария Поликарповна говорит:

— Удивляюсь, откуда у моего мужика столько силы? На работе все как надо, дома все сделает. А ведь главное-то для него — криницы.

Вот так она его понимает. А он не обо всем рассказывает.

— Ухожу криницу копать! — И все. Он постепенно переиначивал ту, фронтальную мысль о необходимости воды всегда и рядом так: пусть каждый колодец станет памятником каждому из пришедшему с войны. Работал, шутил, нянчил дочку и внучку, а с главной мыслью не расставался. И Мария Поликарповна повторяет его слова:

— Вечна вода, вековечные памятники — криницы...

— А трудно выкопать колодец? — спрашиваю Петра Антоновича.

— Да когда как, в легком грунте и за один день можно, а если камни — взрывчаткой работать надо, тогда уж подольше.

Он говорит — подольше, но ни разу не обмолвился — труднее. Однако, кто хоть раз видел, как копают колодцы, поднимают наверх землю, опускают вниз срубы или бетонные кольца, те знают, как это трудно. Особенно на глубине. А среди шестидесяти семи колодцев, выкопанных Петром Антоновичем, у одного глубина почти тридцать метров, из него, наверное, днем звезды видны.

— Главная работа с колодцами начнется, как только на пенсию уйду, — продолжает Петр Антонович. — Выкопаю и в честь тех, кого наши красные следопыты, шестой

класс с учительницей Валентиной Павловной, разыскали. Украшу все, как положено в нашем краю. И станет на душе у меня спокойнее.

Наверное, будет ему спокойнее. Впрочем, как может быть спокойнее. Для тех, кто воевал, война никогда не кончается. Чтобы совсем спокойно было, надо знать: война больше не повторится.

— А семьи знают, какой колодец кому?

— Пока еще нет. Читали имена погибших у памятника? Ветренюк — двое. Дячук — двое. Комерзан — четверо. Мельник — восемь. Павлика — двое. Руснак — трое. Федорюк — трое. Целыми семьями бились мои односельчане за Советскую власть... Когда я копал на отцовском дворе свой первый колодец, посвятил его памяти брата Ивана. И другим так же: поднимал первую лопату земли и говорил про себя — пусть тебе, Степан Иванович Комерзан, пухом будет земля в далекой стороне, здесь же вечно живая память... В тетрадь записывал, чтобы не забыть. Когда все выкопаю, тогда всем сразу и скажу. А так, раньше времени, не хочу вдов тревожить... Только вот Ирине Ивановне Комерзан надо показать колодец, что мужу ее, Степану, посвятил, — пусть узнает, она старенькая очень, и сын Николай у нее тоже погиб.

И еще Дарье Макаровне Козак показали колодец имени мужа ее Ефрема. Она опустила взгляд своих больших бледно-голубых глаз в колодезную глубину и надолго застыла так...

Шестидесят семь колодцев выкопал Петр Чабан. Шестидесят восьмой скоро начнет.

Разные в Россошанах колодцы-памятники. И нарядные, как сказочные теремки, и простые, рабочие, в поле о них говорят трактористы, что цены им нет — в пылу уборки и сева только и мечтаешь, как бы до кринички добраться. Тут и попьешь, и дух переведешь, и прохладной струей ополоснешься, потом надолго еще сил хватит. В Россошанах говорят, что Петр Чабан запросто воду чует.

— А как это вы воду чувствуете?

— Не сумею рассказать. Просто знаю: вот тут вода есть, а рядом не достанешь. Нет, ни разу не ошибся. Всякое бывало — то дождем, то снегом прихватывало, а один раз землей крепко присыпало, помощники меня тросом доставали, а чёботы так в глубинной глине и остались... Рассказал про чёботы и усмехнулся.

Разные в Россошанах колодцы. Но у каждого в глубине играет солнечный свет. Такой же свет живет и в глазах Петра Антоновича, иногда искрится весельем, чаще светится давней печалью.

За Россошанами тихо перекликаются дикие голуби: ку-гуу-ку, ку-гуу-ку... Грустно и нежно. Россошанским молодоженам, конечно, слышится в голубиных голосах только нежность. Старшим чудится пережитая и незабытая боль.

Запомнилось слово Петра Антоновича — жизнь вселика.

После неудачного выступления советских легкоатлетов в прошлом сезоне «Огонек» (№ 4) опубликовал статью Е. Богатырева «Почему отстаёт легкая атлетика!», вызвавшую широкий отклик среди спортсменов и тренеров. Теперь мы публикуем новую статью, написанную после выступления советской команды на первом чемпионате мира в Хельсинки и на Кубке Европы в Лондоне.

БЕГ НА МЕСТЕ

Евг. БОГАТЫРЕВ

Главным спортивным событием нынешнего года стал первый чемпионат мира по легкой атлетике, собравший более двух тысяч атлетов из 159 стран земного шара. Никогда еще в одних соревнованиях не выступали представители стольких стран. Любители легкой атлетики предполагали увидеть на знаменитой «сцене» — беговой дорожке, в секторах Олимпийского стадиона в Хельсинки — настоящую феерию, и они не обманулись в надеждах. Чемпионат удался!

В преддверии хельсинкских стартов не было недостатков в прогнозах. Чаще других среди фаворитов назывались имена спортсменов, установивших накануне чемпионата мировые рекорды, а они были улучшены в 14 видах, что само по себе тоже можно считать рекордом. Но многие рекордсмены не выдержали в Хельсинки жесткой конкуренции и проиграли, одни с достоинством, как румынская прыгунья в длину Анишоара Кушмир, десятиборец из ФРГ Юрген Хингсен, американский спринтер Келвин Смит, итальянский бегун Пьетро Меннеа, китайский прыгун в высоту Чжу Цзяньхуа, наши бегуны Анна Амбразене и Татьяна Казанкина, а другие без особой борьбы уступили первенство.

Зато каким щедрым чемпионат оказался на сенсации, на открытия! Если победы «молотобойца» Сергея Литвинова и прыгуньи в высоту Тамары Быковой неожиданныостью, не назовешь, то никто не мог предвидеть победу польского толкателя ядра Эдварда Саруля и его товарища по команде прыгуна тройным Здислава Хоффмана. Ни в одном из гороскопов не назывались в числе возможных чемпионов наши прыгуны — «высотник» Геннадий Авдеев и шестовик Сергей Бубка, бегунья на 400 метров с барьерами Екатерина Фесенко и наш квартет бегунов в эстафете 4×400 метров — Сергей Ловачев, Александр Трошило, Николай Чернецкий, Виктор Маркин. А они взяли и победили. Но выступления наших других бегунов были поистине огорчительными.

А после Хельсинки телеграф принес известие о проигрыше сборной СССР команде ГДР на втором по значимости международном турнире года — Кубке Европы в Лондоне.

Вот и возникла после Хельсинки и Лондона необходимость снова подумать о просчетах наших тренеров, готовящих легкоатлетов, и прежде всего бегунов. Но разве еще до стартов на чемпионате мира и Кубке Европы проблемы бега не тревожили любителей легкой атлетики? Ведь на традиционных международных соревнованиях на призы братьев Знаменских нынешнего года не разыгрывался один из двух главных призов — на дистанцию 10 000 метров (такого еще никогда не бывало) — якобы потому, что бегуны готовятся к выступлению на Спартакиаде СССР. Но на Спартакиаде наши спортсмены все равно не смогли показать высоких результатов ни на средних, ни на стайерских дистанциях, и бег на 10 000 метров выиграл бегун из Эфиопии.

И вот недостатки бегунов проявились еще более резко на чемпионате мира. В беге на 10 000 метров советские бегуны не участвовали, а на дистанции 5000 метров Д. Дмитриев финишировал лишь четвертым. Не имели мы успеха ни на одной из средних дистанций. Наши спортсмены в Хельсинки из 13 беговых номеров мужской программы смогли выиграть под занавес лишь один — эстафету 4×400 метров. Они не завоевали ни одной серебряной медали и получили лишь две бронзовые, и если раньше слабые выступления мужчин как-то уравнивали в соревнованиях на средних и длинных дистанциях женщинами, то в Хельсинки бегуны выступили значительно слабее. А вскоре после этого на Кубке Европы в Лондоне нас ждала еще более печальная картина. Там мужчины-бегуны не смогли добиться ни одной победы.

Нельзя пройти мимо и того факта, что во время подготовки к чемпионату мира и в ходе самого чемпионата в нашей команде оказалось рекордное число травмированных спортсменов. Согласитесь, что по этому показателю лучше не быть в числе первых. А объясняется это во многом тем, что некоторые тренеры не умеют добиваться того, чтобы их подопечные достигали пика спортивной формы к главным стартам сезона. Анализируя выступление сборной СССР на чемпионате Европы, тогдашний главный тренер сборной Н. Политико писал: «К сожалению, большинство спортсменов сборной оказались в Афинах не в состоянии бороться на пределе своих возможностей, не

За эти дни, за это мирное будущее отдавали солдаты свои жизни...

показали своих лучших результатов...»

Открытие это азбучное, но вот прошел год, а воз и ныне там. Свои лучшие результаты в Хельсинки показали всего лишь несколько человек — прыгун в высоту Г. Авдеенко, мужская команда в эстафете 4×400 метров, М. Кульчунова в беге на один круг, марафонцы Р. Смехнова и Л. Беляева, прыгунья Т. Проскурякова, барьеристки за исключением А. Амбразене.

Видимо, как и в прошлые годы, многие спортсмены, вдохновляемые своими наставниками, поставили перед собой одну цель — любыми путями пробиться в сборную команду страны, показав рекордные результаты в отборочных соревнованиях, а там хоть трава не расти. К чему приводит такая тактика, можно увидеть на примере тройного прыжка, еще совсем недавно едва ли не самого благополучного нашего вида.

Вот уже который год наши «тройники» радуют нас высокими результатами на внутренних соревнованиях, но, выезжая за рубеж на главные старты летнего сезона, ничем там себя проявить не могут. Как все мы радовались, когда на VIII летней Спартакиаде народов СССР ленинградец В. Грищенко победил в тройном с выдающимся результатом — 17 метров 55 сантиметров, а в Хельсинки он не сумел выполнить даже квалификационный норматив, показав крайне низкий результат — 16,29. Такого провала в тройном прыжке у нас не было никогда. И это при том, что в нынешнем сезоне более десяти советских прыгунов «улетели» за 17 метров. Но те прыгуны, которые побеждали лидеров сборной, по воле старшего тренера сборной в тройном прыжке В. Креера оказались за ее бортом.

Не смогли сохранить своих боевых кондиций не только «тройники». Непонятно, что произошло, например, с московским прыгуном в длину С. Родиным. Незадолго до отъезда в Хельсинки он показал второй в истории отечественной легкой атлетики результат — 8 метров 33 сантиметра, на чемпионате мира этого результата хватило бы для завоевания серебряной медали, но в Хельсинки Родин не смог выполнить даже квалификационного норматива. Между прочим, по такому же печальному сценарию разворачивались у Родина события и в прошлом году: дома он блеснул прекрасным прыжком, но на чемпионате Европы выглядел беспомощно и занял 13-е место. Однако, видимо, ни спортсмену, ни его тренеру Л. Алфеевой урок не пошел впров.

После европейского чемпионата в Афинах много писалось и говорилось о предвзятости, необъективности тренеров сборной команды страны, которые они проявили при комплектации сборной, не считаясь с мнением личных тренеров спортсменов. Увы, эта практика, несмотря на критику, сохранилась. Ни один из пяти главных тренеров сборной практической тренерской деятельностью, по существу, не занимается, но обычно им находят место в составе делегаций, отбывающих за рубеж,

а те тренеры, которые непосредственно работают со спортсменами, умеют их и физически и психологически подводить к старту, чаще всего остаются дома. Достаточно отметить, что ни один из личных тренеров пяти чемпионов мира не был включен ни в делегацию, ни даже в туристские группы специалистов. Такая же участь постигла и некоторых тренеров сборной по отдельным видам. Будь в Хельсинки тренер нашего квартета в эстафете 4×100 метров В. Сапая, он, наверное, смог бы перестроить порядок прохождения этапов нашими бегунами, как это было сделано в мужской эстафете 4×400 метров, и поставил бы, возможно, на последний этап сильнейшего на день финала спортсмена, что, возможно, позволило бы сменить «бронзу» по крайней мере на «серебро». Но еще с тех времен, когда В. Сапая не раз побеждал на дорожке нынешнего старшего тренера наших спринтеров В. Маслакова, у них довольно прохладные отношения, что и сказывается на результатах дела.

Да, одна из главных проблем в легкой атлетике — это проблема хороших тренеров. Они у нас есть, но как мы их используем? Зачастую бывает так: повесил шиповки на гвоздь известный мастер, и тут же исчез вместе с ним и его тренер — ушел на преподавательскую работу либо на административную, а бесценный опыт, который он накопил, ведя своего ученика к победам, так и остался при нем. А бывает, что тренер не уходит, но его просто отстраняют, фактически отбирая у него ученика. Но об этом мы уже писали выше.

Беда в том, что забыта одна простая истина: без талантливых, заинтересованных в своем деле тренеров не может быть выдающихся спортсменов. В сфере притяжения сборной уже много лет находятся одни и те же люди. Правда, после очередной неудачи их временно передвигают на другие места (так случилось после чемпионата Европы с Н. Политико и В. Креером), чтобы потом снова доверить им подготовку сборной. А вот росту молодых тренеров, их выдвижению не уделяется должного внимания.

Не настало ли время создать при сборной институт молодых тренеров-стажеров, подумать о коренных организационных переменах в подготовке атлетов и их воспитателей? Может быть, имеет смысл создать межведомственные тренировочные центры, в которых бы тренировались перспективные легкоатлеты и под руководством метров набирались бы ума-разума молодые способные тренеры? И, конечно же, до тех пор, пока прекрасным легкоатлетическим спортом не будут увлечены широкие массы школьников, пока они не получают возможность совершенствовать свое мастерство в специализированных школах, мы будем испытывать недостаток в выдающихся бегунах, прыгунах и метателях.

Проблемы, проблемы... Не пора ли, наконец, приступить к решению хотя бы самых важных, самых первоочередных из них, не пора ли, наконец, сдвинуть с места воз легкой атлетики?

Юрий ЯКОВЛЕВ

РАССКАЗ

Рисунки Е. ШУКАЕВА



ПРЫЖОК

Сперва небо качалось, и его сносило то влево, то вправо. Потом оно рухнуло и придавило меня так, что стало трудно дышать. Оно было серым, пасмурным и кололо мне шею. От него пахло мокрым валенком. Когда наступило просветление, небо оказалось шинелью, которой санитары прикрыли меня от пронизывающего ветра.

Позднее небо поднялось, но было таким невысоким, что до него можно было дотянуться рукой. Только руку я не мог поднять. Под низким небом горел фонарь «летучая мышь», и я теперь уже не помню, чем тогда казался мне фонарь под пологом палатки медсанбата — луной или солнцем.

Сердце вдруг похолодело и стало сжиматься. Оно уменьшалось, словно вырывалось из груди и помчалось куда-то вдаль. Я вообще перестал чувствовать сердце. В глазах поплыл туман. Я жадно глотал воздух — пил его, как воду.

И тут передо мной возникло два удивительно знакомых глаза. Они, не мигая, смотрели на меня в упор — холодные, светло-серые, почти бесцветные, словно радужка состояла из кристаллов льда. Я потянулся к ним, но остался неподвижен. Только губы дрогнули, и с них сорвалось имя: Ляля Пуля.

И неожиданно запахло яблоками.

В нашем дворе всегда пахло яблоками. И летом, и осенью, и когда выпадал снег.

Свежий, бродящий аромат встречал уже у ворот. И обыкновенный, серый, мощный булыжниками двор от этого запаха становился торжественным и таинственным. Яблочный дух вырывался из низких подвальных окон и возносился до пятого этажа. Яблоками в нашем дворе пахло все, даже ветер, закручивавший водовороты пыли. Даже снег.

Дело в том, что в подвале нашего дома размещался склад «Плодоовощ». Осенью двор становился тесным от подвоов и грузовиков, привозивших свежую партию яблок. Мы, ребята, конечно, были первыми помощниками при разгрузке яблок. Мы сопровождали грузчиков, как чайки сопровождают судно в надежде поживиться отбросами камбуза.

Иногда из ящика, влитого в плечо грузчика, выскакивало яблоко и, прыгая по булыжникам, откатывалось в сторону. Это яблоко было нашей законной добычей. И никто не оспаривал нашего права. Если же — случилось такое счастье! — ящик падал и яблоки, как от взрыва, разлетались во все стороны, то тут наших прав на добычу не было и начиналось пиратство. Грузчики собирали яблоки, а мы только ухитрялись урвать у них из-под рук, выхватить яблоко да еще успеть отбежать в зону безопасности. Это был самый настоящий бой между нами и «Плодоовощем».

Случалось, мы просто воровали яблоки. Слово «воровали» не совсем подходило для этого случая, так как мы были убеждены, что не делаем ничего предосудительного, просто играем в азартную игру. Но «Плодоовощ» называл вещи своими именами.

Временами мы люто враждовали с «Плодоовощем». Но вот проходили осенние дожди, выпадал снег, ударяли морозы, и вражда затихала: нас приглашали перебирать яблоки. Перед нами распахивались недоступные двери «Плодоовоща», и мы шли между рядами ящиков, как по яблоневому саду. Мы работали усердно, и, опьяненные ароматом, переносились в лето, и уже не могли себе представить, что всего два лестничных пролета отделяют нас от зимы.

Должен признаться, что яблоки мы не очень-то любили. От них мы получали только острое удовольствие доставшейся с риском добычи. В жизни каждого мальчишки обязательно должна быть хотя одна запретная яблоня в чужом саду, к которой крадутся, преодолевая страх быть побитым, а затем торопливо, с оглядкой срывают крепкие, с остатками завязи зеленые яблоки, от которых сводит рот. Но откуда в центре большого города взяться яблоне? «Плодоовощ» и был нашей яблоней.

Мы были большими знатоками яблок. Антоновку безошибочно отличали от аниса полосатого, а пипин шафрановый от апорта. Были нам знакомы и такие редкие сорта, как ранет орлеанский, кандиль синап и астраханское красное.

Когда же мы с гордостью приносили яблочные трофеи домой, нас прогоняли и велили вернуть законную добычу «Плодоовощу». Как бы не так! Ни у одного из нас не поднималась рука на такой добродетельный поступок. И начиналась объедаловка. Яблоки трещали у нас на зубах, губы блестели от сока...

До сих пор запах яблок возвращает меня в детство.

Но этот рассказ не о яблоках, а о Ляле Пуле.

Ляля Пуля жил в бывшем каретном сарае. У нас во дворе была вереница каретных сараев. Бабушка рассказывала, что в «мирное время», то есть до революции, в длинном одноэтажном здании с облупившейся желтой краской за высокими воротами с фигурными коваными петлями и в самом деле во времена оны стояли кареты, потом их сменили легкие лакированные коляски на тонких дрожавших рессорах, фазтоны с поднимающимся верхом и приземистые сани с медвежьей полостью. Внутри на стенах каретных сараев висели дуги, подбитые войлоком хомуты, выездная сбруя с бляхами, похожая на кавказский ремешок. А несколько сараев были переделаны в конюшни — там стояли лошади. Потом все это куда-то делось, исчезло, отнесло временем. Остался один Орлик. И тяжелая телега на «дуптиках» — резиновых шинах.

Орлик был ломовой лошадей, или, как его еще называли, битюгом. У него была сильная короткая шея с седой гривой. И тяжелые, утолщенные книзу ноги. Когда Орлик шел по двору, каждый его шаг, как удар молота, отзывался на булыжниках лязгом подков.

Утром мы просыпались от железных шагов коняги. Мы подходили к окну, и перед нашим взором предстал огромный мускулистый конь, который легко вез за собой телегу и в такт шагам покачивал головой.

Мы кормили Орлика хлебом, присыпанным солью. И он не спеша, с достоинством теплыми замшевыми губами брал из наших рук угощение и принимался жевать.

У него были желтые, стертые зубы. Говорили, что по этим зубам можно определить его возраст. Орлику было за двадцать лет...

Хозяином Орлика был отец Ляли Пули — ломовой извозчик, ломовик. Или, как иногда говорили в наше время, работник гужевого транспорта.

Ляля Пуля от рождения был немой. Сперва думали, что речь запаздывает и со временем мальчик заговорит. Но прошел год, второй, третий... Из уст мальчика вырывались только нечленораздельные звуки, похожие на мычание. Он все понимал, ему все хотелось выразить, но природа навсегда лишила его бесценного дара речи. Среди невнятных звуков и междометий, которые мальчику удавалось выдать из себя, было два односложных созвучия — ля-ля и пу-ля. Мальчик тыкал себя пальцем в грудь и произносил свои два единственных слова — «ляля» и «пуля». В конце концов его так и стали называть — Ляля Пуля.

А его настоящее имя забылось.

Когда я вспоминаю Лялю Пулю, то почти физически ощущаю запах яблок. И передо мной возникает его угловатая, чуть сутулая фигура. И как далекое эхо доносятся голоса грузчиков:

— Эй, Ляля Пуля, попадешься — уши поотриваем!

Но никто не отрывал ему уши. То ли жалели его, то ли он был таким неуловимым.

У него были холодные бесцветные глаза, а когда он смотрел на нас, не в силах выразить словами свою мысль, во взгляде появлялось что-то загадочное, словно он умышленно молчал, скрывая свою тайну.

Он ходил, прижимаясь к стене, тихой, кошачьей походкой. А от преследования уходил большими пружинистыми прыжками. У него были холодные руки и цепкие пальцы. Он был диковым, и потому его считали злым. Но, наверно, трудно быть добрым, если весь окружающий мир не понимает тебя, насмехается, сторонится.

Ребята дразнили Лялю Пулю. И я не был исключением — движимый какой-то злой радостью, я вместе со всеми бежал следом за ним и орал:

— Ляля Пуля! Ляля Пуля!

Как должно быть тяжело, когда тебя дразнят твоим же именем.

У Ляли Пули не было друзей — никто не понимал его, никто не хотел дружить с немой. Зато с малышами он быстро находил свой особый, бессловесный язык. Играл с ними, возился. Он понимал их, они понимали его.

Из-за своей вынужденной замкнутости Ляля Пуля казался нам примитивным, недоразвитым. Нашего воображения не хватало, чтобы представить себе сложную и, как потом оказалось, прекрасную жизнь, которая скрывалась в нем и не находила выхода.

С годами в нем накопилось множество произнесенных слов. Слова распирали грудь. Мешали дышать. Ему было больно от этих слов. И на лице рано появились две страдальческие морщинки.

Отец Ляли Пули — ломовик, или работник гужевого транспорта, — не был немой. Но он от природы был мрачен и молчалив. Может быть, немота сына так резко повлияла на него? А у матери был звонкий голос, и он звучал оскорбительно громко в обществе немого и немногословного.

С родителями Ляля Пуля объяснялся жестами и мимикой, а нам казалось, что он не разговаривает, а кривляется.

Мы не ощущали одиночества Ляли Пули, не замечали, как он втайне тянется к нам. Мы были в том жестоком возрасте, когда не чувствуют чужой боли и не откликаются на чужую беду. У некоторых из нас с годами эта жестокость прошла — мы переболели ею, как корью. А некоторые сохранили ее на всю жизнь.

Но, прежде чем рассказать историю жизни Ляли Пули, я должен познакомить вас с еще двумя обитателями нашего двора.

В далекие времена моего довоенного детства было принято сокращать и объединять слова. Тогда на свет появилось множество новых слов и словечек, из которых можно было составить целый словарь: зам, зав, домоуправ, нарпит, учком, плодоовощ. В этом ряду стояло и рожденное в нашем дворе слово «завбань». Завбань — это было имя бывшего заведующего банями. Он жил во втором подъезде, и нам казалось, что от него всегда пахло мылом и веником. Лицо у Завбаня было розовым, словно он и в самом деле только что вышел из парного отделения, толстая нижняя губа отвисала, словно он держал во рту бублик. Одежда состояла из брюк, заправленных в высокие сапоги, и длинной рубахи-«толстовки», подпоясанной тонким кавказским ремешком, похожим на сбрую Орлика с серебряными бляхами и насечкой.

Завбань относился к той породе людей, которые считают, что им до всего есть дело и что они призваны всюду и везде наводить порядок. Его и с работы уволили за то, что он принялся «наводить порядок» в женском отделении своих бань. Однажды возмущенные его появлением женщины облили Завбаня из ушатов горячей водой и написали жалобу.

Оставшись без работы, Завбань добровольно принялся наводить порядок у нас во дворе. Он сам себя назначил стражем «Плодоовоща». Зорко следил за каждым упавшим яблоком и как коршун набрасывался на каждого, кто протягивал к добыче руку.

Мы дружно ненавидели Завбаня. И дали ему кличку Старый веник.

Я рассказал о Завбане, потому что он сыграл немалую роль в жизни Ляли Пули.

Но главная роль принадлежала Симе.

Сима училась не в обычной школе, а в балетной. Но в остальном была обыкновенной девочкой: охотилась с нами за яблоками, и дразнила Лялю Пулю, и ненавидела Завбаня. А то, что она ходила в балетную школу и что вместо портфеля у нее был балетный чемоданчик, не имело никакого значения.

Пусть будет балет — был бы человек хороший!

А теперь я расскажу о белом розмарине. О яблоке с нежной кожей и тонким незнакомым ароматом. Такие яблоки растут только в Крыму, созревают под южным солнцем. И когда снимают урожай, каждый плод аккуратно облачают в шуршащую папиросную бумагу, чтобы не повредить бархатистую кожу. Когда в «Плодоовощ» привозили розмарин, это было событием. Стоя в стороне, мы внимательно наблюдали, как на плечах грузчиков таинственные ящики уплывали в темные, дышащие холодом недра подвала. И не надеялись на удачу. Но когда не надеешься, тогда-то она и приходит!

В день, который прочно остался в моей памяти, огромный рябой детина в рваной лиловой майке неожиданно споткнулся. Ящик легко соскользнул с крутого загорелого плеча и упал на булыжники, разбился вдребезги. Яблоки запрыгали и покатались по двору.

Это действительно была удача! Пока растерянный грузчик чертыхался и решал, что делать, мы бросились к добыче. Он был один, нас — много. И среди нас был Ляля Пуля. Ловко подхватывая катящиеся яблоки, немой набивал ими карманы, клал за пазуху. Гибкий, ловкий, изворотливый, он давал нам сто очков вперед!

Когда грузчик очухался, двор был уже пуст. Мы убежали, унося с собой редкую добычу — белый розмарин в папиросной бумажке...

И тут из подъезда выкатился Завбань. Его глаза воинственно заблестели, и он сразу смекнул, что всех нас не переловишь, он выбрал своей жертвой Лялю Пулю. Завбань шустро побежал за немой похитителем яблок. Его живот смешно запрыгал под рубашкой, и Завбань на бегу поддерживал его рукой, словно боялся потерять.

Никогда в жизни Завбань не догнал бы Лялю Пулю.

Но тут произошло нечто совершенно неожиданное. Ляля Пуля остановился. Навстречу ему шла Сима. Худенькая, вытянутая, с покатыми плечами и длинной шеей, на которой сидела маленькая гордая голова. Пухлые губы, сросшиеся на переносице золотистые брови, большие серые глаза. Походка у нее была необычайно плавная, и, делая шаг, она изящно, по-балетному разворачивала ступню, словно собиралась танцевать.

Для нас и для Ляли Пули все это было привычным — и Симиной походка и Симины глаза. Но сейчас, поравнявшись с Симой, он вдруг забыл про погоню, остановился и протянул девочке розмарин в папиросной бумажке.

Сима тоже остановилась и удивленно посмотрела на Лялю Пулю.

И в это мгновение, пытая и отдуваясь, подоспел Завбань и розовой рукой крепко вцепился в плечо Ляле Пуле.

Ляля Пуля не шевельнулся, не попытался вырваться, а продолжал стоять с яблоком в протянутой руке. Он смотрел на Симу, словно видел ее впервые. Словно это вообще была не Сима, а новая, неизвестно откуда взявшаяся девочка. Поведение Ляли Пули так удивило Симу, что она растерялась: не уходила, но и яблоко не брала. Даже Завбань опешил, но тут же пришел в себя и закричал:

— Я тебе покажу! Я тебе покажу! Я тебе дам воровать... казенное добро...

Ляля Пуля не слышал его скрипучего голоса и не чувствовал его клешни на своем плече. Он смотрел на Симу.

Тогда Завбань ударил его по шее. Ляля Пуля только втянул голову в плечи и пожегился, но продолжал стоять. Он смотрел на Симу.

— Что же ты не бежишь? — спросила девочка.

Ляля Пуля, естественно, не ответил ей. Он не мог ответить, потому что был немой. Но даже если бы он и владел даром речи, то в эту минуту промолчал бы, потому что очутился в ином мире, где своя боль, своя радость, так непохожие на боль и радость нашего двора.



Тогда Сима сощурила глаза и крикнула Завбаню:

— Отпусти его, Старый веник!

Со всеми вместе она всегда дразнила Лялю Пулю, а тут вступилась за него.

Завбань закусил бублик — нижней губу — и тонким голоском ответил Симе:

— Ты еще вспомнишь... веник! Я тебе еще покажу веник!

И он еще раз ударил мальчишку.

Сима с презрением посмотрела в глаза Ляле Пуле и крикнула, как бы приказала:

— Беги!

И он не мог не выполнить ее приказа, хотя еще вчера ему было решительно наплевать на то, что скажет Сима. Но то было вчера.

Ляля Пуля резко повернул голову и по-звериному впился зубами в розовую руку Завбаня. Клешня тут же разжалась, и на весь двор прозвучал вопль. Ляля Пуля повернулся и пошел прочь.

А Завбань, прижимая к животу кровоточащую руку, кричал ему вслед:

— Хулиган! Гопник! Шпана!

Ляля Пуля шел по булыжному двору с яблоком, зажатым в руке, поглощенный своим удивительным открытием, которое он сделал мгновение тому назад.

В тот день никто из нас не находил объяснения странному поведению Ляли Пули. А расспрашивать его было бесполезно.

На другой день Завбань появился во дворе с перевязанной рукой. Он держал раненую руку на животе, чтобы все видели, что он ранен. Он даже гордился своей раной и на расспросы отвечал коротко, словно произносил лозунг:

— Пострадал в борьбе с расхитителем казенного имущества!

А встречая Лялю Пулю, издали грозил ему кулаком и выкрикивал:

— Ты у меня еще сядешь... Я тебе под следствие подведу... членовредитель...

Но немой уже не слышал угроз Завбаня.

С того дня как в «Плодоовощ» привезли белый розмарин, с ним начали происходить перемены. Он замкнулся и стал равнодушен к нашим дворовым забавам.

Напрасно Завбань пытался поймать похитителя яблок на месте преступления и привести его в отделение — яблоки совсем перестали интересовать Лялю Пулю. Он равнодушно проходил мимо машин и подвод, груженных яблоками, и привычный запах уже не пробуждал в нем охотничьего инстинкта.

Месть Завбаня откладывалась.

Ляля Пуля как бы повзрослел, поднялся на ступеньку над нами и казался таинственным и недоступным. Часами просиживал он на скамейке перед каретным сараем, разглядывая входящих и выходящих.

Он не просто сидел на скамейке, не сводя глаз с подворотни. Он ждал появления Симы. И стоило ей возникнуть в полукруглой арке, как он срывался с места и спешил ей навстречу, словно хотел сообщить ей нечто очень важное. Он громыхал грубыми ботинками «на резиновом ходу», а она шла легкой походкой, словно плыла над лобастыми булыжниками нашего двора. И в руке у нее покачивался маленький балетный чемоданчик, в котором лежали туфельки-пуанты и трико.

Ляля Пуля подбегал к ней и вставал у нее на пути.

— Здравствуй, — говорила Сима.

Ляля Пуля молчал. Он смотрел на девочку, и ледяные кристаллики его радужек начинали теплеть, и в них появлялся цвет пасмурного неба или серебристой изнанки листьев тополя.

Сима чувствовала, что Ляля Пуля что-то хочет сказать ей, и некоторое время выжидательно стояла на месте, забыв, что перед ней немой. Но, не дождавшись, уходила, едва касаясь земли маленькими, аккуратными туфельками.

У нашего двора всевидящие глаза. Они очень скоро заметили причину Ляли-пулиных перемен. Ребята стали посмеиваться над немой, дразнить его: «Тили-тили тесто...» Но Ляля Пуля не обращал внимания на насмешки товарищей. Из немого он как бы превратился в глухого. Слова пролетали мимо, едкие шуточки отскакивали от него, не причиняя вреда.

Как раз в это время у Ляли Пули появилась синяя тетрадка.

Я хорошо помню ее. На обложке был изображен вещий Олег, который прощался со своим конем, и кудесник, «любимец богов», предупреждающий князя, что он погибнет от кося своего. В таких тетрадках мы решали задачи, писали диктанты. Но у его тетрадки было совсем иное назначение.

«Я не помню, какое сегодня число. Не знаю, какой день. Впрочем, сейчас ночь, а ночь не имеет имени... Карандаш ломается. Фонарик еле светит — батарейка подходит к концу. В доме все спят... Я не сплю. Мне кажется, что я уже никогда не буду спать. Не могу, не сумею заснуть.»

За окном идет дождь. Я не вижу его, только слышу, будто кто-то бежит трусцой. Шумят листья. Тихо подбарабанивают крыши. Полощут горло оцинкованные водосточные трубы. Где-то очень далеко, тоненько, как новорожденный, пискнул паровоз и захлебнулся.

Что со мной? Может быть, это болезнь, странная болезнь, не имеющая названия? Но почему тогда ноющая боль вдруг сменяется радостью, словно сердце сжимается в комок, а затем распускается и становится необъятным.

Я жду наступления дня, чтобы увидеть ее.

Ляля Пуля как тень следовал за Симой — тихая, безмолвная тень. Он встречал ее во дворе, отыскивал ее в городе, оказывался рядом, когда она стояла в очереди за хлебом.

Сперва Сима не обращала на это внимания, но постепенно настойчивость вездесущего Ляли Пули стала раздражать ее. Что ему надо от нее? Пусть он отстанет! А тут еще ребята начали посмеиваться! «Тили-тили». Девочка избегала немого, пряталась от него.

Так они и играли в прятки: Сима вечно пряталась, а Ляля Пуля бесшумно водил.

И вот однажды Ляля Пуля появился в хореографическом училище.

Он проскользнул в парадный ход так, что старушка-вахтер и не заметила, и легко вбежал по лестнице на второй этаж. Он шел беззвучной походкой по длинным коридорам и заглядывал в классы, откуда доносилась музыка. Никто не обращал на него внимания, никто ни о чем не спрашивал его, никто не знал, что он немой. Вокруг все было неведомым и жутковатым... Пробежали девочки в белых крахмальных пачках. Вслед за ними Ляля Пуля попал на третий этаж. И снова заглядывал в классы, где был мир музыки и движений — мир, понятный ему, мир, в котором он мог существовать.

В одном из классов с большой зеркальной стеной он увидел Симу. На ней было черное трико и розовые туфельки, а волосы были стянуты бархатной повязкой. Ляля Пуля как увидел ее, так и замер. Держась за палку станка, Сима отводила в сторону свободную руку, и рука замирала, как ветка прекрасного деревца, потом она плавно выгибалась, поднимала ногу и замирала на носочке розовой туфельки. И Ляле Пуле казалось, что если она разожмет руку и отпустит палку, то полетит!

И вдруг преподавательница, высокая женщина с тонкими бровями, заметила незнакомца. Она хлопнула в ладоши. Музыка оборвалась. Полет кончился.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она незваного гостя.

Ляля Пуля, естественно, молчал.

— Я тебя спрашиваю, — строго повторила учительница танцев. — Что тебе надо?

Ляля Пуля молчал, только губы у него задрожали, словно пытались вылепить слово.

— Девочки, кто знает его?

Некоторое время в классе было тихо. Потом Сима неохотно сказала:

— Он немой.

— Сима, ты его знаешь? Он пришел к тебе? — удивилась учительница.

— Он живет в нашем доме.

Сима покраснела и отвернулась. Ей стало стыдно, что этот немой, калека имеет к ней отношение. Она зашептала подругам что-то оправдательное.

— Странно! — Тонкие брови учительницы танцев поднялись вверх. — Странно! Тогда пусть он уходит отсюда. Здесь нельзя посторонним...

Нет, Ляля Пуля не был посторонним. Как зачарованный стоял он на месте, не замечая ни тонкобровую учительницу, ни девочек с гладкими волосами, ни зеркал. Он видел только Симу. Она смотрела на него из зазеркалья. И там, в сверкающем мире, ей не было стыдно, что к ней в училище пришел немой.

Потом Сима повернулась — вышла из зазеркалья — и недовольно крикнула:

— Иди отсюда!

Девочки тихо засмеялись. А он, повинаясь приказу Симы, повернулся и пошел, как, повинаясь воле дрессировщика, идет зверь, дикий, но покоренный.

Окончание следует.

ТВ

Держава Рериха

«...Завещаю всем, всем. Любите Родину. Любите народ русский. Любите все народы на всех необъятностях нашей Родины. Пусть эта любовь научит полюбить и все человечество... В мирном труде познается и мир всего мира».

Произведениям Рериха, художника и ученого, писателя и поэта, отведено сегодня особое место — в сердцах миллионов людей. И не случаен интерес ко всему, что связано с именем и творчеством Рериха, — к его книгам, к книгам о нем, к фильмам о нем.

Вслед за первым серьезным экранным исследованием жизни и творчества Николая Константиновича Рериха в фильме Р. Сергиенко и Р. Григорьевой «Пакт Рериха» — творческое объединение «Экран» Центрального телевидения представило на голубые экраны свой фильм о великом русском художнике — «Рерих» (авторы сценария В. Жданов и Ю. Белякин, режиссер-оператор Ю. Белякин, оператор В. Сеткин).

Поразительное свойство телевидения, позволяющее принять экранного героя как желанного гостя, как друга и собеседника, и на этот раз подарило встречу трепетную и прекрасную.

Телевизионный «Рерих» не биографический фильм. Это свободное течение мысли Николая Константиновича Рериха в пространстве и времени — неожиданные ассоциативные связи, выявленные в его картинах, дневниках, воспоминаниях о нем современников. Все это позволило воплотить на экране талант Рериха — художника, общественного деятеля, патриота.

Это не фильм о затворнике, ушедшем от мира на вершины Гималаев, но о человеке, который всегда оказывался на переднем крае борьбы за человечность и культуру, за взаимопонимание между людьми, за мир. Недаром его именем назван международный Пакт Мира — «Пакт Рериха», чья любовь к Родине и преданность Советской России стали основой глубокого понимания других народов, и в частности народа Индии, понимания и выявления духовной сущности двух культур — русской и индийской.

И как своевременно сегодня, когда мировая реакция делает все возможное для того, чтобы вбить клин между нашим государством и странами Востока, напоминание миру об их единстве и о человеке, который поистине стал символом такого единства, — о Николае Константиновиче Рерихе.

Этот фильм не вся жизнь Рериха. Такую жизнь невозможно уложить в один, даже самый длинный фильм. Этот фильм не все творчество художника. Представить все сделанное Рерихом — задача недостижимая. Экран то обращает нас к чудесным пейзажам Извары, где выпестовалась любовь Рериха к Родине, России, то к изящным, строгим ансамблям Петрограда, то в сказочные места Талашкина, то на пронзительной красоте берега Карелии, то в поднебесные выси Гималаев.

Очень хороша связь текстов Рериха, которые читает Иннокентий Смоктуновский. В ней само ощущение «державы Рериха». И понимаешь, как справедлива мудрость древнего Востока, гласящая: из всех созидательных энергий самой высокой остается мысль. Жемчужины восточной мудрости отделяют друг от друга главы фильма, этапы жизни и творчества Рериха.

Для режиссера Юрия Белякина фильм этот стал своего рода этапом, подведением итога почти двадцатилетней работы. За эти

двадцать лет он делал фильмы о Маяковском («Товарищи потомки») и о Коненкове («Выставка»), о космонавте Леонове («Один час с Леоновым») и Льве Толстом, о Свиридове и о Шостаковиче, о композиторе Тактакишвили и скульпторе Аникушине.

Возможно, новый фильм стал итоговым потому, что сама личность Рериха вспомогательствовала тому качественному скачку, которым отмечена последняя лента режиссера.

Всеволод Иванов сказал о жизни Рериха: «Это и есть подвиг. Это — требование подвига. Это — сознание необходимости подвига для всего живущего, сознание его неотвратимости, необорности... Из России несет Рерих этот зов, из той удивительной России, в которой всегда главным вопросом человеческого существования было: — Как жить, чтобы святу быть?»

И не случайно именно Рериху в 1943 году, после Сталинграда и Курска, писал внук Чарльза Диккенса: «Ваша страна всегда нам велика, ибо знаем ее предназначение, а теперь велика всему миру. Истинно, ваша страна спасла мир, но совершит она и еще величайшее. Будущее России может быть сравнено с вашей картиной, где великая светлая звезда блистает на заре. Россия поведет весь мир!»

Что это — дань историческому моменту, славным победам нашего оружия на поле брани или безудержная восторженность? Скорее предвидение.

Сегодня, когда вокруг сил зла, персонифицированных в тех, кто верит в возможность ограничения ядерных войн, которые якобы можно выиграть и пересидеть, когда вокруг тех, кому это выгодно, сгущается поле зла — не бесплотный образ, но вполне осязаемая реальность, сегодня эти слова — словно слова человека, заглянувшего из 1943-го в наш, 1983 год. Ибо реальность этого поля зла — страх, основанный на ожидании неминуемого апокалипсиса, и отсюда — культ насилия, потеря нравственных критериев, угасание духовности в западном мире, который так упорно и так безрассудно толкают к новой мировой войне. И как же важно сегодня нести миру — напряженному и отчаявшемуся — свет высокой духовности, позитивные ценности прошлого, альтернативную человечность и стойкость духа. Это то поле добра, которое противостоит разрушительным тенденциям, угрозе всеобщего уничтожения. И не случайно, что именно сегодня мир как бы вновь открывает для себя многие страницы скрижалей духа человеческого, и среди них страницы жизни и творчества Рериха. И не случайно, что носителем этой высокой духовности, хранителем памяти и высших ценностей человеческого духа является страна, декларирующая отказ от ядерного оружия, от политики силы, от традиционного мышления «по-старому».

Еще в 1935 году, подписывая Пакт Рериха, Франклин Рузвельт сказал: «...Мы стремимся к тому, чтобы его всемирное признание стало насущным принципом для сохранения современной цивилизации. Этот договор имеет более глубокое значение, чем текст самого документа».

И сегодня, окидывая благодарным взором путь Рериха, «державу Рериха», можно сказать: жизнь эта имеет более глубокое значение, чем внешние ее факты и проявления.

Джемма ФИРСОВА,
лауреат Ленинской премии,
Государственной премии СССР,
кинорежиссер

Обстоятельства смерти господина N

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Леонид МЛЕЧИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Среди тем, которые Олдмонт тщательно обходил даже в минуты самых откровенных разговоров с самим собой, были его отношения с Лилиан.

Трагедия состояла в том, что он любил Лилиан. Любил все эти годы, с тех пор, как встретил ее в Массачусетсе, где он работал над диссертацией. И когда они перестали понимать друг друга и когда пропасть, разделившая их, стала непреодолимой, Олдмонт оставался верен своей любви. Лилиан же не отвечала ему взаимностью. Даже оставив дом, Нэд Олдмонт продолжал любить жену. Он был сильным человеком, не выпрашивал у нее любви, не устраивал скандалов, когда она не ночевала дома или исчезала на неделю — «к подруге». Два года назад он снял квартиру поближе к Форт-Миду, где находится тщательно охраняемая штаб-квартира Агентства национальной безопасности, и уже не появлялся в их общем доме. Регулярно звонил Лилиан по телефону, дабы убедиться, что у нее все в порядке, и исправно оплачивал счета.

Лилиан с юности тянулась к блестящим и блистающим в обществе людям. Возможно, их брак с самого начала был ошибкой. Но Олдмонт не мог без Лилиан... Пятнадцать лет разницы в возрасте, репутация Олдмонта — «весьма перспективный жених» — подкупили Лилиан. Ей нужен был муж, готовый исполнять все ее прихоти. Олдмонт ее ни в чем не ограничивал. Единственное, чего он не мог ей дать, — положение в обществе. Ни на приемах, ни в гостях ей нечего было сказать о своем муже, кроме того, что он занят «исключительно важной научной работой». Олдмонт волей-неволей сторонился людей. Лилиан довольно скоро поняла, что ей может быть весело и без мужа.

Записка, оставленная Хоуксом, из которой следовало, что Нэда Олдмонта ожидают какие-то, судя по всему, малоприятные новости о Лилиан, причинила ему боль. Уехав в Таиланд, занятый распутыванием истории смерти Линна, Олдмонт старался убежать от мыслей о Лилиан и почти добился этого.

Он подумал, что во всех его жизненных неприятностях виновата его работа. Смерть Линна, рухнувший брак с Лилиан...

Олдмонт пришел в АНБ в конце 1952 года — почти сразу же после директивы президента Трумэна о создании органа электронной разведки в рамках министерства обороны. Долгие годы в один и тот же час (исключая дни дежурств и выходные) он ставил машину перед трехэтажным зданием в Форт-Миде в штате Мэриленд на полпути между Вашингтоном и Балтимором (новый восьмиэтажный корпус оперативного центра АНБ стали строить, когда он уже вышел в отставку), поднимался в свой кабинет в управлении выработки информации. Вернее сказать, кабинеты менялись, потому что Нэд Олдмонт делал карьеру.

АНБ состоит из пяти главных управлений: оперативного; выработки информации; исследований и конструирования; проведения ис-

пытаний и оценок; по охране связи и административного.

Оперативному управлению подчинены станции прослушивания по всему миру, начиная с кораблей-шпионов и кончая «антенными лесами» в горах Западной Вирджинии и установками радиоперехвата, которые могут настраиваться на любые международные переговоры по телексу, телеграфу или телефону. Только разведывательные спутники входят в компетенцию ЦРУ, техническую сторону берет на себя соответствующее подразделение ВВС. Добытые сведения передаются в Форт-Мид. Центром комплекса зданий АНБ в Форт-Миде является девятиэтажная башня, окруженная кольцеобразным трехэтажным зданием. Центр связи принимает сигналы с постов прослушивания с помощью двух гигантских дисковых антенн, укрытых в соседнем лесу. Управление по охране связи обеспечивает безопасность линий связи США, управление исследований и конструирования сосредоточено на создании оборудования для всех видов связи и для служб перехвата.

Олдмонт работал в самом интересном подразделении АНБ.

Управление выработки информации занимается расшифровкой кодов. Здесь анализируют параметры радиолокационных установок, систем дистанционного управления баллистическими ракетами, телеметрических систем искусственных спутников Земли, систем опознавания объектов «своей — чужой».

В подвальных помещениях установлены два компьютерных комплекса «Карильон» и «Лоудстон». За прочной стальной дверью, которую нельзя открыть, не зная кода, высятся ряды шифровальных аппаратов.

Чтобы начать работать в АНБ, Олдмону пришлось пройти не только жесткие квалификационные испытания, но и трудную психологическую проверку, а также получить допуск от службы безопасности. По году он проработал в двух важных отделениях агентства за рубежом: в «АНБ — Дальний Восток» (Япония) и в «АНБ — Европа» (ФРГ). В какой-то степени Олдмонт восхищался агентством, грандиозностью выполняемой компьютерами работы: они с огромной скоростью пропускали через себя перехваченные телеграммы в поисках ключевых слов, которые сигнализируют о том, что это послание представляет интерес для разведки. Антенны станций АНБ в Шугар-Гроув, в Западной Вирджинии, и на армейском полигоне Якима перехватывают все сообщения, идущие через спутники связи. С другой стороны, каждый новый код было все сложнее расшифровывать. Сотрудники АНБ, отчаявшись найти разгадку, стали обращаться к ЦРУ и ФБР с просьбой попросту выкрасть тот или иной не поддающийся дешифровке код. Прослушивание телефонных разговоров все равно поручалось человеку с наушниками, как это было двадцать и тридцать лет назад. И даже гигантский аппарат АНБ задыхался под грудой магнитофонных лент с записями разговоров. На сбор информации сил еще хватало, анализ же отставал. Это было очевидно. Олдмонт понимал, что многие провалы американской разведки произошли по вине АНБ, не способного сделать правильные выводы из полученных сведений. Но не это в конечном счете породило в душе Олдмонта чувство глубочайшей неудовлетворенности самим собой, разрушило его при-

вычную веру в работу как панацею от всех бед, как надежное прибежище от разочарований в личной жизни. Годы превратили службу в АНБ в мучительное испытание.

Путч военных в Таиланде. Олдмонт не мог забыть своего участия в его подготовке. Была еще австралийская история.

Теперь Олдмонт даже не мог вспомнить лицо этого человека, а ведь в то время его фотографии не сходили с газетных страниц. Сотрудник канберрской резидентуры ЦРУ пригласил Олдмонта домой на коктейль и продемонстрировал ему фотографию, стилизованную под стандартный снимок преступника, которого ищет Федеральное бюро расследований, с подписью «разыскивается, награда 10 тысяч долларов».

Занявший в 1972 году пост премьер-министра Гоф Уитлем, лидер австралийской лейбористской партии, досаждал американскому посольству. Служба национальных оценок ЦРУ немедленно представила доклад, из которого следовало, что Австралия меняет свои позиции в области внешней политики. Уитлем отменил воинскую повинность, вывел из Юго-Восточной Азии австралийские контингенты, не желая участвовать в войне во Вьетнаме. Он, в противовес Вашингтону, поддерживал идею объявления Индийского океана зоной мира. Американское посольство особенно беспокоил заместитель Уитлема Джеймс Кэрнс, который требовал ограничить деятельность австралийской организации безопасности и разведки (АСИО). Штат сотрудников Уитлема был освобожден от проверки на благонадежность в АСИО. Поздно вечером 15 марта 1973 года работники аппарата Уитлема неожиданно появились в столичном отделении АСИО. Просматривая хранившиеся там досье, генеральный прокурор Лайонел Мэрфи увидел папку под литерой «М». «Ну, если я найду здесь свое имя, вам не поздоровится!» — сказал Мэрфи начальнику канберрского отделения АСИО. Самого Мэрфи в картотеке не оказалось, но АСИО завела досье на многих видных австралийцев — не только для собственных нужд, но и по просьбе американцев.

В ЦРУ были раздражены попытками лейбористского правительства взять под контроль специальные службы Австралии, которые действовали в тесном контакте с Лэнгли и снабжали «кузенов» (так именовались работники ЦРУ) важной информацией о внутривнутриполитическом положении. АСИО, австралийская секретная разведывательная служба (АСИС), объединенная разведывательная организация (ДЖИО) — все три ведомства были жизненно важны для ЦРУ, особенно если учесть стратегическую роль Австралии в Тихом океане. Американские бомбардировщики В-52 с ядерным оружием на борту (их маршрут Гуам — Диего-Гарсия) заправляются горючим на севере страны, в городе Дарвин. На территории Австралии находятся десять американских военных баз, уникальное местоположение делает их незаменимыми для Пентагона.

У АНБ был свой партнер в Австралии — директорат военной связи (ДСД). Олдмонт пробыл три дня на базе в Пайн-Гэп — рутинная инспекционная поездка — и вернулся в Канберру. В загородном доме заместителя резидента ЦРУ он встретился с одним из руководителей ДСД. Речь шла о том, как организовать круглосуточное прослушивание раз-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 39—42.

говоров лейбористских лидеров, внушавших Лэнгли опасение. Олдмонт смог дать австралийскому коллеге полезные советы.

В действие была введена оперативная группа 157 — сверхсекретное подразделение военной разведки, ее агенты работали не под дипломатическим прикрытием, а входили в представительства различных торговых компаний. В результате махинаций транснациональных корпораций, которые вычерпывали из бездонных кладовых Австралии редчайшие полезные ископаемые, лейбористское правительство стало испытывать финансовые трудности. Агенты оперативной группы 157 сфабриковали улики, позволяющие заподозрить близких к Гофу Уитлему людей, в том числе заместителя премьер-министра Джеймса Кэрнса, в нечистоплотности; их политическая карьера была погублена. В прессе была развернута широкая антиправительственная кампания. Особую активность проявляли некоторые представители малочисленных оппозиционных партий. Много позже Олдмонт узнал, что и пресса, и иные политики черпали вдохновение из одного источника — авуары банка «Ньюгэн — Хэнд» всегда были к услугам оперативной группы 157.

Олдмонт позвонил Филу Хоуксу из первого же телефона-автомата, который попался ему на глаза, — совсем недалеко от почтового агентства, где хранили его корреспонденцию: ни одного письма из США не было, зато ему вручили вторую записку Хоукса. Телефон стоял у винной лавки, и, ожидая, пока Хоукс возьмет трубку, Олдмонт наблюдал за стайкой ребят, покупавших шесть бутылок местного

дешевого виски. Парням было не больше чем по четырнадцать, только один был постарше, но по нервным движениям, странному блеску в глазах Олдмонт определил, что они наркоманы. За последние несколько лет в Таиланде цены на героин повысились, и юные наркоманы переходили на заменители. Один из них — инъекции в вену дрянного виски стоимостью от 48 до 60 батов за бутылку. На этих детей, живущих впроголодь, большая доза спиртного, введенная в кровь, оказывала не менее сильное воздействие, чем порция основательно разбавленного героина.

Прасет выдернул иглу из своей худой руки, испещренной множеством красных точек — следы прошлых инъекций, и бросил грязный, ни разу не кипятившийся шприц на асфальт. Ему пришлось войти в долю с этими мальчишками потому, что он остался совсем на мели. Когда выяснилось, что в гостинице «Амбасадор» он принял за героинового курьера совсем другого человека, Тирают жестоко избил его и выгнал. Внезапно лишившись наркотика, он испытывал мучения. Прасет присел на тротуар, привалившись спиной к прохладной стене дома, и закрыл глаза. Инъекция виски нисколько не помогла ему. Его сжигала мучительная потребность в наркотике. Но что ему делать? Мысли были тяжелыми, вязкими. В Бангкоке он не знает никого, кроме Тираюта. Он встал, держась за стену, и, пошатываясь, побрел по улице.

Предчувствие каких-то перемен в Австралии усилилось у Олдмонта примерно через год после той поездки. 10 декабря 1975 года ис-

текал срок соглашения об аренде базы в Пайн-Гэп. В апреле Гоф Уитлем заявил, что, возможно, не возобновит это соглашение или по крайней мере потребует изменить условия аренды. По усилившемуся потоку информации из Австралии Олдмонт понял, что эта угроза переполнила чашу терпения американского посольства и резидентуры ЦРУ. Озабочено было и начальство Олдмонта: неужели придется расстаться с базой в Пайн-Гэп?

Руководители лейбористской партии всегда были уверены, что база в Пайн-Гэп построена Пентагоном и ее штат — армейские офицеры. Когда вдруг выяснилось, что база монополично принадлежит АНБ и ЦРУ, в Канберре разразился скандал. Уитлем потребовал от американского посольства представить ему список всех сотрудников ЦРУ, действовавших на территории Австралии. На 11 ноября в парламенте были назначены прения по вопросу об агентах ЦРУ и базе Пайн-Гэп. Постоянный секретарь министерства обороны Австралии накануне в последний раз безуспешно попытался убедить Уитлема отказаться от публичного обсуждения этой темы.

С учетом того, что американская разведка могла лишиться важнейшей базы, а широкая система подкупов и давления, осуществлявшаяся ЦРУ через посредство банка «Ньюгэн — Хэнд», стать достоянием гласности, в Лэнгли решили, что больше медлить нельзя.

10 ноября генеральному директору австралийской организации безопасности и разведки (АСИО) был вручен официальный демарш ЦРУ.

11 ноября, не дав прениям в парламенте начаться, британский генерал-губернатор Джон



Керр пригласил Гофа Уитлема в свою официальную резиденцию и объявил премьер-министру, что отстраняет его.

Генерал-губернаторство — наследие колониальных времен; в качестве доминиона Австралия входит в Британское Содружество. Юридически глава государства и исполнительной власти — король (королева) Великобритании, представитель британской короны в Австралии — генерал-губернатор, фигура чисто символическая. Ни монарх, ни генерал-губернатор не вмешиваются в процесс принятия политических решений в Канберре. 11 ноября Джон Керр прибег к праву, которое ни разу не использовалось в истории Содружества. Британскому министерству иностранных дел и самой королеве Елизавете II он сообщил о случившемся, когда дело было сделано.

В кулуарах Агентства национальной безопасности Олдмонт слышал, что Джон Керр еще в годы войны сотрудничал с управлением стратегических служб Донована. В 1967 году Керр стал основателем «Лоу Эйша», австралийского филиала Фонда Азии, финансируемого ЦРУ. Он был видным деятелем Австралийской ассоциации за свободу культуры, которая тоже числилась в платежных ведомостях Лэнгли.

Как бы там ни было, к власти пришло новое правительство, от которого Керр получил прибавку к жалованью. Бюджет АСИО был увеличен. Соглашение об аренде базы в Пайн-Гэл продлено.

Впоследствии Джон Керр в письме, направленном в редакцию американского журнала «Тайм», писал: «Решение уволить Г. Уитлема было принято исключительно мною... Больше к этому никто не причастен, ЦРУ в этом деле не участвовало».

ЦРУ, со своей стороны, заявило: «ЦРУ не участвует ни в какой деятельности, направленной против австралийского правительства, не поддерживало никаких связей с банком «Ньюгэн — Хэнд» и никак не причастно к торговле наркотиками».

Дуайт Хенкинс, утомленный дневной суетой, уже лег спать, когда ему позвонил из посольства дежурный и продиктовал телефон таиландца по имени Тирают, который говорит, что ему «до зарезу необходимо немедленно с вами переговорить».

— Не хотел бы вас расстраивать, — без оличностей начал Тирают, — но Олдмонт под дулом пистолета заставил меня рассказать все об обстоятельствах смерти его младшего брата. Я назвал ему имена, — сказал Тирают, предупреждая возможные вопросы, — в конце концов я вам ничем не обязан.

Он повесил трубку. Радости он не испытывал. Ему только что пришлось пережить величайшее унижение: выложить Олдмону все, что он знал о смерти молодого американца-летчика. Он сделал это не из желания насолить Хенкинсу. Он просто испугался немигающего, жесткого взгляда Олдмонта, и, когда Олдмонт ушел, оставив его одного в машине, не верил, что выпутался из этой истории живым.

Он улыбался, как улыбаются друг другу тайские боксеры, прежде чем нанести удар. Улыбка говорит: «Смотри — ты не напугал меня. Я спокоен». Он не чувствовал ни гнева, ни раздражения. Он с детства усвоил правило «чай иен иен» — «оставайся холоден».

Грег Уилсон смотрел в окно. Это занятие было малопопулярным и вовсе не поощрялось начальством, но он испытывал неодолимое желание ничего не делать. На столе перед ним лежало письменное распоряжение директора операций: специальную группу, находящуюся в Бангкоке, в течение двадцати четырех часов привести в полную готовность. Следовательно, завтра последует команда начать операцию. Один из сотрудников Уилсона уже набросал шифровку О'Брайену: ребят, находившихся под его опекой, следовало протрезвить и проинформировать, что пришло время работать. Уилсон был обязан немедленно подписать телеграмму.

Дэвиса на месте не было. Он участвовал в регулярном совещании одной из двух иссле-

довательских групп, учрежденных новым директором ЦРУ, — группы стабильности; ее задача — выявлять государства, в основном развивающегося мира, которые могут оказаться «под влиянием коммунистов». Новый директор заявил: «Советский Союз весьма преуспел в распространении своего влияния в мире. В последние годы мы потеряли не менее десяти стран, которые теперь ориентируются на Москву, а не на Вашингтон. Мы должны помочь дружественным правительствам избежать такой участи. Для этого нам нужно больше денег, больше людей и больше агрессивности». Директор оказался человеком дела: в следующем же финансовом году ассигнования ЦРУ увеличились на двадцать пять процентов, такой прибавкой не могло похвастаться ни одно другое правительственное ведомство. Эра Вьетнама и Уотергейта, эра разоблачений, эра разочарований кончилась, заявил директор. Его слова подтверждал увеличившийся поток заявлений выпускников колледжей, стремившихся попасть на работу в Лэнгли.

Новый директор сразу же дал ясно понять, что с санкции Белого дома будет делать упор на тайные операции, включая использование специальных подразделений для того, чтобы «защитить американские интересы за границей».

Директорату операций при новом директоре стали уделять больше внимания, чем прежде. Сотрудники других директоров — разведки, научно-технического обеспечения, прежде считавшие аппарат директората операций людьми второго сорта, сторонившиеся оперативников, участвующих в грязных акциях, теперь сами предлагали совместную работу. Уилсон мог твердо рассчитывать на помощь любого отдела, но он просто не знал, что предпринять. Угроза Олдмонта рассказать о подготовленной готовящейся операции как дамклов меч висела над Уилсоном.

Он сидел и сидел в своем кабинете, глядя на часы. Время шло, а телеграмма, адресованная бангкокскому резиденту, лежала у него на столе. Он не мог упомянуть фамилию Олдмонта в телеграмме, ее копия останется в архиве и в случае провала будет свидетельствовать против него. В тот раз он отправил О'Брайену личное письмо дипломатической почтой, но письмо придет слишком поздно. Наконец он решился. В конце телеграммы Уилсон приписал, что меры предосторожности, о которых он сообщал ранее, должны быть приняты во что бы то ни стало.

Фил Хоукс неожиданно для себя заговорил с Олдмونت в жестком тоне: он, дескать, прилетел сюда специально, чтобы его увидеть, у него важное дело, а с ним играют в кошки-мышки.

— Вы в самом деле хотите сообщить мне что-то важное? — спросил Олдмонт, оставляя своему собеседнику возможность для почетного отступления. Он хотел показать Хоуксу, что понимает, с кем имеет дело.

Но Хоукс явно упрямылся:

— Да, разумеется. Речь идет о вашей жене. Почти минуту Олдмонт молчал. Затем заговорил:

— Через полчаса я заеду за вами в гостиницу. Если не сложно, спуститесь вниз. У меня светло-серый двухместный «форд».

Едва Олдмонт договорил последнюю фразу, как Дуайт Хенкинс, чуть не сбив на ходу журнальный столик, бросился вниз. Он боялся, что не успеет. В день приезда Хоукса в Бангкок он установил в 507-м номере «Амбасадора» подслушивающее устройство с двумя микрофонами: один для записи разговоров в комнате, другой вмонтировал в телефонную трубку. Сигналы компактного радиопередатчика принимала мощная посольская радиостанция.

Хенкинс рассчитывал только на усиленный мотор своего «мерседеса», изготовленного по специальному заказу. Плохо, что он не знает, откуда звонил Олдмонт. До «Амбасадора» ему пришлось ехать вдвое дольше, чем обычно. Водители останавливались прямо посреди проезжей части, чтобы полюбоваться боем воздушных змеев — любимейший вид спорта в Таиланде. С появлением южных ветров небо

над Бангкоком заполняется разноцветными воздушными змеями всех видов и размеров, от совсем маленьких до гигантских, в несколько метров. Этот спорт веками поощрялся королевским двором. Тайская спортивная ассоциация разработала правила для схваток между воздушными змеями. Искусно манипулируя фигурной конструкцией из бумаги и картона, ее создатель пытается сбить змея противника.

Олдмонт свернул на узкую полутемную улочку, освещенную лишь витринами нескольких магазинов. Осторожно объехал припаркованные по обеим сторонам автомобили, еще раз свернул направо — к гостинице и резко затормозил. Так и есть. Хоукс стоял с двумя парнями, которых Олдмонт видел в Форт-Брагге, — людей из АНБ приглашают туда для чтения лекций по техническим средствам разведки. Это не оставляло сомнений в профессиональной принадлежности Хоукса. Но, с другой стороны, почему он так откровенно демонстрирует свою принадлежность к ЦРУ? Психологическое давление? Олдмонт дал задний ход и опять въехал в спасительную темноту. Ну ладно, решил он, давайте поиграем. Мысли о Линне почему-то исчезли, затаились где-то в глубине его сознания. Его мозг целиком сосредоточился на сиюминутном, на том, что ему предстояло сделать сейчас.

Как Хоукс ни отнекивался, Джем и Тони решительно заявили, что обязательно пойдут с ним на встречу с Олдмونت.

— Нет, нет, не возражай, — сказал Тони, — одного мы тебя не бросим.

В ожидании разговора с Олдмونت Хоукс совершенно протрезвел, и пьяная компания Тони и Джема его не устраивала. Он боялся, что они учинят какую-нибудь безобразную сцену в присутствии человека, которому предстоит увидеть фотографии автомобильной катастрофы и того, что еще недавно было его женой. Но Тони и Джем не желали уходить.

Они стояли на ступеньках отеля «Амбасадор». Хоукс вглядывался в каждый подъезжающий к отелю автомобиль и нервничал.

Олдмонт включил заднюю передачу, чтобы развернуться и подъехать к гостинице с другой стороны. Он собирался дать посыльному пятьдесят батов и попросить подождать Хоукса будто бы к телефону, установленному у стойки администратора. Тогда Хоукс остался бы с ним один на один.

Внезапно Олдмону в глаза брызнул яркий сноп света. Из темноты вынырнула какая-то машина и преградила ему дорогу. Хлопнула дверца. Олдмонт увидел высокого человека, который стал осторожно обходить его автомобиль. Правая рука неизвестного скользнула в карман.

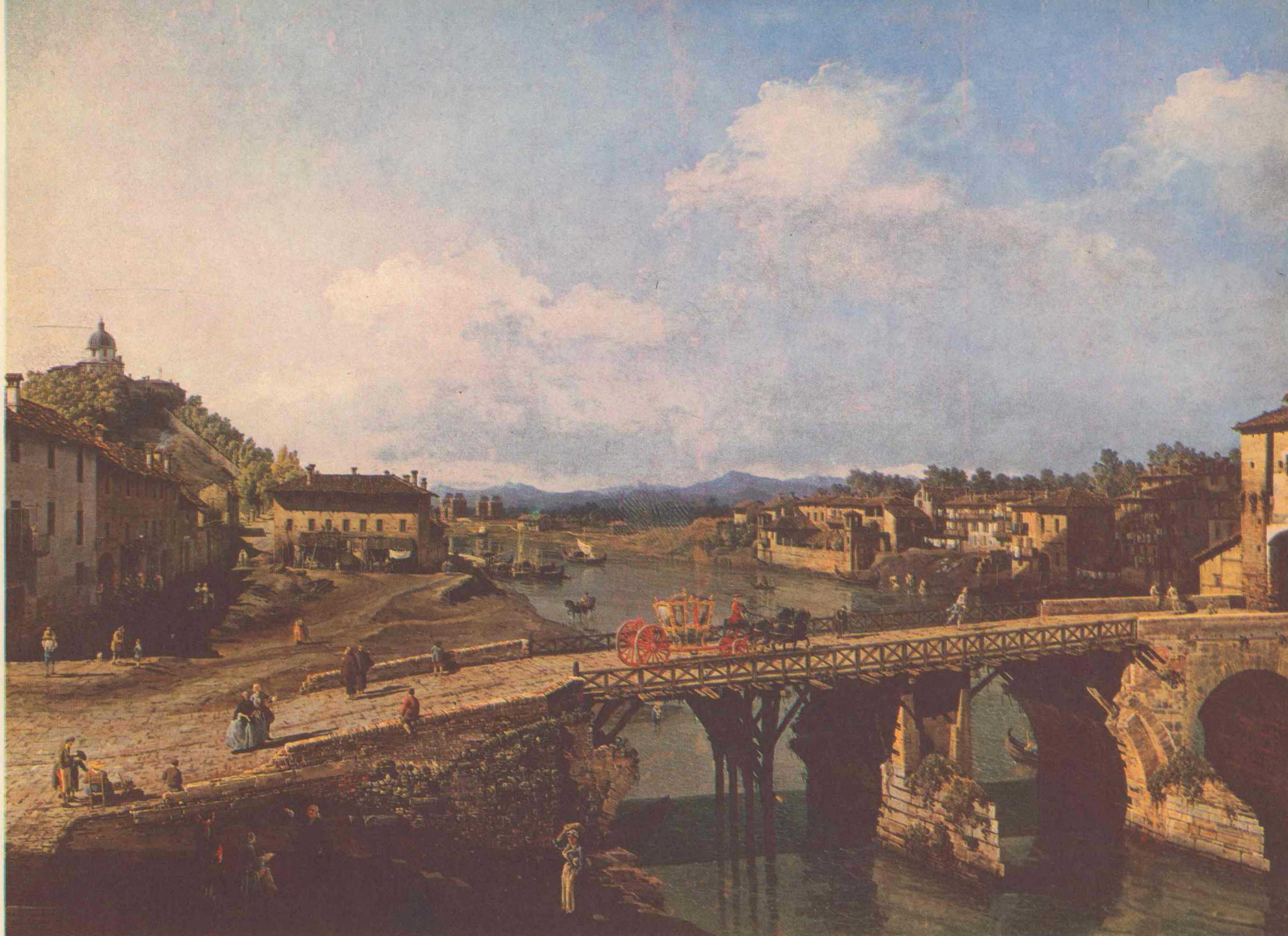
Больше Олдмонт не колебался, он дал полный газ и одновременно выключил габаритные огни, надеясь укрыться в спасительном мраке бангкокских переулков. В зеркальце заднего обзора он увидел оранжевую вспышку, но звука выстрела не услышал: стреляли из пистолета с глушителем.

На повороте к гостинице Дуайт Хенкинс чуть не перевернулся. Он бросил машину с ключами в замке зажигания и поднялся по ступенькам вверх.

— Привет, Дуайт, — радостно приветствовал его Тони.

Тяжело дыша, Хенкинс остановился, с раздражением разглядывая пьяные физиономии Тони и Джема, стоявших рядом с Филом Хоуксом. «Когда они успели познакомиться?» — удивился Хенкинс. Но выяснять это ему было некогда. Он ринулся в гостиницу. Олдмонт ушел буквально из рук. Хенкинс слишком поторопился, сам виноват. Но он все же успел запомнить номер «форда», принадлежащего Олдмону. Хенкинс торопился позвонить О'Брайену: с помощью бангкокской полиции можно выследить Олдмонта.

Продолжение следует.



Бернардо Беллотто. 1720—1780. МОСТ ЧЕРЕЗ ПО В ТУРИНЕ.

Хендрик Аверкамп. 1585—1634. КАТАНИЕ НА САНЯХ И КОНЬКАХ.



1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20



Адриан Брауэр. 1605 или 1606—1638. ДРАКА КРЕСТЬЯН ПРИ ИГРЕ В КАРТЫ.



В ЧЕСТЬ ЮБИЛЕЯ КОМПОЗИТОРА ФИКРЕТА АМИРОВА

«Тысяча и одна ночь»... Этот удивительный по красоте и неисчерпаемой фантазии сказочный балет, созданный широко известным талантливым композитором, народным артистом СССР, Героем Социалистического Труда Фикретом Амировым, был показан 15 октября в Москве, на сцене Кремлевского Дворца съездов. Прелестное, покоряющее своим изяществом произведение «Тысяча и одна ночь», отмеченное Государственной премией СССР, привлекает одновре-

менно и популярностью сюжета всем известной сказки и гармоническим звучанием родных для композитора мелодий Азербайджана.

Представление состоялось в честь шестидесятилетия Фикрета Амирова — прославленного советского композитора, занимающего по праву видное место среди мастеров многонационального советского искусства.

Фикрет Амиров — мастер большой музыки, создатель симфонических, оперных и инструменталь-

ных сочинений, широко исполняющихся в стране и за рубежом.

Юбилейный спектакль был исполнен талантливым коллективом Азербайджанского академического театра оперы и балета с подлинным воодушевлением и имел большой успех. На спектакле присутствовали товарищи: Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, заместители Председателя Совета Министров СССР Н. К. Байбанов и Л. В. Смирнов, заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро.

ТРИ АВСТРИЙСКИХ ХУДОЖНИКА

В Москве, на Гоголевском бульваре, в Союзе художников СССР, была развернута выставка Г. Майра, А. Фронера и К. Ингерля.

Курт Ингерль выставил фигуры, выполненные в гипсе. В первую очередь отмечаешь филигранную технику, но тут же приходит мысль: разве единственной целью художника было воспроизвести опознанные искусством изящные пропорции человеческого тела методом натуралистического копирования, а точнее, тиражирования оригинала? Можно восхищаться совершенством моделей, их отбор уже говорит о тонком вкусе, но все они, сколько бы их ни было, не содержат в себе большую обобщающую идею, какую ждешь от реалистического искусства.

У Адольфа Фронера, выступившего с графическими работами, большинство персонажей женщины. Художник иронизирует, язвит, где-то, может быть, даже однопланово, или просто улыбается, подмечая проти-

воречия в поведении своих героинь, их мироощущении, их мнении о собственной роли в обществе, семье; представительницы прекрасной половины человечества, думается, вправе предъявить счет этому талантливому графику за его неизменно шаржированные решения образов.

Совсем иная техника у Ганса Майра. С помощью фотокамеры и системы всевозможных фильтров он достигает такого отображения реально существующих предметов, какое обычным зрением, в обычных масштабах человек увидеть не в состоянии. Не случайно известный писатель-фантаст, профессор Герберт Франке сказал о работах Г. Майра, что творчество этого художника открывает дверь в непознанное, в скрытую часть материи, которую людям еще предстоит открывать. «Пространство и вещество в игре света» — так я определил бы общую тему выставленных работ Майра. «Метаморфозы», датированные 1979 годом и состоящие из трех колористически самостоятельно решенных фрагментов одной и той же композиции, убеждают более всего остального в пристальном взгляде художника на натуру, его тонком чутье и высоком профессионализме.

Выставка трех австрийских мастеров, почетных членов многих европейских клубов и объединений — это еще один шаг по пути развития культурных связей между Австрийской Республикой и Советским Союзом, год от года крепнущих и расширяющихся.

Ю. НОВИКОВ

«НА ПОПРИЩЕ ИСКУССТВА ОБЯЗАН РЕПИНУ»

Эти слова взяты из письма К. И. Чуковскому, написанного в 30-х годах. Несколько лет назад имя автора письма — Ефима Васильевича Честнякова, художника из далекой костромской деревни Шаблово, что за Кологривом, впервые широко прозвучало. Тогда прошли первые выставки его работ в Москве и Костроме, а затем чудесные картины побывали в Ленинграде, Париже, Турине, Флоренции...

Знакомство с творческим наследием мастера стало настоящим открытием и для любителей искусства и для специалистов. Зрители дивились сказочным феям с лицами крестьянских девушек, веселым праздникам и шествиям по деревенским улицам.

Новая страница в историю русского искусства вписана музейными работниками Костромы и московскими реставраторами. Свыше ста живописных полотен, несколько сот графических листов, интересные образцы глиняной скульптуры, дневниковые записи, литературные произведения — почти все, что сохранилось из творческой сокровищницы художника, собрано специальными экспедициями в Кологривском районе Костромской области. Несколько лет назад обильно реставраторам, чтобы восстановить хранившиеся в деревенских избах и сильно пострадавшие от времени произведения. Все это богатство предстало перед посетителями персональной выставки Е. В. Честнякова, открывшейся недавно в Центральном Доме художника.

Судьбы людей искусства складываются по-разному. Уделом некоторых бывают громкая слава, прижизненный успех и всеобщее признание. Трудные, полные борь-

бы и лишений дороги ведут других мастеров к вершинам творчества. Перефразируя знаменитое изречение «Искусство одно, видов — тысячи», можно сказать: «Искусство одно, судеб — тысячи». И жизнь крестьянского художника Ефима Честнякова — нелегкая жизнь человека, влюбленного в искусство, — счастливая судьба художника, который нашел свой, неповторимый путь служения прекрасному.

Ефим Честняков прожил без малого девяносто лет — с 1874 года по 1961-й, почти не покидая родной деревни. Здесь он начал рисовать, окончил семинарию и стал народным учителем. Сложной науке изобразительного искусства он несколько лет учился в Петербурге, в классах Академии художеств. И. Е. Репин, перед которым благоговел шабловский ученик, сказал ему в конце концов: «Талантливо. Вы идете своей дорогой, я вас испорчу. У вас способности... Вы уже художник. Это огонь, этого уже ничем не удержишь». Некоторые советы даже ехали со своими работами в Париж. Но Честняков определил свой путь в искусстве: «Конечные цели у меня — деятельность в деревне».

«Окруженный хором муз», навсегда вернулся Честняков в 1914 году к берегам реки Унжи. Герои всех картин Честнякова — хотя вряд ли их можно величать столь торжественно — это шабловские крестьяне. С ними он пахал и сеял, делил повседневные заботы. Ефим Васильевич знал и любил деревенских людей, и потому нет в его картинах даже малейшего намека на стилизацию. Художник не идеализирует, а воспекает труд земле-

дельца, прославляет красоту человека сельского края.

В его творчестве многое от народной песни. И чаще всего он поет свои песни детям. Трудно найти в русском искусстве другого художника, который смог так тонко передать оттенки детских настроений, запечатлеть ребячью улыбку, раскрыть душу маленьких деревенских жителей. Дети на картинах Честнякова чувствуют себя в сказке, как в жизни, а в жизни — как в сказке. Взрослые персонажи полотен часто похожи на детей, а может, это дети стараются подражать взрослым. Недаром художник называл себя полушутливо: «Ефим Честняков — рыцарь сказочных чудес».

Работами по реставрации картин Е. В. Честнякова занималась бригада под руководством заслуженного художника РСФСР С. С.

Голушкина. «Восстанавливая произведения живописи, — говорит он, — реставратор первым проникает в творческую лабораторию автора, познает его манеру и прежде других видит уровень его профессионального мастерства. Многие картины Честнякова, написанные на обрывках ткани, на фанере, хранились в неблагоприятных условиях. И тем не менее выжили. Секрет — прекрасное знание и понимание художником техники и технологии живописи. Он делал множество этюдов и эскизов, а потом бережно, без избытка, клал краску на полотно. Реставрируя его картины, испытываешь эстетическое наслаждение...»

Савелий ЯМЩИКОВ,
заслуженный деятель искусств
РСФСР



Борис Владимирович, тема нашей беседы интересна для подавляющего большинства кинозрителей — это можно утверждать, не прибегая к статистике проката. И тем не менее нередко замечаешь эту самую стыдливость: увлечение «авантюрным сюжетом», детективом скрывают как малопочтенную страстишку. А ведь смотрят все! В чем же, на ваш взгляд, секрет популярности приключенческого фильма?

— Можно ответить совсем коротко: это прежде всего увлекательное зрелище. Но самый секрет увлекательности, конечно, непрост и неоднозначен. Долгие годы приключенческое кино считалось неким «ширпотребом», лишь сопутствующим серьезному искусству. Заниматься «низким» жанром считалось почти неприличным, и одинокие всплески, вроде «Дела Румянцева», погоды не делали. Но жизнь требовала своего! И сегодня на экран выходит примерно около десяти—двенадцати приключенческих лент ежегодно — я имею в виду отечественное кинопроизводство. Хотя судьбу тех, кто работает в этом жанре, нельзя назвать завидной: их резко — и постоянно — критикуют! Правда, в этой критике немало справедливого, но порой ощущается этакое радостное: ага, попались, мол, голубчики! Только примитивные люди идут на ваши фильмы!.. Ну, и тому подобное. Но ведь признаются в дружбе с Шерлоком Холмсом миллионы людей на земле. И всем по душе пришелся добрый и мудрый комиссар Мегрэ. И как не вспомнить, что все жанры хороши, кроме скучного!.. Однако люди прислушиваются и к тому, что говорят специалисты; и если кинокритик отзовется о детективе свысока, то и зритель — которому фильм понравился — промолчит об этом как о чем-то «несолидном».

— Действительно, о второсортности приключенческих картин еще недавно твердила критика, теперь об этом говорят реже. Напротив, стали думать, что и кинодетектив может — и должен — быть настоящим, серьезным произведением, способным решать важные нравственные задачи. Однако даже при этом следует упрек: сплошная, мол, развлекательность. Но ведь и развлекательность — тоже дело серьезное. Недаром на июньском Пленуме ЦК КПСС сказано, что зритель «ждет танже побольше отмеченных хорошим вкусом художественных фильмов, развлекательных передач». Это ведь непосредственно касается и деятелей кино?

— Конечно! Но приключенческий жанр не простое явление. Кинодетектив нельзя свести лишь к сумме поисков и погонь. Да, это вызывает интерес, волнует. Но хорошей приключенческой ленте необходим еще благородный, добрый, справедливый ха-

рактер героя — человека, какого в жизни отыщешь пусть нечасто. Нужна острая борьба добра со злом. Причем добро в таком фильме побеждает. Наконец, нужно близкое к романтике, даже к сказке сплетение событий и обстоятельств... Скажут: не слишком ли много требований к «легкому» жанру? Нет! Приключенческий фильм — одно из наиболее ярких и сильных действ кино, влияющих на человека. Оно позволяет воспринимать художественную правду не умозрительно, а прямо-таки обнаженными нервами, открыто... В общем, «механизм» воздействия остросюжетного произведения весьма прост. Тем не менее не часто бывают удачи. Вспомним фильм «34-й скорый». Есть там и любовь, и печальный клоун, и героические личности, и пожар в поезде, и лошади... А не трогает картина. Не волнует. Не постигнут секрет занимательности — и никакие умные мысли, никакой «психологизм» не заставят зрителя сопереживать. Пути постижения художественной истины многообразны, и палитру искусства нельзя обеднять. А не к этому ли зовут поклонники так называемого «интеллектуального детектива», брезгливо иронизирующие над погонями и прыжками через пропасти. Ведь это своего рода эстетство! Киногурманство... Мы с детства помним лихих наездников, метких стрелков. Находчивых, обаятельно-умных героев — скажем, тот же Исаев-Штирлиц из «Семнадцати мгновений весны». Торжество ловкости и силы, победа воли и интеллекта — вот от чего зависит успех...

— Вы затронули важный вопрос — о героическом характере в киноискусстве. Эта проблема вообще центральная. А уж приключенческий жанр по самой природе своей немыслим без активного положительного героя.

— Последние документы партии по вопросам литературы и искусства подчеркивают, что новые поколения советских людей нуждаются в близком им по духу и времени положительном герое... Картин у нас много. Героев — тоже. Но пока еще трудно, а то и невозможно назвать такой персонаж, который вошел бы в жизнь, в которого, образно говоря, играли бы сегодня ребяташки, как в Чапаева.

— Поступки героя в приключенческом фильме часто обусловлены борьбой за жизнь: на экране гремят выстрелы, гибнут люди... Это и дает критикам основание для упреков: не есть ли это дурной пример для зрителя? Смерть, насилие, жестокость!.. Такие упреки постоянно встречаются в рецензиях и статьях, посвященных приключенческим картинам.

— Действительно, критики часто говорят на основании внешнего, приблизительного сходства:



«Последний бой».

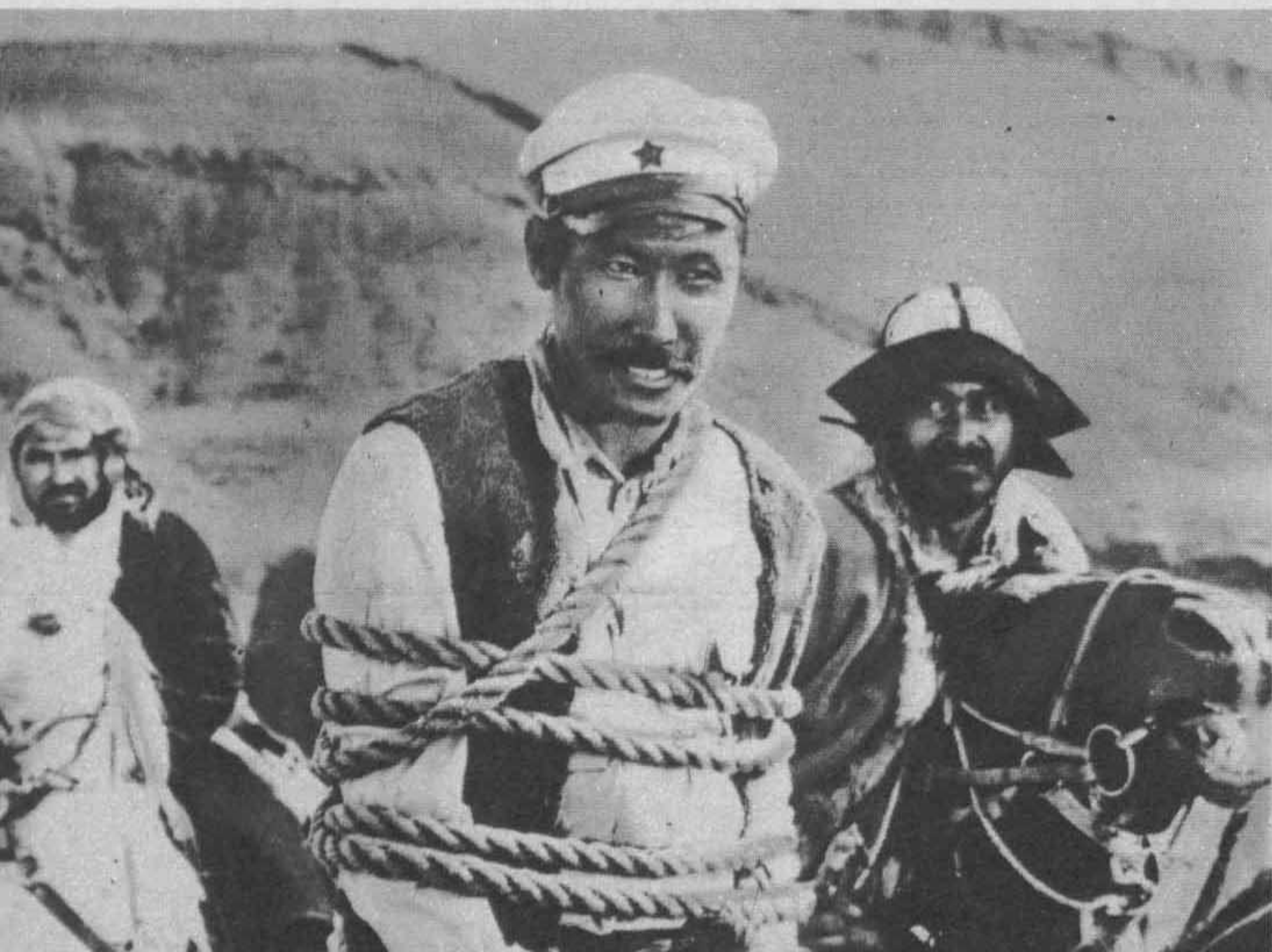
НА ЭКР ПРИК

На вопросы корреспондента
журнала «Огонек»
отвечает заместитель
председателя Госкино СССР
Б. В. ПАВЛЕНКО

ба, да здесь подражание западному кинобоевику! Там погони, и у вас погони. Там стреляют, и у вас стреляют. Там сыщики, и у вас сыщики. Там насилие, и у вас насилие... Подобная «бух-

галтерия» часто мешает отличить наше приключенческое кино от западного. Нужно видеть главное: во имя чего идет борьба, каков нравственный смысл смертельной схватки и цель победы... Я помню

«Седьмая пуля».



«Огарева, 6».





АНЕ ЛЮЧЕНИЯ

случай, когда районный суд вынес частное определение в адрес конторы кинопроката за выпуск на экран картины «Шайка бритоголовых». После просмотра фильма компания злостных хулиганов

обрила головы. В суде тут же решились: значит, и в совершенном преступлении виноват фильм! Хотя эти ребята до выхода фильма не раз задерживались милицией. Абстрактной нравственности нет:

она всегда социально обусловлена. Вспомним опять-таки «Чапаева», где гибнут многие люди. Но никто не сожалеет о тех, кого расстреливает из пулемета Анка — женщина: с точки зрения стерильной морали дело-то весьма неженское! А мы сопереживаем Анке-пулеметчице. И горюем, видя гибель Чапаева... Значит, в фильм заложена четкая нравственная позиция... И, думаю, «стерильных» мальчишек вообще не бывает! В них клокочет жизненная энергия, они жаждут вырасти и, если придется, сразиться за идеалы общества... Не надо забывать, что живем мы в тревожном мире. И должны давать человеку и социальный и эмоциональный заряд, воспитывать умного и крепкого, решительного человека... Вспоминаю картину «Точка опоры» и ее героев — десантников. Один из них, молодой солдат, признается: «Я не могу применить болевой прием в борьбе!» А командир отвечает ему: «А если на твоих глазах будут убивать беременную женщину?..» Готовность к борьбе, к защите Родины начинается с умения постоять не только за себя и за своих близких... Суть приключенческого произведения именно в его нравственном багаже. В том взгляде на мир, который свойствен положительному герою...

— И все-таки положительному герою не очень везет в картинах, посвященных сегодняшнему дню. Подчас наши современники выглядят в кино совсем буднично, заземленно... Не забывают ли авторы фильмов о священном праве искусства на высокую романтику?

— Это противоречие действительно существует. Стремление соблюсти верность «жизненной правде» в иных случаях расходится с желанием дать яркий образ героя. Фактография чаще всего ослабляет произведение... Не думаю, что надо копировать западный опыт. Надо учитывать особенности зрительского восприятия. Необходимо, не увязая в «технологии» расследования, создавать яркий характер героя — вот цель художника. И тут извинительна любая условность. А если положительный герой художочен, то фильму не поможет самое скрупулезное проникновение в «механику» следствия.

— Говоря о приключенческом кино, мы почти не коснулись политической проблематики картин. Между тем можно говорить о резком всестороннем повышении интереса к политическому фильму; это связано с самой жизнью современного человека. Но хороших фильмов, повествующих в художественной форме о политических процессах в сегодняшнем мире, пока немного.

— И, однако же, политический детектив — жанровая разновид-

ность приключенческого фильма — родился именно в нашей стране: «Аэлита», «Мисс Менд», «Красные дьяволята» — ведь это остро сюжетные политические картины... «Дело Румянцева» тоже затрагивало политические проблемы времени. Столкновение двух идеологий, двух миров — сколько же драматизма здесь заложено! А сегодня мы говорим об особом интересе именно к международной тематике. И не случаен успех фильмов: «Это сладкое слово — свобода» режиссера В. Жалакявичюса, «Ночь над Чили», «Санта-Эсперанса», «Падение Кондора» режиссера С. Аларкона, «Тегеран-43» режиссеров А. Алова и В. Наумова... Однако фильмов на политические темы действительно мало. И причина — не чье-то непонимание важности жанра. События надо снимать там, где они действительно происходили. Тут-то и начинаются сложности. Если в театре можно обойтись условными декорациями, то для кино времена работы в павильоне давно прошли. Зритель хочет видеть все «по правде», все в натуре... Но, несмотря на трудности, у нас есть несомненные успехи в жанре политического фильма. Появятся еще и новые, значительные произведения. Пока назову лишь «Берег» по известному роману Юрия Бондарева, где возникает достоверная картина современного буржуазного Запада.

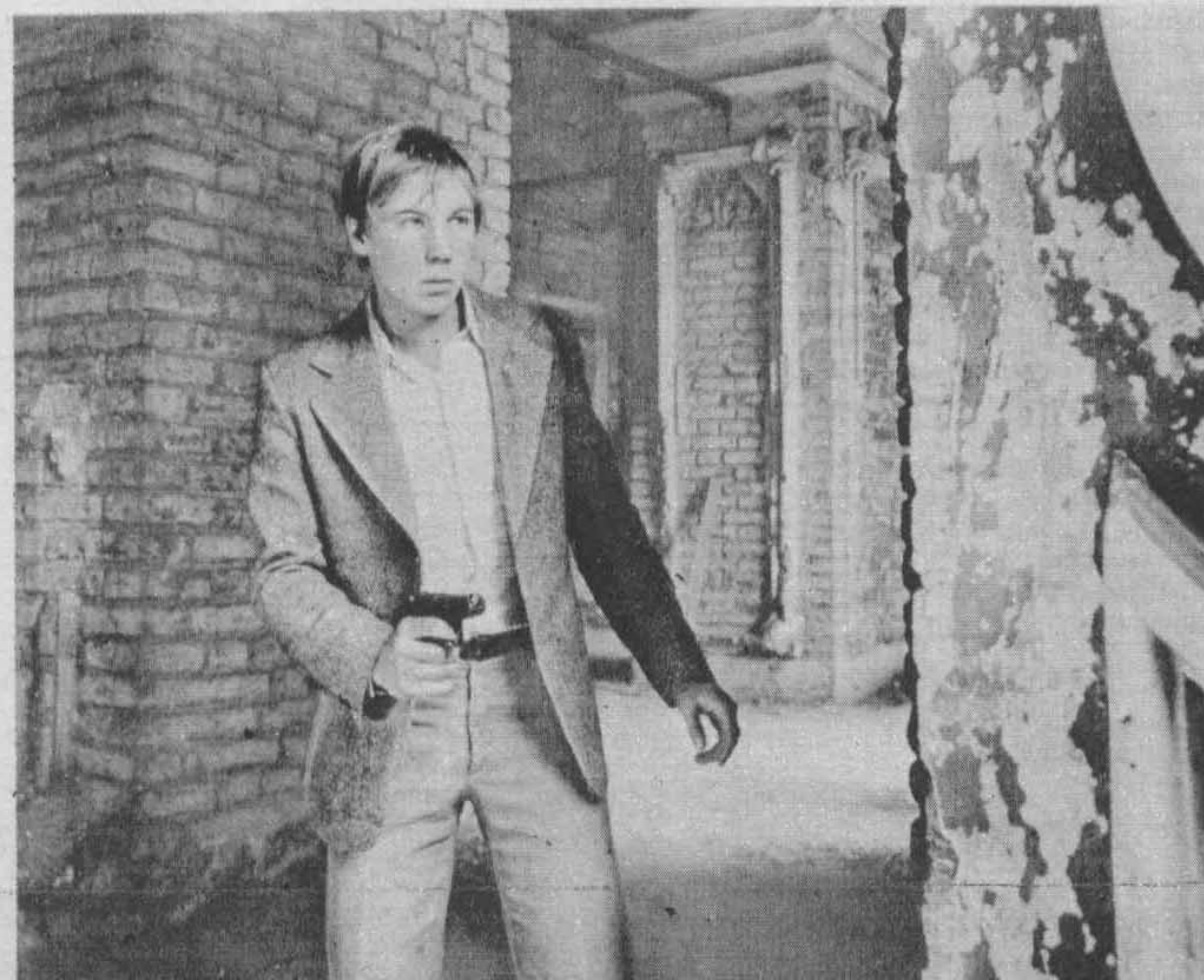
— Вы затронули вопрос, всегда волнующий зрителей. Как сделать декорации или «всамделишность»? Хитрый трюк или натурная съемка?.. Нередко киношников подозревают в обмане: буря, изображенная на экране, сотворена, мол, в корыте.

— Такие «знатоки» мыслят категориями полустолетней давности. Когда-то кино прибегало к услугам декораций и манекенов. Теперь «индустрия чудес» основана на полной достоверности. И приключенческое кино — хотя съемки здесь сопряжены с особой сложностью — следует этому правилу. Приключенческое кино создало профессию каскадера. И как же повысился уровень работы наших кинематографистов, показывающих рискованнейшие ситуации: автомобильные гонки, поединки, пожары, пропасти... Помню эпизод из картины режиссера А. Хамраева «Телохранитель» (студия «Таджикфильм»). Два человека перебираются на стометровой высоте по канату через пропасть. По ходу действия канат обрывается, и двое, раскачиваясь над пропастью подобно маятнику, все-таки взбираются на скалу... Это натура!.. Когда будете смотреть картину Таджикской студии «На перевале не стрелять», обратите внимание на сцену гибели

«Найти и обезвредить».



«Сыщик».



«В зоне особого внимания».



гастроли

С ВНИМАНИЕМ К ЖИЗНИ

конного отряда басмачей. Вот уж где «смешались кони, люди»... Это работа каскадеров под руководством Кудайбергенова... О каскадерах вообще хочется сказать особо — это необычная профессия. Имена таких мастеров, как А. Филатов, А. Массарский, О. Корытин, А. Ходюшин, У. Кудайбергенов, О. Федулов, У. Вейспал, В. Соколов, А. Микулин, П. Тимофеев, хорошо известны кинематографистам, зритель же о них не знает, хотя и видит фамилии в титрах... Каскадер — будучи киноактером! — должен обладать множеством поистине уникальных качеств. Он наездник, борец, скалолаз, пожарник, автогонщик, фехтовальщик, водолаз и прочее и прочее. И нет таких профессий, владение которыми излишне для каскадера... Поэтому невозможно представить себе какое-то учебное заведение для каскадеров. Тут нужно не только призвание, но и незаурядные физические данные. И еще высокий дух, смелость подлинная.

— За рубежом иногда пытаются провести параллель между советским приключенческим фильмом и, например, голливудской кинопродукцией...

— Советское приключенческое кино сложилось именно как кино социальное, кино народное. Тем не менее его нередко пытаются поставить на одну доску с голливудскими боевиками. На одной пресс-конференции за рубежом мне задали вопрос: «Правда ли, что из превращения жанра «вестерн» родился русский вариант «остерн»?..» Я даже не сразу понял суть вопроса. Потом узнал, что это попытка провести прямую параллель между «диким западом» и Советским Востоком. То есть что вестерн, что остерн — вроде бы никакой разницы. Но она огромна!

Исторические же картины буржуазных режиссеров — а их вестерн призван прежде всего романтизировать историю становления капитализма в Америке — играют весьма значительную роль в пропаганде «американского образа жизни» и его «ценностей». Наше кино в противоположность этим «историческим» лубкам воссоздает строгую правду былого. Героические страницы нашей истории в прочтении киноискусства — действенное средство воспитания советского мировоззрения. История возникновения нашего многонационального государства — это исключительно мирный процесс слияния и развития различных народов. А вместе с тем это процесс, исполненный драматизма, резких поворотов в людских судьбах, рождения сильных характеров, преодоления противоречий... И думается, темы героических путешествий, темы мирного трудового — на протяжении веков — освоения Сибири, Дальнего Востока и т. д. должны вдохновить многих и многих сценаристов и режиссеров. Остро недостает современных фильмов-приключений о людях трудных профессий: моряках, геологах, строителях дорог, полярниках, наконец, космонавтах... Всех и не назовешь! Особенность советского характера — а это главное завоевание социалистической эпохи — наиболее отчетливо выявляется в острых ситуациях, в условиях предельного напряжения нравственных сил. Здесь приключенческое кино уже достигло известных завоеваний, и следует активно их развивать.

Беседу вел Сергей ПОРОНИН.

Каунасский драматический театр, который с 1977 года возглавляет главный режиссер Йонас Вайткус, театр интеллектуальный, склонный к творческому эксперименту, нежиданной метафорической образности, к зрелищу яркому, истинно театральному... Театр одинаково увлечен и психологической драмой, и высокой трагедией, и сатирическими, подчас даже гротесковыми музыкальными спектаклями. Творческому почерку Й. Вайткуса близки произведения с предельным накалом страстей: именно здесь видит режиссер возможность художественного исследования души. Репертуар, представленный на московских гастролях, ярко подчеркнул, что тема ответственности, тема совести — для него центральная. Театр обращается к драматургии, остро отражающей конфликты в отношениях человека с окружающим миром. И утверждающей ценность самого главного — жизни и человека...

Наиболее яркое воплощение нашла эта тема в драме «Шарунас» В. Креве. Спектакль, рассказывающий о легендарной эпохе становления Литвы, решен в жанре героическом. Страдает, мучается сам и заставляет страдать окружающих главной герой спектакля — князь Шарунас. Хорошо известный нам по кино актер Ю. Будрайтис (очень жаль, что мы увидели его на гастролях лишь в одном спектакле) рисует героя в полном соответствии со стилистикой пьесы; образ живописный, грозный и одновременно наивный.

Глаза князя устало, безнадежно глядят на мир; перекошенное горьким телом, хромота делают его облик безмерно страдальческим... По-разному складываются отношения Шарунаса с окружающими: не может он примириться с теми, кто предал и разорил его любимую Литву; ненавистны ему интриги, в которых погрязли мелкие князья, открыв путь крестоносцам. Но и сам Шарунас далек не прост; самолюбивый, страдающий от своей физической неполноценности, жестокий, бешено ревнивый, он, стремясь объединить страну, сеет вокруг себя горе и несчастье, проливает потоки крови... По силе мучающих его сомнений, противоречий, разрывающих душу, безысходному трагизму Ю. Будрайтис приближает образ к шекспировским.

Когда-то английский писатель Шелли упомянул, что наивысшая нравственная цель драматического сюжета в том, чтобы научить человеческое сердце лучше понимать самое себя через свойственные ему симпатии и антипатии. Думается, Юхан — герой спектакля «Генеральная репетиция» — достигает этой высокой и трудной цели... Действие пьесы эстонского драматурга М. Унта происходит на съемочной площадке, где создается фильм о революционном прошлом Эстонии... Снимается кино, и самые разные люди по-своему заняты своим делом. На сцене привычная суматоха и неразбериха, нужная и ненужная кинобуффория, на ходу дописываются, дорабатываются сцены... Короче говоря, фильм снимается без напряжения, в духе кинематографических штампов: лишь бы побольше сносительных сцен с погонями, стрельбой и дрэнками. Однако революционные события далеких лет начинают вдруг захватывать воображение главного героя Юхана (В. Масальскис). Актер молод и, конечно, не знает того времени, когда жил герой, но его взволновала жизнь революционера, борьба, мужество и бесстрашие. Сам того не замечая, Юхан произносит слова роли по-новому: так, что веришь — это уже не репетиция, это сегодняшнее постижение человека. И вот здесь как бы вдруг стирается грань между репетицией и действительной жизнью! Театр жестко, отчетливо прочерчивает мысль об отношении современного художника к своему прошлому, к истории страны и народа, к традициям...

Художник и время... Понятия эти неразделимы. Художник наиболее чуток к проблемам своего времени, к его болям. Он совесть своего времени. Так рассказывает о вы-

дающемся художнике и музыканте начала XX века Микалоюсе Чюрленисе элегическая драма Й. Вайткуса и Э. Игнатавичюса «Пилигрим мечтаний».

В спектакле самого Чюрлениса нет. Есть лишь его поэтический образ. Но мы ощущаем очень остро дух времени, в котором он жил. Чувствуем боль и муки не понятого при жизни художника, пытающегося в своем творчестве привести мир к гармонии и совершенству... Резкими сатирическими красками обрисованы так называемые «ценители» искусства — бездушные буржуа. По-настоящему драматичны и конфликты художника с этими людьми и внутренние разногласия его с самим собой. Актеры Л. Зельчюс, Д. Казрагите, Н. Лепешнайте, В. Масальскис и другие передают Великое Страдание и Великую Мечту художника... Интересно и необычно построен спектакль, весь сотканный из метафорических звуков, видений, народных образов... Через пластику, музыку, ассоциативные символы как бы оживает на сцене живопись великого художника.

Классика на сцене Каунасского театра представлена спектаклем «Последние» М. Горького, где в центре снова исследование человеческой души. Но тут — ее распад, гниение. Эту мысль подчеркивает и сценография, где ничто не существует отдельно от идеи и образа. Очень точно найдена такая деталь: обилие комнатных, будто неживых цветов. Мне они показались мертвыми болотными растениями... В хаотичном беспорядке раскиданы стулья, кресла; между ними мечутся люди, шумно и крикливо обвиняя, проклиная друг друга, а над ними нависает потолок, словно крышка деревянного гроба с черным крестом по бокам... Некрасиво, не по-человечески живут в доме Коломийцевых. Омерзительна фигура хозяина. Иван Коломийцев (В. Валашина), циник до мозга костей, мечтает снова добиться власти любыми путями, чтобы издеваться над людьми. Таков и его сын Александр (В. Шинкарюкас), пожалуй, перещеголявший отца в цинизме и жестокости... Духовная опустошенность, словно ржавчина, поразила обитателей этого дома, и странно, противоречиво звучат здесь имена детей Коломийцевых: Любовь — давно потерявшая любовь к миру; Надежда — напрочь лишившаяся надежды что-либо изменить; Вера — теряющая веру в жизнь... Очень точно трактует театр эту образную ходку Горького... Напрасно пытается что-то понять, найти свое место в жизни самый молодой представитель семьи — Петр (В. Масальскис), в поисках справедливости наталкивающийся на полное непонимание... Как бы оплакивая своих воспитанников, бродит по дому выжившая из ума нянька Федосья, которую никто не слышит, не замечает: она уже неживое существо, даже голос ее, кажется, исходит из-под земли... Правда, образ этот антриса Б. Раубайте не-

сколько утрирует бесконечными причитаниями и стенаниями. Зато настоящим ЯВЛЕНИЕМ стал в спектакле образ госпожи Соколовой. Небольшая будто роль. Но в мастерском исполнении Р. Сталилюнайте она несет огромный смысл и становится важнейшим нравственным центром постановки. С появлением Соколовой в затхлом доме Коломийцевых будто врываться сюда весенний свежий воздух. Она человек из другого мира. Из будущей, новой России. Спектакль каунасцев не только о «последних». Театр не зря обратился сегодня к этой пьесе Горького. Да, «последних» сегодня нет, но СЛЕД их остался, как бы говорит спектакль своим зрителем. Не канули в Лету жестокость, озлобленность, бездуховность... И со всем этим надо воевать беспощадно!

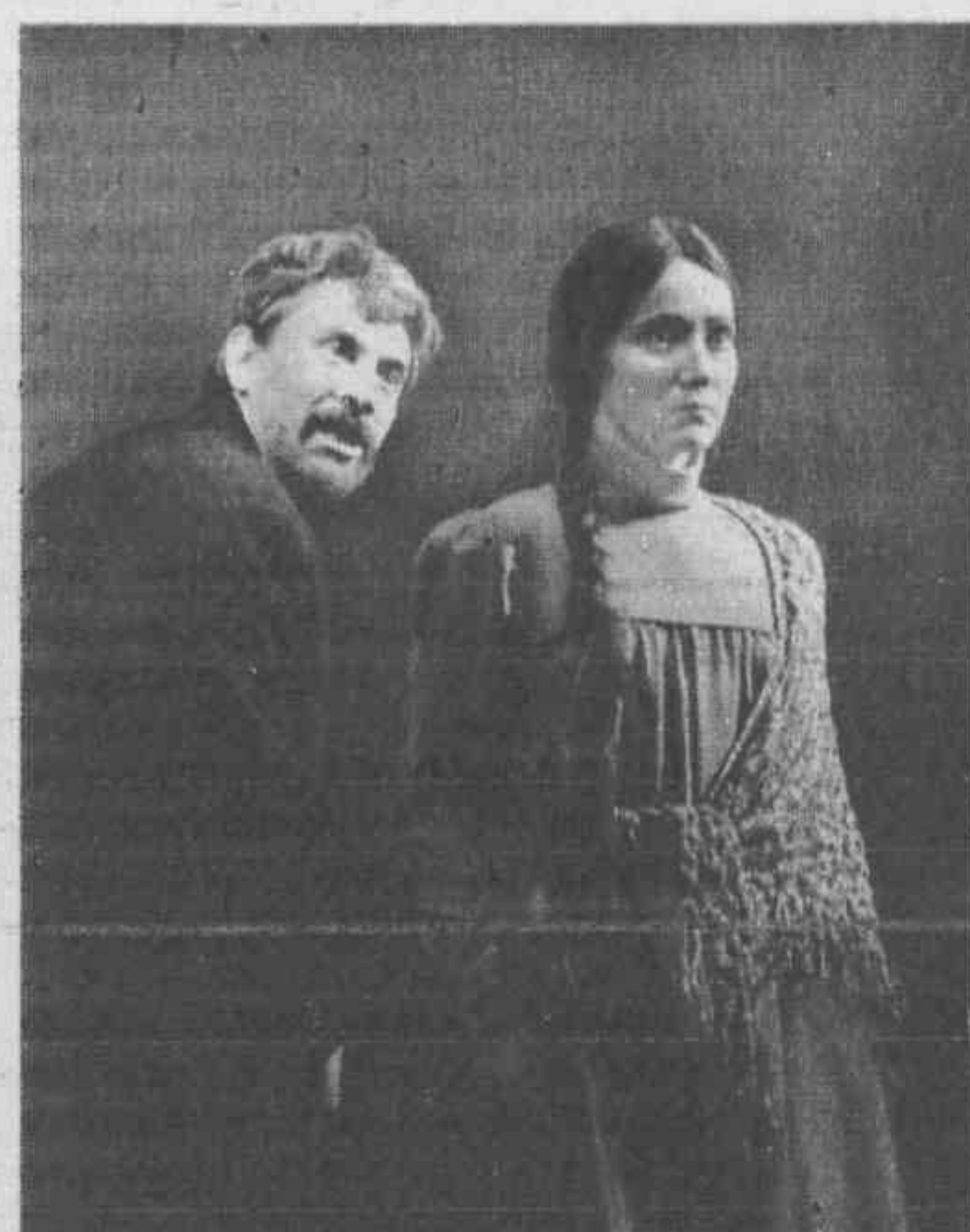
В спектакле «Янтарная вилла» режиссер Г. Падегимас также пытается исследовать моральные пороки, уродующие людей. Однако серьезные проблемы нравственности, поднятые в драме литовского писателя Ю. Грушаса, к сожалению, не прозвучали с достаточной силой: не оказалось глубокой психологической разработки характеров. Конфликт съезживается до обычных семейных неурядиц и привлекает лишь личностью старого моряка Доминиаса в исполнении А. Масюлиса, известного актера литовской сцены и экрана. Актер умно, зорко, эмоционально показывает трагедию бесконечно одинокого человека, вдруг осознавшего, как легко распадаются связи людей, мельчают души, если поступками движут корысть, жестокость, равнодушие...

Своеобразное, я бы сказала, необычное решение предложили режиссер Й. Вайткус и художница Я. Малинаускайте в постановке известной пьесы И. Радоева «Красное и коричневое». Необычна прежде всего сценическая площадка. Тюремная камера Димитрова — словно ловушка, где тускло мерцает лампочка, где нельзя распрямиться во весь рост... Режиссер ограничил пространство действий главного героя, отдав весь простор его противникам. И события разворачиваются над камерой и вокруг нее. Беснующиеся фашистские главарь и их подручные разыгрывают сцены, которые кажутся порою бредом наяву, кошмарным сном... Заостренные до предела, до жути, сцены эти позволяют видеть зловещий хоровод фашистского балагана, служителей «третьего рейха». И до чего же они похожи друг на друга: Гелер (А. Масюлис), начальник гестапо Бюнгер (В. Шинкарюкас), Геринг (А. Матуленис), Адель Рихтгофен (Д. Казрагите), тюремный надзиратель Фрик (Л. Зельчюс)... Это даже не люди, а куклы некоего паноптикума. Они что-то выкрикивают, поют, развешивают, и, наконец, в изнеможении падают после «финального» танца, где перемешано все и вся: шлягерные песни, Вагнер, нацистские марши. И как же сильно звучит на этом фоне спокойное человеческое слово Димитрова (В. Валашина), полное веры и убежденности.

И еще об одном спектакле. Это мюзикл «Мэри Поппинс» — подлинный праздник не только для маленьких зрителей, но и для взрослых, поставленный по одноименной сказке английской писательницы П. Треверс и мультфильму Диснея. Безусловная удача спектакля — заглавный образ Мэри Поппинс в талантливом исполнении Р. Сталилюнайте. Самый ее выход на сцену, манера двигаться, конетливо поправлять прическу, шарфик уже дают ощущение чего-то необычного. Своей любовью Мэри покоряет малышей — Джейн и Майкла. И пусть Мэри потом исчезнет из дома: она сделала главное — заставила поверить в доброту, которая никогда не исчезнет на земле...

Спектакли Каунасского театра не упрощают жизнь. В них нет незначительных конфликтов, слишком благополучных характеров, счастливых концов. Они определяют лицо театра и его путь в искусстве.

Сцена из спектакля «Последние». Фото А. Ивашина



Города как и люди — у каждого своя судьба. Тенденция бурного, а порой безудержного роста городов, особенно характерная для нашего века, не коснулась Козельца. Он так и остался центром сельского по преимуществу района Черниговской области.

Но одна из характерных особенностей нашего времени в том, что нет ныне городов захолустных, не стало «глубинки», куда передовые веяния столиц докатывались бы спустя годы. Когда по утрам открываются газетные киоски в Киеве или Чернигове, тогда же и в Козельце, отстоящем на 40 километров от ближайшей железнодорожной станции, киоскер Анна Захаровна Юрина предложит вам сегодняшнюю «Правду» или «Известия», последний номер «Советского экрана» или «Работницы».

— А «Огонек» есть? — поинтересовался я.

— Пожалуйста. Три экземпляра осталось еще.

— А сколько экземпляров каждого номера вы продаете?

— Когда двадцать, когда тридцать...

— От чего же это зависит? — спросил я у нее.

— От того, сколько дадут. Мы ничего не списываем. Если какой номер на день-другой залежался, смотрю, что в нем есть. Советуешь покупателям — берут.

Чтобы выяснить, по какому принципу формируется это самое «сколько дадут», мне пришлось обратиться к начальнику районного отделения «Союзпечати» Валентине Степановне Безлюдной. В эти дни она целиком была занята оформлением подписки на будущий год. Перед ней на столе — большие пачки квитанций. И хоть ведомственная подписка по району была закончена к середине сентября, а к концу месяца пошли уже общественные уполномоченные от коллективов предприятий и организаций, — индивидуальный подписчик раскачивался не сразу.

— В общем-то осложнений нет, — сказала она. — Идем на уровне прошлого года или чуть выше. А что касается «Огонька», то он не попал в число изданий, за которые с нас спрашивают, по которым мы вела постоянный учет. Подписку не ограничивали. Кто хотел подписаться — пожалуйста.

В это время в кабинет заглянула сотрудница:

— Валентина Степановна, «Здоровье» выписать можно?

— Да. Он не лимитирован. И вообще — в сельской местности все можно. Нет ограничений. Ясно?

— Хорошо... — потопталась на месте сотрудница, а потом сказала: — Вот подписчица просит еще что-нибудь, чтоб почитать...

— Предложите «Роман-газету»...

Приятно было слышать этот чисто служебный разговор: «не лимитирован», «никаких ограничений»... Но потом подумалось: «А почему сотрудница «Союзпечати» задает такие вопросы начальнику? Ведь она должна все это знать еще до начала подпис-

ной кампании, а не в конце октября. Ведь все, кто имеет отношение к этой важнейшей пропагандистской кампании, до сельского почтальона включительно, должны были знать условия подписки еще до начала ее, в июле. Не ходить же каждый раз к начальнику за советом. Тем более что подписчик, возможно, второй раз и не спросит».

Такое соображение серьезнее, чем может показаться на первый взгляд. Дело в том, что не только почтальон или рядовые операторы, но и руководители областных подразделений «Союзпечати», как нам кажется, не всегда «в курсе»... Наш давний читатель с еще довоенным стажем, ветеран войны и труда Василий Пи-

некоторые республиканские издания заказываем пятьдесят, а получаем сто пятьдесят экземпляров.

Честно сказать, мне как-то не верилось, что при таком отношении к заказчикам можно вообще организовать торговлю. Решил познакомиться с документами. Увы! Как выяснилось, специальных форм или бланков для оформления заказов нет. Для этой цели уже по традиции используют печатные бланки на... списание залежавшихся изданий. Я обратил внимание на то, что зимой заказывают меньше, летом — больше обычного.

— Понимаете, — объясняет Валентина Степановна, — летом у нас очень много отдыхающих, и киос-

в мае 1984-го, то на этот май может отказаться от получения газеты или журнала. В квитанции май вычеркивается, гражданин экономит таким образом 50—60 копеек! В «Союзпечати» заговорили с восторгом о новой, прогрессивной форме обслуживания населения. Но Валентина Степановна Безлюдная, например, затруднилась назвать мне конкретного подписчика, который воспользовался этой новой услугой. Среди моих знакомых тоже не нашлось такого...

Так не лучше ли не выдумывать, а вернее, не придумывать, лишь для показухи нечто новое, а более добросовестно выполнять давно положенное? А то ведь курьезы получаются. Наша

Киоск на Площади



менович Сошенко из Луцка 5 сентября решил выписать «Огонек» на следующий год. «А мне заявили, — сообщает он, — кто оформляет подписку в сентябре, тот будет получать издание только с февраля, а не с января 1984 года. При этом сослались на объявление областной конторы «Союзпечати».

Но вернемся в Козелец. Когда сотрудница вышла, я спросил Валентину Степановну, как обстоят дела в розничной торговле. Ответ был неожиданным. Если подписка идет по принципу «сколько берут», то розница здесь исходит из принципа «сколько дадут». Вначале я даже не понял, но собеседница пояснила:

— На этот год мы заказывали через «Облсоюзпечать» для торговли в розницу сто экземпляров «Огонька». А нам дают пятьдесят. «Крестьянки» заказывали сто — дают десять. А мы ведь район преимущественно сельский... Могу назвать и другие нелимитированные издания, заказ на которые нам режут в три — пять, а то и в десять раз или вообще не дают ни одного экземпляра. Зато

ки могут продавать газет и журналов больше, чем зимой. Только наши «сезонные пожелания» почему-то не учитываются.

О том же говорили мне и киоскер из Остра Ольга Афанасьевна Пшеничная и продавщица газетного киоска, что на автостанции в Козельце, Наталья Семеновна Ильюша.

Невольно вспомнилось Планерское и Судак в Крыму, кавказское Гантиади, наш уютный Богуслав на Роси и сотни других городов и поселков, где летом за счет наплыва отдыхающих население удваивается. Там по утрам за газетами и журналами выстраиваются длинные очереди, потому что если прийти через полчаса после открытия киоска, то его полки уже будут пусты. Знают ли об этом самые-самые руководители «Союзпечати»? Неужели так трудно учесть сезонный заказ районного звена?

Я много раз читал красивые объявления о том, что подписчик имеет право сделать перерыв в подписке на время своего отпуска. Значит, если человек собирается в отпуск, допустим,

читательница из Ивано-Франковска Дарья Васильевна Гришина «перерыв» в подписке не оформляла, но в конце лета ей так и не принесли «Огонек» №№ 27, 31, 32. В агентстве «Союзпечати» порекомендовали ей обратиться на почту, а на почте сказали: «При чем тут мы? Нам недосылают...»

Подобные жалобы от читателей, к сожалению, не единичны. Что же касается продажи журналов в киосках, то мы убедились, что хорошо поставленный учет сезонных заказов розницы позволил бы распространить дополнительно миллионы и миллионы газет и журналов, оказать услугу большой массе читателей.

Надо помнить, что газетный киоск на площади — это не просто торговая точка. Газетный киоск скорее огневая точка идеологического фронта, один из важнейших участков агитационной и пропагандистской работы. Поэтому организация розничной торговли газетами и журналами должна рассматриваться как важный участок нашего общего партийного дела.

С. КАЛИНИЧЕВ



К 80-ЛЕТИЮ ГАФУРА ГУЛЯМА

ЦВЕТИТЕ, САДЫ...

Все, кто знал его лично, в один голос отмечают: он был добр, отзывчив, скромен, исполнен благородства, зоркой внимательности и неторопливости, он был очень хороший человек.

Жизнь Гафура Гуляма являла собой масштабность, дерзновенность, страстность, включала в себя боль и надежду, как, собственно, и эпоха, на которую выпала его судьба. Педагог, публицист, прозаик, общественный деятель, лауреат Ленинской премии, наконец, и главное — поэт, народный поэт Узбекистана, а по значимости, по вершинности — второй, сразу после Хамзы...

На его долю выпала сложнейшая, но почетная миссия: он был зачинателем новой узбекской литературы, и уже первые стихи Гуляма — гимн переменам, обновлению:

Не могло и присниться отцу
моему,
Чтоб держал свою голову так
высоко я.
Ленин дал эту гордость мне —
слава ему! —
От светлейшего солнца мне
счастье такое.

Как литератор, он был новатором: ломал старый, традиционный метр «аруз», закладывал основы нового узбекского стихосложения, вносил в старинную певучесть слога пламенный ораторский пафос. И потому Гулям не только в тематическом, смысловом отношении, но и по форме современный поэт, поэт сегодняшней эры, и нет такого уголка в нашей стране, где не знали бы его имя: вдохновенные строки читали наизусть зачинатели пятилеток на узбекской земле, строители Ташкента и Турксиба, преобразователи старого быта, те, кто срывал с женщины паранджу и учил детей знаниям:

Цветите, сады, наливайтесь,
плоды,
Сердце умножайся богатство!
Да станет земля — наш
чудесный гранат —
Планетою дружбы и братства!

Гафур Гулям неотделим от истории Советского Узбекистана, этот человек шел вместе с ним трудными дорогами труда, вместе с народом радовался победам и горевал над невзгодами, над военным лихолетьем, и главным спасением от всех бед была в его понимании наша общность и дружба. Ведь это именно он сказал во всеуслышание ребенку, потерявшему родителей и занесенному смерчем Великой Отечественной в незнакомый край: «Ты не сирота!»:

Братской дружбы взрастили
Мы в мире цветы,
Золотым кирпичом нашей
Родины зданье
Довели до невиданной мы
высоты,
Укрепив небывало его
основанье.

Сегодня Гуляму было бы восемьдесят, он рано ушел от нас. Но до последнего дыхания этот поэт высоко нес знамя идейности и большого искусства — главных критериев для тех художников, которые всегда находятся на переднем крае жизни:

Я не уйду в безмолвие,
Пока
Для этих плеч
Еще осталась ноша,
И — рядовой
Бессмертного полка —
Я буду жив,
Покуда буду нужен!

А. ЕФИМОВ

ВЫСОКИЙ ХМЕЛЬ

Наталья БУМАГИНА

На чем Земля держится? Древние греки утверждали: на могучих плечах атлантов. Но мы-то с вами знаем — матушку-землю держат крепкие руки тружеников. Недавно я познакомилась с одной такой беззаветной труженицей.

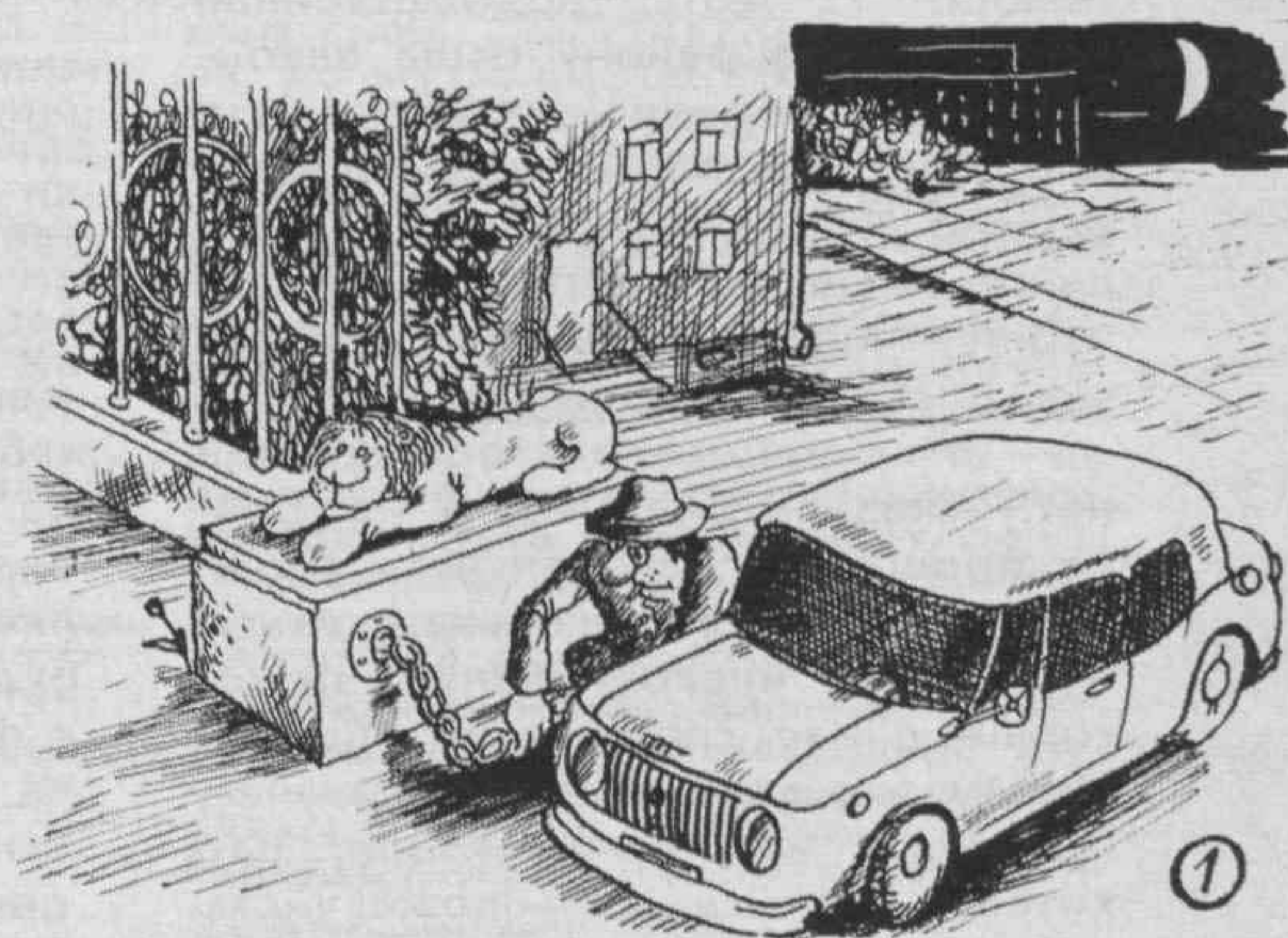
Моя новая знакомая — звеньевая Антонина Михайловна Зуева — выращивает хмель. Это удивительное растение используется не только для изготовления пива. Из него получают лупулин, обладающий лечебными свойствами. Издавна применяли хмель в народной медицине, теперь его экстракт входит во многие сердечные лекарства (валокордин, милокордин). Употребляется хмель и для изготовления лечебных шампуней, кремов.

Совхозный хмельник начинается сразу же за домом Зуевых. Уходят к горизонту ровные ряды столбов (вблизи видишь, что высотой они с телеграфные). Между ними поперек натянута толстая проволока, а от нее через каждые 30—40 сантиметров проволока потоньше спускается вниз и уходит в землю, где она «заякорена» специальными крючками. Вот по этой проволоке и вьется, завивается хмель, образуя высоченные зеленые коридоры. Идешь по ним, как по дворцовым анфиладам.



Хмель любит погреться на солнышке, но чтобы оно не особенно палило, да ветерком чтобы его продувало; любит влагу, но чтобы не заливало. А больше всего ценит он заботу человеческих рук. Не отпускает от себя людей ни на день. Подготовь землю, подвяжи, обрежь лишнее, взрыхли междурядья, помоги завиться, подкорми, опять взрыхли да смотри, чтоб болезни не навалились. Словом, дитя капризное. Далеко не везде растет. А вот Чувашия подошла ему по всем статьям. И климат подходящий и люди трудолюбивые. Издавна крестьяне растили здесь хмель для собственного употребления. Но лишь с начала пятидесятых годов стали и в колхозах выращивать.

Юмор



— Жил в ту пору у нас в деревне Павел Григорьевич Шурков. Вот он и предложил разводить хмель в нашем хозяйстве, — рассказывает его ученица Антонина Михайловна.

Многие секреты хмелеводства передал Павел Григорьевич. Но, пожалуй, главный из них — трудолюбие и терпение. С тех самых пор каждый день ходит на хмельник Антонина Михайловна. У нее загорелое дочернее лицо. Задумчивые и немного печальные глаза. И хотя в этот день не сияла у нее на жакете Золотая Звезда Героя, не алел депутатский флажок, а была она в простеньком платье да в платке — все равно степенной и величавой выглядела эта женщина.

О растениях она говорит, как о детях.

— По весне, только чуть подсохнет, уж мы на плантации. Лишние корешки обрежешь, присыплешь землей, и через несколько дней появляются побеги. Маленькие да слабенькие. Вот тут и сорняки на них набрасываются. Ни одного не должно быть рядом с ними! Ну, а потом подросткам помогаем укрепиться за проволоку. Это как ребенка первый раз в школу за ручку ведешь. Каждый стебель отдельно заводим. Сначала по земле, присыплешь немножко — и к проволоке, чтоб он по часовой стрелке вился. Так уж они устроены. Удобрять тоже надо индивидуально. Видишь, который послабей, не пожалей, дай ему побольше. И он догонит сверстников. А уж под осень — такие вымахают красавцы, смотришь на них снизу-вверх, как я теперь на своих сыновей. Ну, а самое главное — уборка. Это ведь недавно у нас комбайнами стали убирать. Раньше вручную обрывали каждую шишечку.

Я уже давно заметила на краю

села необычное строение из легкого серебристого металла.

— Хмелеобрабатывающий комплекс, — объясняет Антонина Михайловна. — Поставляли оборудование и помогали строить друзья из Чехословакии.

Внутри переплетение толстых труб, ленты транспортеров, огромные печи. Приборы указывают температуру, давление, влажность. Как на химическом заводе, только вместо химикалий в ангарах острые запахи хмеля. Сюда с плантации на специальных тележках привозят его плети. А увозят уже упакованный в мешки готовый продукт.

Каждый по себе знает, как трудно руководить людьми, даже тремя, пятью. А у Антонины Михайловны в звене — тридцать. Все женщины. Разных возрастов, темпераментов, судеб. Ее подруги, тоже звеньевые, жаловались, как страдает работа от нарушителей дисциплины.

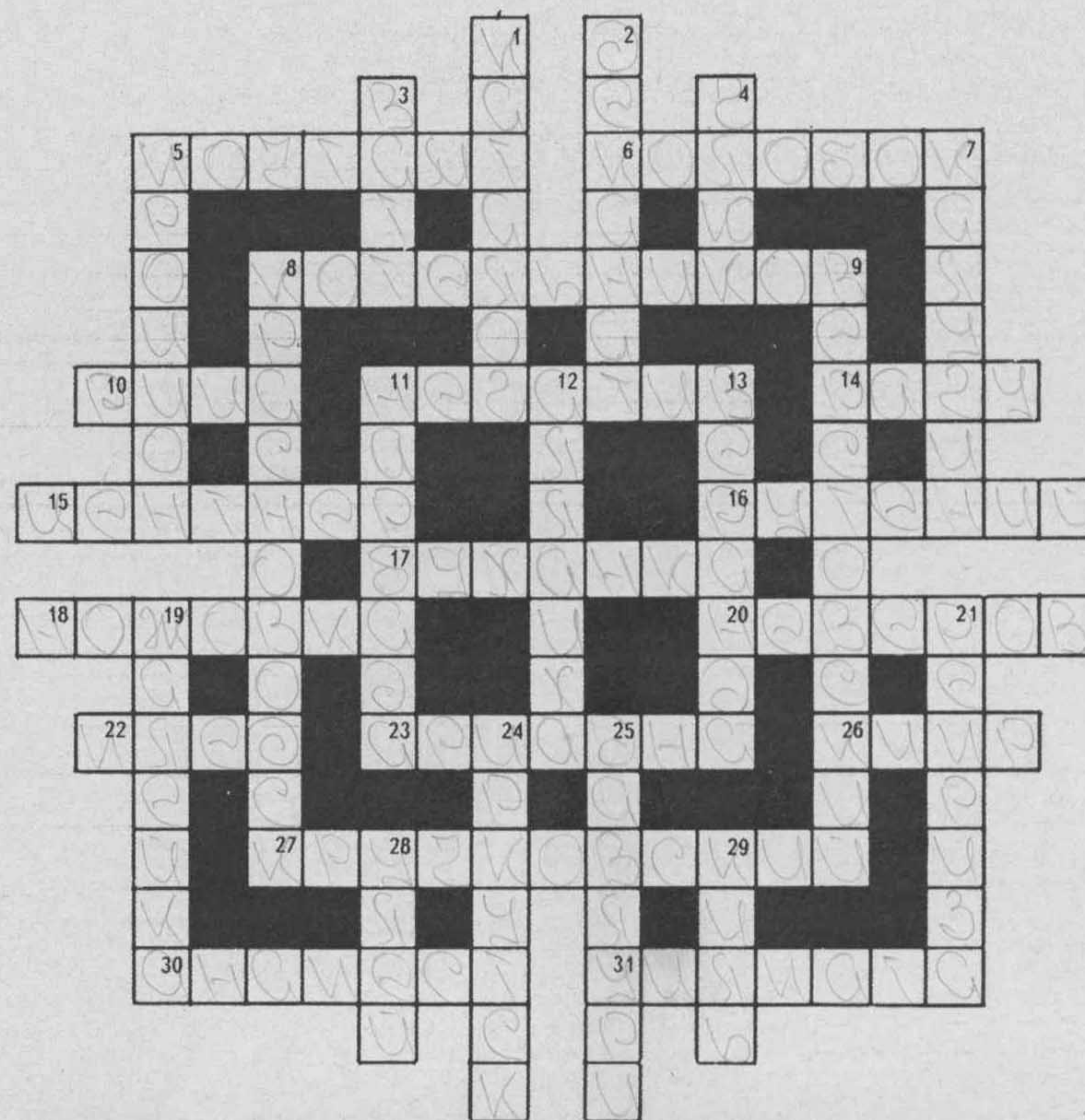
— Горе прямо, замучились. То одна не выйдет, то другая.

— Есть и у меня такие. Нелегко, конечно. А как обхожусь? Разговорами да уговорами, а иногда приходится за них работу сделать. А потом, смотришь, или до ночи ломается, или чуть свет придет на плантацию, догонит: не потеряли, видно, стыд-то. Нет, я миром обхожусь со своими...

Антонина Михайловна взглянула на часы, заторопилась:

— Заговорились мы, а пора на хмель. Как говорится, летом у нас руки во хмелю.

Почти все чувашские сказки кончаются так: «Затопили они баню, сварили пива и устроили пир на весь мир». На весь мир, конечно, Антонина Михайловна и ее подруги хмеля не наготовят, но стремятся вырастить его как можно больше.



КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Предприятие связи. 6. Детский литературно-музыкальный журнал. 8. Изобретатель ранцевого парашюта. 10. Озеро в Абхазии. 11. Изображение на фотографической пластинке, пленке. 14. Блюдо из мяса, тушенного с овощами. 15. Единица веса в метрической системе мер. 16. Химический элемент, металл. 17. Формовой хлеб. 18. Ручная пила. 20. Автор повести «Ташкент — город хлебный». 22. Клетчатая шерстяная шаль с бахромой. 23. Рассказ А. П. Чехова. 26. Остров в Средиземном море. 27. Польский писатель, лауреат Международной Ленинской премии. 30. Трехсложная стопа в стихосложении. 31. Горная вершина Главного хребта Большого Кавказа.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Перечень предметов, составленный в определенном порядке. 2. Руководство факультета. 3. Единица мощности. 4. Композитор, реформатор оперы XVIII века. 5. Яркая звезда в созвездии Малого Пса. 7. Действующее лицо драмы А. Н. Островского «Гроза». 8. Областной центр в Туркмении. 9. Русский композитор и театральный деятель XIX века. 11. Река в Индии. 12. Приток Индигирки. 13. Терраса. 19. Русский духовой музыкальный инструмент. 21. Комический номер в цирке или на эстраде. 24. Областной центр в РСФСР. 25. Грузинский народный танец. 28. Жилище пчел. 29. Неподвижная часть хвостового оперения самолета.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Витоша. 8. «Пионер». 9. Кваренги. 11. Аргентит. 12. Скальд. 13. Бойд. 15. Кодай. 16. Джанибеков. 17. Мавритания. 19. Ствол. 21. Крапп. 23. Шукшин. 24. Гренобль. 26. Аттестат. 28. Санеев. 29. Никель.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Пикассо. 2. Соленоид. 3. Ганг. 4. «Спор». 5. Кочешков. 6. Септима. 10. Искандеркуль. 11. Альтернатива. 14. Джинал. 15. Кобчик. 17. Моржовец. 18. Ярошенко. 20. Тегеран. 22. Пастель. 25. Лавр. 27. «Тени».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Петр Антонович Чабан у построенного им колодца. (См. в номере материал «Криницы солдата».) Фото И. Гаврилова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Герой Социалистического Труда Антонина Михайловна Зуева — звеньевая * Животноводство тоже не забыто в хозяйстве * Девочки растут на земле трудолюбивых людей * Колхоз «Волга» Козловского района Чувашии славится высокими урожаями хмеля. (См. в номере материал «Высокий хмель».) Фото А. Бочинина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

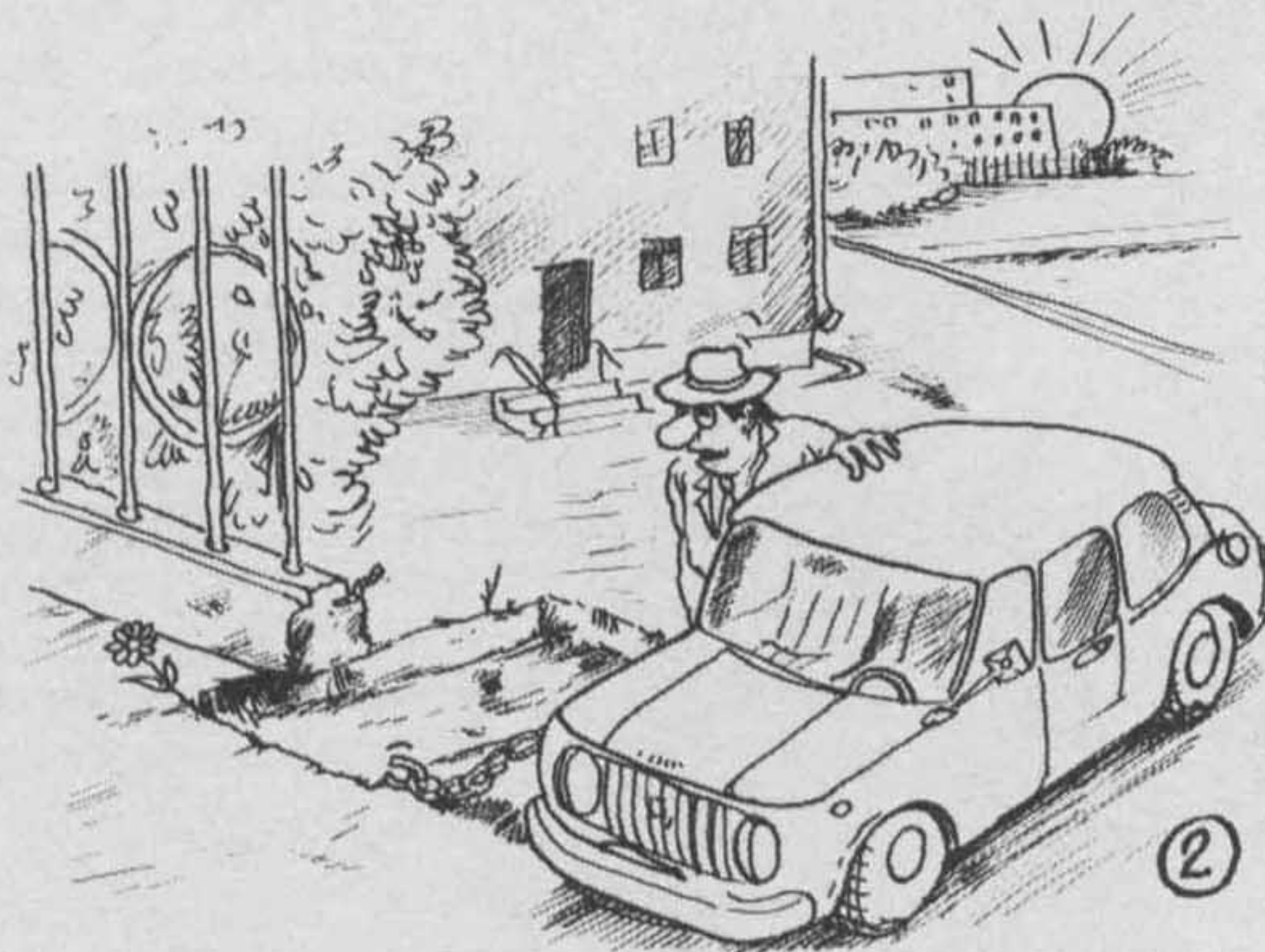
Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 30.09.83. Подписано к печати 18.10.83. А 13388. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2682. Заказ № 1409.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Рисунки В. Ненашева.
Ставрополь



Рисунки В. Воеводина.

Удивительные события происходят в маленьком немецком княжестве. Полученный от жалостливой феи Розабельверде волшебный камзол превращает рыжего, глазастого

Крошку Цахеса во всемогущего господина Циннобера с неограниченной властью. Это власть мундира. С раболепной готовностью подчиняются ей и князь и его придворные... Серьезность, осмысленность делают новый спектакль балетмейстеров Н. Касаткиной и В. Васильева «Волшебный камзол» по сказке Гофмана «Крошка Цахес» (музыка композитора Н. Каретникова) таким интересным. В спектакле на равных правах живут и поэзия и едкая ирония, присущие Гофману.

Балет адресован детям. И заслуживает уважения та глубина, с которой коллектив «Классического балета» говорит маленьким зрителям о вещах, важных и взрослому человеку, — о смысле жизни, о нравственных ценностях. Говорит весело, изобретательно, используя ярко-театральную форму.

«Волшебный камзол» — недавняя работа Н. Касаткиной и В. Васильева — в какой-то мере подводит итоги поискам балетмейстеров в области нравственной темы. Мысль и сильные чувства, свойственные большой литературе, всегда их влекли, начиная с первого спектакля — одноактного балета на сцене Большого театра «Ванина Ванини» (по Стендалю). Затем появились спектакли, которые заставили пристально взглянуть в балетмейстеров, очень быстро миновавших категорию «начинающих». Постановка «Весны священной» И. Стравинского удостоилась одобрения самого композитора... Это они — Н. Касаткина и В. Васильев — пригласили французского балетмейстера Пьера Лакотта и возобновили старинный балет «Натали, или Швейцарская молочница»...

В нынешнем году на конкурсе артистов балета в Варне «золото» завоевали Т. Палий и А. Горбачевич. Но незаметно, что артисты классического загордились. Здесь прежде всего думают о творчестве, а не подсчитывают лавры... Может быть, потому, что останавливаться некогда!.. Коллектив почти всегда на гастролях, работы много. Кстати, ансамбль первым из балетных коллективов побывал прошлым летом за Полярным кругом, в Норильске... Предстоят новые поездки. А пока... По проходу зрительного зала, наигрывая на скрипке, идет музыкант в старинном парчовом камзоле и пудреном парике... Спектакль «Волшебный камзол» начинается...

Галина ГОГОТИШВИЛИ

1. Прекрасная фея Розабельверде — Г. Шляпина и Просперо Альпанус — А. Горбачевич.
2. Сцена из спектакля.
3. Герой спектакля Крошка Цахес — Н. Шалашнова.
4. Танцует С. Белорыбкин.
5. Забавный арапчонок — В. Кураева организует действие.



КЛАССИЧЕСКИЙ БАЛЕТ



ISSN 0131—0097

Индекс 70663



Цена номера 40 коп.

